140

Государственная Академия Истории Материальной Культуры
имени Н. Я. МАРРА

100267

С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

СЕЛО И ДЕРЕВНЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XVI вв.

10903

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1936

140264

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

Выпуск 139

E 1 AOUT 1983

EXCHANGES
N°

Магілеўская абласная бібліятэка

S. VESSÉLOVSKI

Le village dans la Russie Nord-Est aux XIV—XVI siècles

Recherches typologiques

ПРОВЕРЕНО 47

LES ÉDITIONS D'ETAT
SÉCTION SOCIALE ET ÉCONOMIQUE
MOSCOU—LENINGRAD
1936

115 294021 2

11. 188. 8°

С. Б. ВЕСЕЛОВСКИЙ

9(47)
В-38

Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.

Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений

19462
BIBLIOTHÈQUE DE L'UNIVERSITÉ DE PARIS SORBONNE
НКА—БССР
Могилевская АБЛАСНАЯ БІБЛІЯТЭКА імя В. І. Леніна
Могилевская ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. В. И. Ленина
194 г.
№
МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Ленина
ИНВ. №
Могилевская Обл. Библиотека
ECHANGES
№36 592

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1936

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени Н. Я. МАРРА

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ

Кафедра истории русского феодализма
Заведующий кафедрой *С. А. Пионтковский*

Москва, Красная площадь, 2.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР *И. И. СМИРНОВ*
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР *П. С. СМИРНОВ*

Книга сдана в набор 23/IX 1935 г. Подписана к печати 11/I 1936 г.
Соцэкгиз № 1618/л. Ленгорлит № 706. Заказ № 2987.
Формат $62 \times 94^{1}/_{16}$. Тираж 2000 экз.
Объем 9,69 авт. л., $10^{3}/_{8}$ п. л., $5^{3}/_{16}$ бум. л.
Цена книги 3 руб.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции . . . . . 7—8
Глава первая . . . . . 11—36

Вводные замечания (11). Погост как тип селения (13). Погосты и полюдье князей на погостах в Киевской Руси и в В. Новгороде (15). Погосты и образование станов в северо-восточной Руси (16). Утрата погостами значения приходских центров (19). Село как административно-владельческий центр (19). Село как церковно-приходский центр (21). Торговые и ремесленные люди в составе сельского населения (24). Деревня (26). Деревня как отдельное хозяйство (26). Отхожие покосы и лесное угодье (27). Деревня сельскохозяйственный комплекс (27). Разномерность и устойчивость деревенских владений (28). Естественный рост и владельческое укрупнение селений (30). Трехпольный севооборот (32). Режим животноводства и огораживанье полей (33).

Глава вторая . . . . . 37—55

[illegible] (37). Податная ответствен-

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
27	17 сн.	моновых	меновных
65	14 св.	это заявлением	это заявление
70	17 сн.	о древних	о деревнях
141	11 св.	с 1593 г.	в 1593 г.

С. Б. Веселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв.

ское, Козодавлево-Трахонеево, Пахонино и [illegible] (7[illegible]) [illegible] девичьего монастыря. Звенигородский уезд. Дмитриевское-Гузеево. С. Андреевское (78). Владенья Саввы-Сторожевского монастыря (80). Можайский уезд. Села Коржень и Губино (81). Верейской уезд. Илемна (81). С. Дикое (83). Углич и Кашин (84). Новоторжский уезд. С. Медна (95). Радонеж и Переяславский уезд. С. Бужаниново (101). Владения Благовещенского Киржацкого монастыря (102). Владения митрополитов: села Каринское, Романовское (104). Владения митрополичьего Борисоглебского монастыря (105). Владимирский и Юрьевский уезды. Владения митрополитов (108). Волость Плесцо (110). Владения Рождественского монастыря (110)). С. Алексино в Стародубе Ряполовском (111). Ростовский уезд. Села Новое и Поддубное (112). С. Ивашково Михайловское (114). Карашская слобода (116). Костромской уезд. Села Федоровское, Кувакино, Поемечье и Марьинское (118). Село Вятско (123). Села Якольское, Бабино, Костенево и Колшево (124). Село Буяково (125). Ярославский уезд. Село Коприно (127).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени Н. Я. МАРРА

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ

Кафедра истории русского феодализма
Заведующий кафедрой *С. А. Пионтковский*

Москва, Красная площадь, 2.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР *И. И. СМИРНОВ*
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР *И. С. СМИРНОВ*

Книга сдана в набор 23/IX 1935 г. Подписана к печати 11/I 1936 г.
Соцэкгиз № 1618/л. Ленгорлит № 706. Заказ № 2987.
Формат $62 \times 94^{1}/_{16}$. Тираж 2000 экз.
Объем 9,69 авт. л., $10^{3}/_{8}$ п. л., $5^{3}/_{16}$ бум. л.
Цена книги 3 руб.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26.

Б. С. С. Р. 28 ДЕКАБРЯ 1934 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции . . . . . 7—8

Глава первая . . . . . 11—36

Вводные замечания (11). Погост как тип селения (13). Погосты и полюдье князей на погостах в Киевской Руси и в В. Новгороде (15). Погосты и образование станов в северо-восточной Руси (16). Утрата погостами значения приходских центров (19). Село как административно-владельческий центр (19). Село как церковно-приходский центр (21). Торговые и ремесленные люди в составе сельского населения (24). Деревня (26). Деревня как отдельное хозяйство (26). Отхожие покосы и лесное угодье (27). Деревня сельскохозяйственный комплекс (27). Разномерность и устойчивость деревенских владений (28). Естественный рост и владельческое укрупнение селений (30). Трехпольный севооборот (32). Режим животноводства и огораживанье полей (33).

Глава вторая . . . . . 37—55

Порядки тягла XVII в. и окладные единицы (37). Податная ответственность (38). Типы описаний XVII в. и более раннего времени (40). Писцы и даньщики XIV—XV вв. (41). Податная ответственность землевладельцев (43). Древнейшие окладные единицы (46). Вопрос о круговой поруке крестьян в тягле (50). Выть и надельная система землепользования (52).

Глава третья . . . . . 56—68

Мелкое вотчинное землевладенье в северо-восточной Руси и ликвидация неслужилого землевладенья в третьей четверти XVI в. (56). Слуги и соседи Макарьева Колязина монастыря (59). Мелкие вотчинники в окрестностях Троицкого Сергиева монастыря (64). Мелкое вотчинное землевладенье в Белозерском крае (65).

Глава четвертая . . . . . 69—129

Описание отдельных владений в уездах Московского великого княжества Московский уезд. Владения митрополичьей каферды: села Голенищево-Троицкое Кудрино, Пушкино и Сабурово (69). Владенья Троицкого монастыря: Петровское, Козодавлево-Траханеево, Нахабино и Никоново (72). Село Козино Новодевичьего монастыря. Звенигородский уезд. Дмитриевское-Гузеево. С. Андреевское (78). Владенья Саввы-Сторожевского монастыря (80). Можайский уезд. Села Коржень и Губино (81). Верейской уезд. Илемна (81). С. Дикое (83). Углич и Кашин (84). Новоторжский уезд. С. Медна (95). Радонеж и Переяславский уезд. С. Бужаниново (101). Владения Благовещенского Киржацкого монастыря (102). Владения митрополитов: села Каринское, Романовское (104). Владения митрополичьего Борисоглебского монастыря (105). Владимирский и Юрьевский уезды. Владения митрополитов (108). Волость Плесцо (110). Владения Рождественского монастыря (110)). С. Алексино в Стародубе Ряполовском (111). Ростовский уезд. Села Новое и Поддубное (112). С. Ивашково Михайловское (114). Карашская слобода (116). Костромской уезд. Села Федоровское, Кувакино, Поемечье и Марьинское (118). Село Вятско (123). Села Якольское, Бабино, Костенево и Колшево (124). Село Буяково (125). Ярославский уезд. Село Коприно (127).

Глава пятая . . . . . 130—148

Главные этапы эволюции типов селений (130). Общая характеристика селений до середины XV в (131). Рост населения и владельческое укрупнение селений в последней четверти XV в. и в первой половине XVI в. (132). Приостановка этого процесса во второй половине XVI в. (132). Войны, опричнина, неурожаи, голодовки, эпидемии (133). Главные этапы кризиса (140). Владельческое укрупнение селений и вопрос о владельческой запашке (140). Голод и разорения первых двух десятилетий XVII в. (144). Хозяйственная реставрация с 1620 г. в условиях разоренного и закрепощенного крестьянства (145).

Указатель географических имен . . . . . 149—156

Указатель личных имен . . . . . 160—164

НК СССР
Могилевская областная библиотека имени В. И. Ленина
Могилевская областная библиотека им. В. И. Ленина
194

От редакции

Работа С. Б. Веселовского посвящена исследованию одной из важнейших проблем истории феодализма в России. Будучи по содержанию шире своего заглавия, она, по существу, представляет исследование форм феодального землевладения (главным образом, крестьянского) северовосточной Руси XIV—XVI вв.

Сама по себе проблема истории форм землевладения в древней Руси — не нова. В дворянско-буржуазной историографии России это была одна из тех тем исторического исследования, где классовый характер исторической науки выявлялся наиболее отчетливо. Начиная Б. Н. Чичериным и кончая П. А. Соколовским и А. Я. Ефименко, вопрос о характере и формах землевладения в России решался так или иначе в непосредственной зависимости от классового и политического лица историка.

Естественно было бы ожидать, что в работе, написанной в 1935 г., мы найдем новый, принципиально отличный от предшествующих исследований подход к проблеме истории форм феодального землевладения в России и прежде всего использование, в качестве методологической основы для конкретного исследования, богатейшего теоретического наследия по этому вопросу классиков марксизма-ленинизма.

Однако, исследование С. Б. Веселовского не является такого рода работой. По своим методологическим установкам оно является продолжением того направления в старой русской историографии, наиболее яркими выразителями которого были Б. Н. Чичерин и В. И. Сергеевич.

В своих построениях С. Б. Веселовский имеет, в качестве основной методологической предпосылки, своеобразную робинзонаду, выработанную русской дворянско-буржуазной историографией. Сущность этой робинзонады сводится к тому, что начальной формой землевладения в России была частная земельная собственность отдельного двора — деревни, возникшей в результате захвата крестьянином-пионером свободных девственных земель. С предельной четкостью этот тезис сформулирован С. Б. Веселовским в следующих словах: «В качестве пионеров земледельческой культуры на первом плане и в первых ролях являются не волость, не монастырь и даже не

группы и союзы крестьян, а слободчики и отдельные крестьяне, которые селятся на расчищенных от леса участках однодворными деревнями, иногда отец и сын порознь» (стр. 120). Защите и обоснованию этого тезиса и посвящена работа С. Б. Веселовского.

Но именно в этом и основной порок исследования С. Б. Веселовского. Несостоятельность тех идей, которые пытается гальванизировать С. Б. Веселовский, очевидна и вряд ли нуждается в доказательствах. Как и всякая другая робинзонада, теория о первобытном крестьянине-пионере является проецированием в глубь истории категорий буржуазного общества, в данном случае — капиталистического фермера. Вряд ли нужно аргументировать, что и теория девственных лесов и равнин, колонизуемых славянскими пришельцами, такой же миф, как и вся робинзонада в целом.

Маркс еще в 60-х годах XIX в. высмеивал «вестфальский юнкерский взгляд (Мезер и т. д.), что немцы поселялись каждый в отдельности и лишь впоследствии образовывали села, волости».

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс, излагая ход развития форм землевладения: от родовой коммуны через семейную общину к сельской общине, — подчеркивает, что «для России такой путь развития представляется вполне доказанным».

В настоящее время выводы Маркса и Энгельса подтверждаются не только возросшим историческим, но и археологическим материалом. Больше того, мы имеем теперь возможность, можно сказать, физически осязать славянскую семейную общину на примере одной из таких общин VIII—X вв., открытой П. П. Ефименко при раскопках Боршевского городища в Воронежской области.[1]

В своем конспекте книги К. Каутского «Аграрный вопрос» Ленин дает следующую характеристику форм землевладения феодальной эпохи:

«Формы крестьянского землевладения — *компромисс* между общинным и частным землевладением.

в частной собственности: усадьба, дом; полосы земли в различных «концах» поля.

---

[1] «Открытые нами жилища, — сообщает в своем отчете П. П. Ефименко, — имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, по одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда. Это было население многолюдное, судя по большому количеству укрепленных пунктов и селищ, державшееся глухих и болотистых пространств более северной части быв. Воронежской губ. Занималось оно главным образом охотой и рыболовством... Занималось это население и земледелием, о чем свидетельствуют находки ручных жерновов и высеченные в мелу ямы, часть которых служила, несомненно, для хранения хлеба. В очагах были находимы обгорелые зерна проса». (Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 2, стр. 8).

в общинной собственности: выгон
(NB) Inde: Flurzwang».

Эта консервативная система хозяйства преобладает везде, все равно и у свободных и у зависимых крестьян» (Ленинский сборник, XIX, стр. 31). Эта ленинская характеристика дает ключ для правильного понимания тех фактов, при помощи которых С. Б. Веселовский пытается доказать извечность частной земельной собственности отдельных крестьян.

Многочисленные факты частной собственности крестьян на пахотную землю, приводимые С. Б. Веселовским, в сочетании с принудительным севооборотом и общей собственностью волости на угодья, становятся закономерным явлением и делаются вполне понятными, если их рассматривать, исходя из тезиса о том, что крестьянское землевладение в эпоху феодализма представляет собою «компромисс между общинным и частным землевладением». Таким образом, открывать с С. Б. Веселовским полемику на тему: была ли община в древней Руси — нет нужды.

Но, отбрасывая общую концепцию С. Б. Веселовского, необходимо констатировать, что его работа представляет значительную ценность как конкретное исследование типа поселений XIV—XVI вв. в одном из важнейших и в то же время наименее изученых для этого периода районов феодальной Руси.

Привлекая богатый документальный материал, как изданный, так и архивный (в частности акты из архивов Троицкого-Сергиева и Колязина монастырей), С. Б. Веселовский рисует детальную картину типов поселений северо-восточной Руси XIV—XVI вв.; и здесь С. Б. Веселовский открывает ряд новых явлений экономической истории феодальной Руси. Важнейшим из наблюдений С. Б. Веселовского является отмеченное им владельческое укрупнение селений: «Со второй половины XV в. становится заметным, а с течением времени несомненным и повсеместным укрупнение селений. В этом явлении надо различать две стороны: укрупнение селений вследствие естественного роста населения и укрупнение за счет количества селений, когда 2—3 селения по воле землевладельца были соединяемы в одно и земли их образовывали одно сельскохозяйственное целое. Владельческое укрупнение селений за всю первую половину XVI в. идет одновременно и на почве естественного роста населения. Позже оно становится самостоятельным явлением, и укрупнение селений становится политикой землевладельческого класса, независимо от прироста населения, а иногда даже при уменьшении населения» (стр. 131). С. Б. Веселовский рассматривает это свое наблюдение, главным образом, в плане опровержения теории об «исконности и универсальности земельной общины» (стр. 107), как доказательство «вторичного» характера крупных поселений, возникающих из соединения отдельных деревень-хуторов. Но, в действительности, природа

этого явления совершенно иная. Владельческое укрупнение селений — одна из сторон процесса распространения феодальных отношений вширь, процесса включения в сферу феодальной эксплуатации новых групп крестьянства.

Правильно подчеркивая невозможность для XIV—XVI вв. статистического исследования форм землевладения ввиду недостаточности и неполноты источников (стр. 11), С. Б. Веселовский применяет прием монографического описания отдельных селений или групп селений, входящих в состав одного земельного владения. При этом великолепное знание источников позволяет С. Б. Веселовскому рисовать картину эволюции феодальных селений и владений иногда на протяжении более чем столетия. Эта конкретная часть исследования С. Б. Веселовского, занимающая свыше половины всего текста, является самой ценной в его работе. Напротив, заключительная глава, посвященная подведению итогов и формулировке выводов, вызывает наибольшие возражения. Нельзя согласиться также и с трактовкой процессов экономической и политической истории Московского государства в XVI в., даваемой С. Б. Веселовским, правда, попутно и весьма сжато, в той же заключительной главе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вводные замечания. Погост как тип селения. Погосты и полюдье князей на погостах в Киевской Руси и в Великом Новгороде. Погосты и образование станов в северо-восточной Руси. Утрата погостами значения приходских центров. Село как административно-владельческий центр. Село как церковноприходский центр. Торговые и ремесленные люди в составе сельского населения. Деревня. Деревня как отдельное хозяйство. Отхожие покосы и лесное угодье. Деревня—сельскохозяйственный комплекс. Разномерность и устойчивость деревенских владений. Естественный рост и владельческое укрупнение селений. Трехпольный севооборот. Режим животноводства и огораживанье полей.

В работах историков, социологов и экономистов мы встречаем разрозненные, случайные замечания относительно зависимости форм и характера поселений от социально-экономического строя. В виде общего положения об этом писали Маркс и Энгельс, но в последующей литературе этот вопрос остается не разработанным и не поставленным в виде особой темы. В предлагаемом вниманию читателей исследовании я сделал опыт постановки вопроса применительно к сельским поселениям северо-восточной Руси XIV—XVI вв., с указанием источников и путей разработки его.

В зависимости от сохранившихся источников с древнейших времен и до конца XVI в. статистический метод исследования невозможен. Остается путь описания и анализа фактов и явлений. Исследование же эволюции селений целесообразнее и удобнее всего вести не по отдельным селениям, а по владениям, более или менее крупным, частным, монастырским и церковным. Это сделано мною в четвертой части работы, причем материал расположен по тогдашним уездам. Конечно, было бы правильнее расположить его по экономическим районам, а не по политическим и административным делениям территории, каковыми были уезды, но это предрешало бы сложный вопрос экономического районирования, который может быть решен только на основании разработки большого конкретного материала.

Слова имеют свою историю и с течением времени изменяются в своем значении. Это — несомненная истина, однако мы, формируя свои представления о каком-нибудь новом вопросе,

очень часто забываем эту истину или упускаем ее из вида, что порождает недоразумения. Поэтому будет полезно предпослать исследованию несколько общих терминологических замечаний, которые позже будут развиты подробнее.

Современное значение слова «деревня» не нуждается в пояснениях. Деревня XIV—XV вв. имела другой вид, чем деревня XVII—XIX вв. Типичной для того времени была деревня в 1—3 двора, а слово «деревня» означало не самое селение, не постройки, а участок земли, и непросто участок, а комплекс угодий: пашенной земли, покосов, леса и т. п., составлявших в целом деревенское хозяйство. В купчих XVII в. деревню продавали обыкновенно с крестьянами и с их дворами. В XIV—XVI вв. крестьяне и их дворы никогда не упоминаются в купчих, а выражение «купить деревню» означало приобретение такого комплекса земель различного назначения, который в целом составлял деревню. В этом сказывалась мысль, что деревня по существу есть хозяйственное целое, особое хозяйство. Таково было, повидимому, древнейшее значение слова «деревня», этимология которого остается спорной и не выясненной.

Слово «село» встречается уже на первых страницах летописей. Однако в Киеве и позже в северо-восточной Руси оно имело совсем не тот смысл, который стало приобретать в XV веке и имеет в настоящее время. Древнейшее село есть населенное владение, княжеское или боярское, в котором, кроме главного селения с владельческим двором, могло быть множество мелких селений — деревень. Главное селение «село» было административно-хозяйственным центром княжеского и боярского владения, в котором вокруг владельческого двора прежде всего стали возникать дворы господских холопов. Позже в селе стали ставиться дворы сирот и крестьян, но еще в XV в. и даже в первой половине XVI не были редкостью села, в которых не было никаких других дворов кроме господского и людских, а крестьяне жили по деревням, окружавшим село. В то же приблизительно время, т. е. в XIV—XV вв., село приобретает значение центра церковного прихода. Вероятно, очень рано владельцы начали ставить в своих резиденциях свои собственные, вотчинные церкви, но образование новых приходов зависело от церковных властей, которые не сразу и не всегда давали разрешение на устройство прихода, тем более, что приходские центры, в виде погостов, существовали уже с первых времен принятия христианства. После устройства приходской церкви селу оставалось только обрасти крестьянскими дворами, стянуть крестьян из мелких деревень в свою околицу, и тогда, наконец, оно приобрело тот вид и то значение, которые имело в XVII—XIX вв.

Не всем владельческим центрам удавалось стать центрами церковных приходов, и такое поселенье с господским двором

и усадьбой называлось сельцом, независимо от того, был ли в нем вотчинный (ружный, бесприходный) храм или нет. Таким образом, сельцо, с вотчинным храмом или без него, можно назвать как бы недоразвившимся селом.

Наибольшие перемены на протяжении веков произошли в значении погостов, и в соответствии с этим больше всего изменилось значение самого слова «погост». В настоящее время слово «погост» употребляется как синоним кладбища. Чаще, однако, этому слову придается более широкое значение: погостом называется бесприходный храм при кладбище. Погост иногда находится на окраине села, но чаще стоит особняком от других селений. Во всяком случае погостская церковь не имеет прихода, и погост входит в состав сельского прихода. Все население его состоит обыкновенно из причта и кладбищенского сторожа.

Значение погоста как кладбища характеризуется целым рядом поговорок. «Мертвые с погоста не ворочаются». То же, но более тонко, с оттенком мысли о невозвратности прошлого, выражает поговорка: «мертвых с погоста [обратно] не носят». Чтобы оправдать свое равнодушие к чужому горю, говорят: «на погосте живучи, всех [покойников] не оплачешь». Кладбищенский священник, не имея прихода, живет небольшим участком земли, отведенным к погосту, и доходами от погребения покойников. Его бедность, в сравнении с сельским причтом, и отсутствие у него прихожан характеризуются пословицами вроде: «сидеть попу на погосте, коли не зовут в гости»; «живет на погосте, а хлеба ни горсти»; «звона много, а хлеба нет».

Различия в исторических судьбах огромной территории СССР сказались и на истории очень древнего слова «погост». Первоначальное его значение, изменяясь с течением времени, расщепилось, если можно так выразиться, на составные части. Данное выше определение погоста применимо к средней полосе, преимущественно к территории бывшей Руси княжеских уделов, и характеризует одну сторону древнего погоста. На Урале (в б. Оренбургской губернии) погостом называют стоящий вне селений на проезжей дороге постоялый двор, на котором останавливаются «гостить» проезжие. С этим можно сопоставить употребляемое в б. Смоленской губернии, в значении большой дороги, слово «гостинец».

В противоположность этому на Севере, в бывших владениях Великого Новгорода, погост во многих отношениях сохранил свои архаические черты. Под властью Великого Новгорода и позже Московского государства погост был центром приходской жизни и мирского самоуправления и получил значение округа, аналогичного стану княжеской Руси. Погосты, как правительственное подразделение уезда, были упразднены в 1775 г., но до сих пор на Севере слово «погост» употребляется в различных значениях, охватывающих все признаки погоста Киевской

Руси: погост — сельский приход, группа деревень одного прихода, волость, постоялый двор, этап сухого или водного пути, который делают без отдыха.

Отсюда становятся понятными затруднения и колебания редакторов «Списков населенных мест по сведениям 1859 года», изд. Центрального статистического комитета при Министерстве внутренних дел. И. Вильсон, редактор списка по Тверской губернии, определил погост как «местность с церковью и домами священно- и церковнослужителей».[1] А. Артемьев, редактор списка по Ярославской губернии, под впечатлением более северных и более архаических селений губернии, дал более пространное и несколько сбивчивое определение: «погост — местность с церковью и домами церковного причта. Слово это древнее и исстари удержалось за некоторыми такими селениями, в которых в настоящее время живут не одни священно- и церковнослужители, но также крестьяне и люди других сословий. Напротив, настоящие погосты, образовавшиеся в новейшее время, называются селами; да и вообще, погост ныне чаще заменяется словом село».[2]

Это разнообразие и сбивчивость определений термина «погост» объясняются историческими судьбами погоста, как населенного пункта. Там, где еще существуют в том или ином виде погосты, они являются пережитками очень глубокой старины в различных стадиях видоизменения и отмирания.

Этимология слова «погост» не вызывает сомнений. Гость — приезжий купец, иноземный (в широком смысле слова). В этом смысле слово «гость» употреблялось и в Киевской Руси, и позже в Московском государстве. От этого корневого слова целый ряд производных: гостин или гостиный двор для приезда торговых людей, гостебная и гостиная пошлина с торговых людей и их товаров, гостинец — большая дорога, гостинцы — привозные подарки и угощения, и т. п. Отсюда же и слово погост, в смысле места, где останавливались погостить приезжие торговые люди. Поскольку на погосте, кроме торговых людей, останавливались князья на полюдье и их люди, погост выражает ту же идею, как слово стан, место остановок, в северо-восточной Руси.

О происхождении погостов, как внегородских торговых и административных пунктов, можно только догадываться и высказывать предположения. Возможно, что погосты возникали на местах языческих мольбищ и первоначально были местами, куда население собиралось периодически — одновременно и для жертвоприношений, и для торговли. Такие пункты посещали

---

[1] СПб., 1862, т. XXXIX. Почти такое же определение дал Е. Огородников, редактор списка по Московской губернии: «погост — имеет церковь и население, состоящее из священно- и церковнослужителей». СПб., 1862, т. XXVII.

[2] СПб., 1865, т. XLVIII.

приезжие торговые люди, гости, и отсюда название таких пунктов погостами. Во всяком случае в Киевской Руси погосты очень рано оказываются связанными с княжеским полюдием.

Полюдье, имеющее большие аналогии в западноевропейских странах, было очень характерным институтом Киевской Руси X—XII вв. Огромные и слабо населенные пространства, трудные пути сообщения, недостаток организации для сбора и хранения доходов, главным образом натуральных, все это диктовало ту форму эксплуатации населения и управления им, которая известна под именем полюдия. Князь, отправляясь с дружиной на полюдье, преследовал несколько целей: творил суд и расправу, что давало значительный доход, сбирал дани и оброки и потреблял с дружиной на месте сбора такие продукты, которые было трудно перевозить и хранить. Весьма возможно, что, останавливаясь на погостах, князья и его дружинники не упускали случая принимать участие в торговле с приезжими гостями.

Несомненным представляется, что погосты, как места княжеских остановок, должны были очень рано получить значение центров известных округов. Князь должен был определить, а население знать, куда свозить дани и оброки и где судиться. Возможно, что первоначально к погосту была закреплена не территория, а подданное и подсудное население, и только позже территория, занимаемая этим населением, приобрела определенность податного и судебного округа.

В таком именно смысле следует понимать известные сообщения летописей об уставах вел. кн. Ольги. Покорив древлян, Ольга с дружиной прошла по их земле, «уставляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища». Через год, в 947 г., Ольга ходила в Новгородскую землю «и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ее суть по всей земли, знаменья и места и погосты».[1]

Эти сообщения, направленные к прославлению правительственной деятельности вел. кн. Ольги, несмотря на краткость, представляются достаточно ясными. Знаменьем или знаменами назывались условные знаки, которые нарубали топором на деревьях для определения границ лесных владений. Ольга, объезжая свои владения, «уставила» ловища, т. е. определила заповедники княжеской охоты и нарубила и натесала знамена на пограничных деревьях. Договариваясь с населением и определяя дани и оброки, т. е. ежегодные платежи (оброк, урок — ежегодный платеж), Ольга уставила «становища» и погосты, т. е. места, где население должно было платить дани и оброки. Естественно и необходимо, она должна была установить и районы, население которых должно было тянуть к своему погосту.

---

[1] Лаврентьевская и Софийская летописи под 6454 и 6455 гг.

После принятия христианства погосты, как привычные для населения места периодических сборищ, естественно стали местами, где ставили церковь, и погост приобрел таким образом значение прихода, где поселился церковный причт и было устроено кладбище, если оно не существовало уже во времена язычества.

Можно было бы задаться вопросом, почему при таких условиях погосты не стали населенными пунктами. Ответ на это представляется нетрудным: население вообще не селилось и не жило в крупных селениях. Даже города, будучи военными, административными и торговыми центрами, были для населения не столько местами постоянного жительства, сколько защищенными местами, куда оно сбегалось, унося с собой имущество и угоняя скот, в случае опасности.

Из Киева и Новгорода погосты распространились на Севере, до крайних пределов новгородских владений. Быть может, как общее правило, они утратили там с течением времени значенье торговых пунктов, но в смысле административно-податных, судебных и церковно-приходских округов и центров мирского самоуправления они существовали там повсеместно и в эпоху независимости Великого Новгорода, и позже — под властью Москвы.[1] Трапезная погостской церкви была местом, где происходили суды, выборные старосты производили раскладку и сбор податей и где периодически по праздникам, преимущественно осенним, происходили братчины и пиры, на которых устраивали в складчину угощенье и варили пиво (так называемое «ссыпное пиво»), и угощали всех званых и незваных гостей. Отзвуком этого многовекового обычая является пословица: «было бы пиво на погосте, а к пиву будут гости», т. е. к братчинному пиву нет надобности особенно усердно приглашать гостей.

Полюдье и погосты были хорошо известны и Суздальской Руси, но здесь они, в зависимости от особых условий жизни, приняли другой характер. Эволюция и процесс разложения для нас, по состоянию источников, неизвестны, но мы можем наблюдать много остатков и пережитков киевских явлений. Последний вопрос может быть темой специального, очень интересного исследования, а я, в зависимости от своей темы, остановлюсь только на тех сторонах вопроса, которые имеют прямое отношение к истории внегородских селений.

В северно-восточной Руси места остановок князей, а позже их наместников, волостелей, тиунов и других приказных людей получили название станов, и с течением времени станы приоб-

---

[1] О погостах в новгородских владениях см. В. И. Сергеевич, Древности русского права, т. III, стр. 79—87, 2-е изд., СПб., 1911. В полемике Сергеевича с Папковым последний, конечно, ближе к истине, подчеркивая важную роль погоста, как центра церковного прихода.

рели значение основного территориального деления княжеских уделов и уездов. В своих передвижениях князья и их дружинники пользовались прежде всего судоходными реками. Междуречья переезжали сухим путем либо через волоки, перетаскивая лодки по земле, либо придерживаясь бассейнов мелких речек, впадающих в судоходные реки. В летописях есть краткое, но весьма интересное сообщение об основании в 1154 г. кн. Юрием Владимировичем г. Дмитрова. Князь Юрий, повидимому, был на верховьях р. Яхромы, там, где позже находился стан Вышгород, и здесь у него родился сын Дмитрий, — «бе тогда [кн. Юрий] в полюдье на реце Яхроме, и с княгинею, и заложи град во имя сына своего и нарек Дмитров».[1] Яхрома несколько ниже Дмитрова, приблизительно с того места, где позже возник Николы Песношский монастырь (27 верст от Дмитрова), становилась судоходной и, впадая в Дубну, выводила на Волжский путь. Эта случайно сохраненная для нас летописцем подробность о рождении у кн. Юрия сына и основании Дмитрова (полюдье на реке Яхроме) в действительности неслучайна. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на тот факт, что большинство станов северо-восточной Руси получило свои названия от рек и местных урочищ, тогда как возникшие много позже, как административные деления, волости очень часто, если не в большинстве случаев, получили названия от сел, которые были для них центрами.

Возьмем обширный Дмитровский уезд, где в XII в. кн. Юрий был на полюдье и основал г. Дмитров. Из 12 станов его, существовавших в XV в., шесть получили название по рекам: Зарадомский, Инобожский, Каменский, Лутосенский, Повельский и Юлка (в конце XV в. или в XVI Юлка по церковным приходам разделилась на два стана: Троицкий и Козьмодемьянский). Пять станов получили названия по местным урочищам и другим местным признакам (но во всяком случае не по селениям): Вышегородский, Раменский, Берендеев, Мушков (ср. урочище Мушкова гора и погост) и Ижва. Наконец, один стан — Бортный — получил название, очевидно, по своему назначению в княжеском хозяйстве.

То же мы видим в соседнем с Дмитровом Кашинском уделе Тверского княжения: и здесь ни один из станов не получил названия от сел. По рекам назывались: Дубенский, Жабенский, Нерехотский, Пудицкой и Ходческий. По городкам, в XV в. уже не существовавшим, назывались станы Кочемль и Белград. По урочищам или местным условиям получили названия станы: Гостунский, Мерский, Чудский, Середицкий и Суходольский. Наконец, три стана, возникшие на почве слободских привилегий, носили названия: Завостинская слобода, Большая

[1] IV Новгородская летопись, П., 1915, стр. 153.

МОГИЛЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Ленина ИНВ. №

и Малая Задубровские слободы, когда слобод в действительности уже не было.

Какой бы уезд мы ни взяли, везде мы находим бо́льшее или меньшее количество станов, названных несомненно по рекам, значительное количество — по урочищам и местным условиям, и не находим таких станов, которые бесспорно и несомненно получили бы название от сел. Многие волости носили название по селам, но очень часто можно доказать при помощи источников, что эти села и волости были позднейшего происхождения. Это — понятно, если напомнить, что слово «волость», подобно слову «село», получило свое позднейшее значение административного деления очень поздно, не ранее XV в., когда деление уездов на станы просуществовало уже несколько столетий.[1]

Когда княжеское полюдье в XIII в. вышло из обыкновения, когда князья стали поручать управление, суд и сбор доходов своим наместникам, то последние, проживая в городе, военными начальниками которых они были, периодически объезжали свой уезд, останавливаясь на станах. С течением времени и разъезды наместников выходят из практики. В станах появляются волостели — кормленщики с своими «пошлинными» людьми, приставами, доводчиками и праведчиками. В XV в. разъезды наместников встречаются как редкое исключение. Таким исключением является «проездной суд» наместника в Бежецком уезде в середине XV в.[2]

Очень сомнительно, чтобы волостели жили постоянно в станах. По крайней мере прямых указаний на это мы не видим. Несомненно только, что они пользовались иногда для своих остановок погостами, которые находились в стану. Так, напр., в Корзеневе стану Московского уезда — стан волостеля был на Козьмодемьянском погосте. Однако в соседнем с Корзеневым станом в Кинельском стану Переяславского уезда стан волостеля находился приблизительно в середине территории, на р. Вондоге, недалеко от существующего ныне с. Дерюзина. Это был небольшой участок земли, десятин около 25, лежавший возле большой дороги из Москвы в Переяславль и окруженный со всех сторон владениями Троицкого монастыря. Очевидно, он был уже ненужен и в 70-х гг. XV в. был променен великим князем Троицкому монастырю.

---

[1] О первоначальном значении слова «волость» см. В. И. Сергеевич, Древности русского права, т. I, 2-е изд., 1902. Полезный список станов и волостей Замосковья дал Ю. В. Готье в приложении к своей работе «Замосковный край в XVII в.», М., 1906. К сожалению, список составлен без достаточного учета времени. Ю. В. Готье не упускал случая вносить в свой список дополнения и поправки из актового материала с XIV в., но не применил того же метода с другого конца, т. е. по актам и писцовым книгам XVI — XVII вв. не выделил волостей, возникших много позже.

[2] В жалованной грамоте 1446 г. Троицкому монастырю: «также проездным судом наместници мои к ним не въездят, ни корма у них проездного не емлют». Памятники социально-экономической истории, т. I, стр. 49, М., 1929.

Таким же ненужным оказалось в третьей четверти XV в. становище волостеля в Жабенском стану Кашинского уезда и было променено вел. кн. Михаилом Борисовичем Тверским Колязину монастырю.[1]

В Радонежском уделе серпуховских князей наместник, а позже волостель останавливались в городке Радонеже.

Распространение иммунитетных частных и монастырских владений лишало кормленщиков большей части их доходов и вытесняло, если можно так выразиться, волостелей из станов. Напомню, что по иммунитетным грамотам наместники и волостели лишались права въезжать в околицу боярщины и монастырщины и посылать туда своих пошлинных людей. Так, напр., одна из древнейших известных нам жалованных грамот, грамота 50-х гг. XIV в. Ярославскому Спасскому монастырю, за оброк в 2 руб. освобождала владенья монастыря от всех податей и давала ему полную независимость от княжеских кормленщиков: становщики князя не имели права въезжать в монастырские владения, «ни стану не чинят в селех Спасских». Даже сместный суд по «вопчим делам», т. е. по таким, в которых монастырские люди тягались с посторонними людьми, должен был происходить не в монастырщине, а в самом монастыре.[2] Грамоты XV в. ограничивают несудимость боярщин и монастырщин: все дела о душегубстве, разбое и татьбе с поличным становятся подсудными наместникам и волостелям, но за то иммунитетные привилегии более точно оформляются и становятся общим правилом. Иммунитетные владенья освобождаются от обязанности ставить и охранять с тяглыми людьми становые дворы кормленщиков, очень часто получают право платить вместо кормов деньгами, а иногда освобождаются и от денежного платежа.

Этими привилегиями церковного, монастырского и частного землевладенья объясняется разложение всей системы кормлений, а в связи с этим находится эволюция погостов и утрата ими своего первоначального значения.

Утрата погостами своего торгового значенья, а затем своей роли как станов для суда и сбора налогов произошла в такие времена, от которых у нас почти не осталось источников. Последним этапом в отживании погостов была утрата ими значения церковно-приходских центров. Завершение этого процесса мы можем уже наблюдать в сохранившихся источниках. Привилегированные землевладельцы, ограждаясь от черных миров и от наместников и волостелей, естественно стремились обособить и церковноприходскую жизнь населения своих владений.

---

[1] ГАФКЭ, Архив Колязина монастыря, кн. 4, грам. 10. В XVII в. на месте становища у Колязина монастыря была дер. Стан, на реке Волге. Там же, Писцовые книги, № 173, л. 505 и сл.

[2] Амвросий, История Российской иерархии, т. VI, стр. 229—231, М., 1815.

Они ставили у себя церковь и, обеспечив причт участком земли и хлебной и денежной ругой, без особого затруднения получали от церковной власти образование к ней прихода, который по возможности совпадал бы с границами боярщины. Соседние погосты, лишаясь прихожан, а вместе с тем и доходов, пустели, церкви их становились «без пенья», и затем нередко случалось, что погост исчезал бесследно. В XVI в. почти все уцелевшие погосты стояли не на частновладельческой, а на государевой земле. Огромное большинство погостов XV—XVI вв. не имело приходов, но были и такие, которые были приходскими центрами, и такие погосты в XVI—XVII вв. превратились в села (см. выше определение погоста, данное Артемьевым, редактором Списка населенных мест Ярославской губернии).

На территории б. Московской губернии мы знаем большое количество погостов. В XV—XVI вв. очень многие из них уже запустели и в источниках упоминаются как пустыри государевой земли. Есть приходские погосты, но почти всегда они находятся в черных и дворцовых владеньях, которые, судя по источникам, никогда не были в частновладельческих руках. Не случайность то, что наибольшее количество погостов вообще и приходских в частности сохранилось в XVII в., а частью и до настоящего времени, в восточных уездах, в Бронницком и Богородском, где было много черных и дворцовых владений московских князей.

Писцовая книга Коломенского уезда 1578 г. очень показательна для характеристики финала борьбы между владельческим селом и погостом за приходы. В книге описано несколько десятков погостов, и все они стояли на государевой земле. Большинство погостов имеет участок земли в 20—40 десятин, реже больше или меньше. Распределение погостов по станам очень различно. В Б. Микулине стану — 10 погостов, в Усть-Мерском 3 жилых и 3 пустых, в Комареве стану — 4, Скульневе и Пахрянском по 3 погоста, в Брашеве и других станах по одному погосту. Писцы не раз отмечают, что тот или иной погост «стоит без пенья», т. е. без причта, в иных церковь «обвалилась», а иные запустели совсем, оставив по себе на соблазн соседей участки беспризорной земли.[1]

Но в том же Коломенском уезде, на границе с Рязанским уездом, мы находим в черной Высоцкой волости погост старого типа. На территории свыше 4500 десятин к погосту тянуло (в 1554 г.) 105 деревень с 305 дворами. На погосте Георгия Великого (ныне погост Новогеоргиевский, километрах в 15 от Егорьевска, Рязанской губернии) жили поп и один крестьянин. Погост был станом волостеля и приходским храмом для всей волости, которая образовалась, видимо, на почве слободских при-

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 393, 407, 436, 453, 472, 492, 501, 594.

вилегий и пользовалась самоуправлением, пока не попала в третьей четверти XVI в. во владенье Чудова монастыря.[1]

Еще архаичнее представляется Вохна, самая крайняя на востоке волость Московского княженья. В числе княжеских владений она упоминается в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты. Через 200 с лишним лет она достается в удел кн. Владимиру Андреевичу Старицкому, который в 1561 г. дал бобровникам Вохонской волости земскую уставную грамоту.[2] По широте самоуправления, которым пользовалась Вохна, она не уступает северным волостям. Таким образом, здесь были налицо все условия для сохранения черно-тяглой старины, не знавшей, видимо, никогда частновладельческой власти. По описаниям около 1585 г. и 1595 г., когда Вохна была уже за Троицким монастырем, в волости было 3 жилых приходских погоста: Дмитровский на реке Вохонке, Уполозы Богородицкий на р. Клязьме и Никитский на Дрозне. Погост Богородицы на Исакове озере запустел, так как был, видимо, бесприходным. На всех погостах все «строение», т. е. постройки и церковное имущество, было мирское. Описание 1585 г. отмечает один новый погост — Пятницкий, который был поставлен крестьянином соседней деревни Ив. Аксеновым, но запустел, очевидно, по недостатку средств. Возле Дмитровского погоста находилось селение Павлово, в котором жил монастырский приказчик. Это был административно-хозяйственный центр волости и назывался поэтому сельцом. Лет через 50 сельцо Павлово (ныне Павлов посад) стало значительным торговым центром местного значения. По описанию 1624 г. в нем было 26 дворов крестьянских и бобыльских и по воскресеньям происходил торжок, «а на том торжку 30 лавок рубленых да 20 скамей». Несколько позже Павлово стало селом, и Дмитровский погост слился с ним.[3]

В таких сложных процессах как перерождение и отмирание погостов и образование новой формы селений — села — трудно говорить о хронологии. Очень вероятно, что уже в Киевской Руси и в Суздальской Руси XIII в. были села с значением церковного прихода, но в общем несомненно, что временем наиболее интенсивного образования сельских приходов были XIV—XV вв. Несколько позже село, как форма селений, приобрело еще один элемент и после этого получило то значение, которое оно имело позже. Я имею в виду тяглый элемент в составе сельского населения. Есть много оснований полагать, что древнейшее село было в сущности владельческим двором, в котором и

---

[1] Жалованная уставная грамота Высоцкой волости 1536 г. — АИ, I, № 137. Сотная грамота с писцовых книг 1554 г. — Шумаков, Сотницы, т. III, стр. 20—24. Описание 1578 г. — Писцовые книги Московского государства, I, стр. 569—575.

[2] ААЭ, I, № 257.

[3] Описания 1585 и 1594 гг. — Писцовые книги Московского государства, I, стр. 86—95 и 287—290. В. и. Г. Холмогоровы, Исторические материалы, вып. VI, Вохонская десятина, стр. 47, 48, 50 и 138.

возле которого жило бо́льшее или меньшее количество рабов. Все прочее население боярщины проживало в окружавших село деревнях. Таким образом село первоначально было владельческим административно-хозяйственным центром, и только таким центром.

Это отразилось и на истории термина «село». В XIV в. и в первой половине XV мы можем наблюдать постоянные колебания в употреблении этого слова: оно то означает селение того типа, которое позже постоянно называется селом, то употребляется в старом значении, в смысле именья, населенной территории, а иногда даже участка земли вообще. В одной жалованной грамоте 1425 г. Троицкому монастырю читаем: «Что их села в Кинельском стану: Беклемишева, Вяхорева деревня, Назарьевская деревня, пустошь Фаустовская... и кто имет в тех селах и в деревнях и на пустоши жити людей» и т. д.[1] Деревни Вяхорева и Назарьева существовали и позже, а села Беклемишева никогда не было, а был участок земли, данный монастырю Федором Беклемишем. В 30-х гг. XV в. Троицкий монастырь купил у Дубровы Раменьева участок земли на запад от Переяславского озера. В купчей сказано: «село Молитвинское и с деревнями», а в межевой грамоте, которую дал при купчей и писал сам Дуброва, написано: «землю Молитвинскую да Круглое». В действительности это был так наз. Молитвинский лес, который позже часто упоминается, а в нем несколько починков. В середине XV в. дьяк Иван Поповка дал Кириллову монастырю «в Дмитрове в Чепринском селе 11 деревень... и с хлебом».[2] Подобных примеров при желании можно было бы привести много. Ясно, что этого не могло бы быть, если бы понятие, обозначаемое словом «село», имело определившееся содержание.

Села XV в. невелики. По количеству дворов они немногим превышают среднюю деревню XVII—XIX вв. тех же районов. Еще важнее, чем размеры сел, это состав их населения. В частновладельческих селах обращает сразу на себя внимание относительно большое количество служних и холопских дворов. Не редкость села, в которых не было совсем тяглых крестьянских дворов, а все население состояло из самого землевладельца, его приказчика, слуг и холопов. В церковных и монастырских селах процент нетяглых дворов невелик, но это объясняется тем, что в них холопов не было совсем, по крайней мере в XV — XVI вв., а слуги обыкновенно жили при дворах иерархов церкви или в самих монастырях и в подмонастырных деревнях.

К сожалению, нам известно слишком мало фактов, чтобы

---

[1] Памятники социально-экономической истории, I, № 13.

[2] Гос. Публичная библиотека в Ленинграде, F. Q., № 113, л. 739. Деревня Чеприна находится на р. Лутосне, километрах в тридцати от Дмитрова и никогда селом не была.

сделать попытку определить в боярщинных селах средний процент нетяглого населения. Поэтому я ограничусь сводкой в таблицу цифровых данных, сообщенных в разных местах ниже.

	Время описания	Дворы слуг и холопов	Дворы крестьянские
Переяславский уезд			
с. Степурино	конец XV в.	3	6
» Лыково	то же	2	6
» Александрово	1519 г.	9	21
» Соколово	то же	6	17
» Бакино	то же	8	23
» Бунаково	то же	4	4
» Невле, Московского уезда	около 1504 г.	6	10
» Козодавлево, там же . .	1586 г.	6	7
полсела Алексина в Стародубе	1539 г.	7	20
Всего		51	114

Судя по тому, что в XVI—XVII вв. село эволюционировало по линии увеличения количества тяглых дворов и уменьшенья холопских, можно думать, что в более древнее время количество тяглых дворов в селах относительно было еще меньше, чем в тех случаях, которые сведены в таблицу. Такое заключение подкрепляется тем фактом, что даже в XVI в. было немало сел и селец, в которых тяглых людей не было совсем, а они жили по деревням, окружавшим село или сельцо.

Так, напр., двум братьям князьям Кемским-Нашокиным в 1544 г. принадлежали на Белоозере 2 крупные владенья. Князю Андрею принадлежало сельцо Покровское с 27 деревнями, а князю Семену — сельцо Титляково с 33 деревнями. В обоих сельцах было — по одному господскому двору, по 1 двору священников и по 4 двора людских, а все крестьяне жили по деревням.[1]

Большое количество подобных сел и селец, господских резиденций без крестьян, мы видим в Тверском уезде, по писцовым книгам 1540 г. Приведу для примера, не выбирая нарочно самых мелких, 5 сел, в которых все население состояло из землевладельца, церковного причта и господских людей: в Игнатове — 7 дворов людских, в Киселеве — 3, в Климове — 4, в

[1] Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, т. II, стр. 117—119.

Никольском и Колошине по одному двору.[1] Еще больше подобных селец, т. е. господских резиденций без приходской церкви; в них не было, конечно, дворов церковников.[2] В 32 селах и сельцах, взятых мною без выбора, оказалось: 35 дворов господских, 34 двора поповских, 77 дворов людских и 103 двора крестьянских. В некоторых боярщинах этих же сел и селец слуги и люди жили также и в деревнях, но подавляющее население деревень составляли, конечно, крестьяне.

Появление в составе сельского населения торговых и ремесленных людей было явлением очень поздним. В княжеских и боярских дворах были, конечно, очень рано рабы разных профессий, но предметы их производства были предназначаемы не для рынка, а для домашнего потребления. Иммунитетные владенья пользовались большими привилегиями, между прочим свободой сделок их людей и крестьян между собой, но при небольших, в виде общего правила, размерах таких владений не было места для развития рынка и сбыта предметов производства. Вне иммунитетного владенья все сделки с посторонними людьми подлежали обложенью и наталкивались на фискальную политику князей, которые принимали различные меры для сосредоточения торгов в известных пунктах, преимущественно в городах, где было удобнее организовать сбор таможенных доходов. Монастыри и иерархи церкви пользовались наибольшими привилегиями, их владенья иногда были весьма крупными, и потому понятно, что сельские торжки, а вместе с тем и торговые и ремесленные люди, появляются раньше всего в княжеских, монастырских и властелинских селах. Однако, и здесь зарождение торгов и ремесел было явлением сравнительно поздним и должно быть отнесено ко второй половине XV в. и к последующему времени.

Приведу несколько примеров.

В митрополичьем с. Вятском, Костромского уезда, в 1502 г. были только двор митрополичий и 11 дворов крестьянских. Через 60 лет, т. е. в 1562 г., село само по себе имело прежний вид: в нем были двор приказчика, 3 двора церковников и 11 дворов крестьянских пашенных, но против села за рекой Вохтомой образовалась слободка беспашенных и ремесленных людей в 17 дворов, в которой по четвергам происходил торжок «хлебом и солью и всяким мелким товаром».

К XVI же веку относится появление торжка и в другом митрополичьем владенье — в Карашской слободе Ростовского уезда. В 1501 г. здесь было несколько небольших сел с пашен-

---

[1] Писцовые книги Московского государства, II, стр. 48, 56, 82, 118.

[2] Сельца Кольцовское, Отесово, Башмаково, Дьяконово и Васильево. Там же, стр. 45, 54, 67, 72.

ными крестьянами, а вокруг сел было разбросано более 200 мелких деревень-хуторов. Возникновение местного торжка относится ко второй половине XVI в. К 30-м. гг. XVII в. в слободе торговым центром стало село Караш, в котором было 20 полков и шелашей, и по четвергам происходил торжок (см. ниже стр. 117).

К XV в. относится возникновенье двух торгово-ремесленных монастырских центров — села Медны в Торжке и с. Клементьева в Радонеже, возле Троицкого монастыря.

В первой четверти XV в. в с. Медне было большое боярское земледельческое хозяйство, основанное на труде рабов и людей, закабаленных «головным серебром». Находясь на одном из важнейших торговых путей того времени — Тверь — Торжок — Великий Новгород, с. Медна очень рано было втянуто в торговый оборот. Село попало во владенье Троицкого монастыря и пользовалось большими привилегиями. В 1539 г. власти монастыря подали великому князю Ивану жалобу-донос, что в пригородной слободке Тверского владыки и в боярских селах Бернове, Загорье, Ивашкове и Ильинском, находившихся в той же местности, всякие люди торгуют беспошлинно и причиняют тем ущерб великокняжеским таможенным доходам в Торжке и монастырским — в с. Медне. Раньше де этих торжков не было, а был исстари торг только в Медне. На это великий князь Иван велел заказать торжки под страхом заповеди и конфискации товаров, — «а однолично бы во всем Новоторжском уезде не торговал никто ничем опричь Торжка посада и села Медны, троицкого села».[1]

По описанию 1544 г. с. Медна представляется уже крупным торгово-промышленным селом. В нем было на 15 дворов пашенных 56 дворов непашенных людей разных профессий, рассчитанных на местный сбыт. В конце столетия в селе было уже 76 дворов непашенных людей различных ремесел, и на торжок его приезжали люди не только из соседних сел и деревень, но и из Торжка (см. ниже стр. 93).

В других условиях развивалось и приняло другой характер другое троицкое село — Клементьево.[2] Клементьево, данное монастырю кн. Андреем Радонежским в первой четверти XV в., находилось в полуверсте от монастыря, на дороге из Москвы. Естественно, что оно стало обслуживать монастырь и его многочисленных богомольцев и посетителей. Уже в середине века в нем были ремесленники: иконники, крестечники, резцы по дереву и металлу, токари и т. п. В 1504 г. в нем было уже 134 двора, т. е. по населению оно превосходило многие города того вре-

---

[1] ААЭ, I, № 188.

[2] О нем см. любопытную, тщательно написанную по монастырскому архиву монографию иеромонаха Арсения. Село Клементьево, ныне часть Сергиевского посада. Чтения Общества истории и древностей, 1887, кн. 2, смесь, стр. 3—63.

мени. К концу XVI в. население Клементьева почти удвоилось и в нем появились ремесленники самых разнообразных профессий. В 1595 г. монастырь выхлопотал у царя Федора перевод торжка из Радонежа в Клементьево и получил уставную грамоту для сбора таможенных пошлин в свою казну.

Чтобы закончить характеристику населения древнейшего села, следует отметить, что села, получая значение приходов, далеко не сразу получили новый элемент в лице церковного причта. Ниже, при описании отдельных владений, мне не раз придется отмечать возле сел, в числе мелких деревень, деревни с названиями Поповская, Попова, Попиха, Поповка, Попова росчисть и т. п., из которых некоторые существуют и ныне, но в большинстве исчезли бесследно подобно множеству других мелких деревень. В описании 1564 г. дворцового села Ярогомжа (на Белоозере) сказано: «церковь ставят волостью, селом Ярогомжем, а поп живет в деревне, руги ему от царя и вел. князя нет, пашет пашню».[1] В таком положении находились священники в очень многих местах и только в XVI в., в связи с процессом укрупнения селений и ликвидации мелких деревень-хуторов, стали переселяться в села.

Основным и первоначальным типом поселений XIV—XV вв. была деревня в 1—3 двора. Более крупные деревни были результатом роста первоначальных поселков указанного типа. Талантливая исследовательница северного крестьянства Ал. Як. Ефименко, под впечатлением большого количество фактов, пришла к выводу, что деревня есть «какая-то законченная», самодовлеющая единица. В. И. Сергеевич, изучая главным образом новгородское землевладение, пришел к выводу, близкому к взгляду Ефименко: «первоначальный тип деревни — отдельное пашенное хозяйство с отдельным двором», «появление нескольких дворов есть результат деления основного двора».[2]

С некоторыми поправками и дополнениями эти наблюдения применимы не только к деревням всех владений Великого Новгорода, но и вообще ко всей северо-восточной Руси. Для деревни характерно и существенно прежде всего то, что она была сочетанием, комплексом хозяйственных угодий, представлявших в совокупности и в целом деревенский участок так, как он слагался в хозяйстве деревенщика. Деревня состояла обыкновенно из усадища — «дворища», прилегающих к нему огорода и выгона, нескольких участков пашенной земли и перелога и сенных покосов, а иногда из участка леса. В купчих грамотах и других земельных актах единство и составные части деревни определяются в стереотипных выраженьях: деревня NN, с пашнею, лугами, пожнями, с лесом и со всякими угодьями, и со

---

[1] Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, т. II, стр. 120.
[2] Древности русского права, 2-е изд., т. III, стр. 51, СПб., 1911.

всем с тем, что к той деревне исстари потягло, куда соха, коса и топор ходили по старым межам.

Ефименко и Сергеевич в своих характеристиках деревни имели в виду хозяйственное единство деревни, а также вытекавшее из него юридическое единство, но они, конечно, прекрасно знали, что далеко не всегда деревня представляла собою участок в одной меже. Особенно часто на Севере пахотные участки, а тем более покосные, были разбросаны по лесным полянам и речным долинам, иногда далеко от деревенского двора.

В северо-восточной Руси XV—XVI вв., в виде общего правила, деревенский участок был в одной меже. Однако мы нередко можем наблюдать пережитки старины, свидетельствующие о том, что единство деревенских участков, в особенности относительно сенных покосов, было достигнуто несразу.

В XV—XVI вв., в долине р. Вори в Московском уезде, в Повельском и Каменском станах Дмитровского уезда по рекам Веле, Якоти и Яхроме были пожни, которые «тянули» к деревням, отстоявшим от указанных рек на 10, 15 и более верст. Не редкость такие «отхожие» пожни в Переяславском и Владимирском уездах, на заливных лугах р. Клязьмы и ее притоков. В Бежецком уезде в XVI в. были отхожие пожни по берегам Мологи и Остречины. Справляясь по карте, мы видим, что эти пожни отстояли от своих деревень верст на 15 — 20. В конце XVI в. у с. Деболы Ростовского уезда был отхожий луг на берегу Ростовского озера, в нескольких верстах от села.[1]

Легко представить себе, что по мере роста населения подобные отхожие пашни и покосы становились источником постоянных ссор и тяжб о потраве, и потому, естественно, владельцы деревень не упускали возможности ликвидировать такие участки и округлить свое владение. Об этом свидетельствует большое количество дошедших до нас купчих, меновых, полюбовных и судебных межевых и других актов на мелкие участки. Вполне допустимо полагать, что в условиях первичного заселения и устройства новых деревень отхожие пашни и покосы в северо-восточной Руси были так же многочисленны, как на Севере, в Новгородских владениях, и что то единство и законченность деревенских участков в одной меже, которые мы наблюдаем в XV — XVI вв., как общее явление, были результатом длительного процесса.

Лесное угодье деревень в местностях лесистых находилось обыкновенно по запольям, «по-за пашням», т. е. за пахотными участками, в задах и вокруг пашен и лугов деревенского владения. С высоты птичьего или аэропланного полета местность, заселенная множеством мелких деревень, должна была иметь вид леопардовой шкуры, на которой фоном был лес, а участки, разделанные под пашни и покосы, были пятнами различной

[1] Писцовые книги Московского государства, II, стр. 15.

величины и неправильной формы. В местностях, где лесные массивы были уже уничтожены давно, деревни стояли, конечно, теснее и не перемежались перелесками.

В древнейшее время лес ценился так мало, что существовал обычай пользоваться для своих потребностей, при недостатке своего леса, соседним княжеским черным лесом или даже лесами соседних владельцев, — «только не на продажу» и не в виде промысла. Этот обычай применительно к княжеским, а позже государевым лесам держался очень прочно и долго и был урегулирован только указами и частными распоряжениями в XVII—XVIII вв. Что касается частных владельцев и монастырей, то они очень рано начинают борьбу с этим обычаем. По их жалобам и просьбам князья давали жалованные охранные грамоты, которые становятся особенно многочисленными в первой половине XVI в. Княжеский указ либо совсем запрещал въезд в леса частных владельцев, либо предписывал, в виде компромисса с стариной, пользоваться лесом с «явкой» и с «докладом», т. е. с ведома собственника леса и с уплатой ему пошлины.

Следствием заселения и освоения земель мелкими деревнями было то, что деревенские участки были очень разнообразны по площади земли. Хозяйственный комплекс деревенских владений образовывался в зависимости от рельефа и свойств почвы, условий водоснабжения, местных ресурсов вообще и т. д., от ландшафта местности, как говорят географы. В процессе разработки и приспособления к нуждам хозяйства составные части деревни фиксировались и приобретали устойчивый характер. Эта устойчивость деревенских владений представляет весьма существенную их черту.

Достаточно взять любую писцовую книгу, чтобы убедиться, как разнообразны были размеры деревенских владений в целом и в соотношении их составных частей. В одной и той же местности, в определенный момент наблюдения, мы увидим большое разнообразие, если будем брать для сравнения только однодворные или только двухдворные и т. д. владенья. Ниже, при исследовании и описании крестьянских повинностей, я буду иметь случай показать, какие важные последствия вытекали из этого разнообразия деревенских владений.

Те же писцовые книги убедительно говорят о другом свойстве деревень — об устойчивости раз сложившихся комплексов деревенских владений. Запустевшие деревни очень долго описываются в последующих писцовых книгах, большею частью в тех же границах, как пустоши, «что были деревни». С течением времени пашни и покосы запустевших деревень порастали лесом, иногда столь большим, что весь участок утрачивал комплексный характер и становился просто селищем, но сами землевладельцы были заинтересованы в сохранении памяти о былых владеньях деревень и оказывали влияние на писцов. Ниже, при описании отдельных боярщин и монастырщин, я

буду иметь случай вернуться к этому вопросу, а здесь приведу два свидетельства источников другого рода, чем писцовые книги.

В одной правой грамоте Махрищского монастыря рассказана история одной деревни Переяславского уезда более чем за полстолетие. В начале XV в. Ал. Влад. Лыкову принадлежало в Переяславле с. Зеленцино, которое он дал около 1435 г. монастырю. Лет за 10 до нашествия Эдигея (1409 г.) на одном из селищ этого села поселился Ив. Лапоть. После разоренья Переяславщины Эдигеем на селище Лаптеве поселились, еще при Лыкове, Феденя с сыновьями Юреней и Перхуром и поставили деревню — Феденину. На суде из-за земли этой деревни монастырский старец привел свидетелей и рассказывал: «А после того, господине, Федени жил у нас [т. е. за монастырем, после 1435 г.] Еська с детьми, с Палкою, 5 лет в той деревне. А после Еськи, господине, жил у нас в той же деревне Максим Воробьев 4 годы, а после Максима, господине, жил у нас в той деревне Буженина 2 года. А после, господине, Буженины жил у нас Гридя Рыкуля 10 лет в той же деревне. А после Гриди осталися его дети Емельянко да Бориско, а ту землю пашут Лаптевскую после отца другой год».[1] Так, на протяжении более 50 лет на одном и том же участке в однодворной деревне сменилось 7 жильцов.

Правая грамота конца XV в. Троицкому монастырю, в связи с другими источниками, освещает историю группы деревень за время более полутораста лет. В нескольких верстах от монастыря в б. Дмитровском уезде находится село Бебяково. На север от Бебякова за рекой Велей в б. Мишутинской волости Переяславского уезда находилось несколько однодворных деревень: Сарычкина, основанная Сем. Сарычкой, Шуклино — Ал. Шукли, Гридина — Гриди Патрикеева и другие. В первой четверти XV в. эти деревни запустели «от ратных людей и от разбоев», и в середине века В. Б. Копнин дал Троицкому монастырю с. Бебяково и Мишутинские пустоши: Шуклину, Сарычкину и другие. На суде по поводу этих пустошей жилец дер. Сарычкиной показывал: «яз, господине, в той деревне в Сарычкине жил за монастырем, а поставил тое деревню [на пустоши] отец мой Игн. Кобцов, да жил, господине, в той деревне отец мой за монастырем 30 лет и десятины, господине, на монастырь в селе в Бебякове пахал. А яз, господине, после отца своего живу в той деревне 10 лет, да пахал есми, господине, десятины на монастырь в селе в Бебякове 8 лет. И мишутинской, господине, дворской Ст. Куначин отказал меня в Мишутинской стан тому 2 года, а тое деревню назвал великого князя; а того не ведаю, почему. Да и десятины, господине, мне дворской на монастырь не велел пахати, и яз, господине, от тех мест и не

[1] Федотов-Чеховский, Акты гражданской расправы, т. I, № 30.

пашу десятин». Из дела видно, что и другие пустоши сохранили свои названия и состав и были обрабатываемы «наездом» крестьянами с. Бебякова. Почти 100 лет спустя, в писцовых книгах 1592—1593 гг., мы видим описание пустоши, «что была дер. Шуклина», — в ней было 28 четей земли, 15 копен сена и 4 десятины пашенной рощи, всего около 48 десятин.[1]

Устойчивость раз сложившихся деревенских участков имела большое значение в эволюции селений и, в частности, в процессе их укрупнения. Этим свойством деревень объясняется то, что укрупнение селений происходило чаще всего не вследствие естественного роста населения их, а за счет количества деревень, т. е. путем ликвидации мелких деревень и «припуска» их земли к укрупняемому селению. Это легко объяснить. Основатель деревни разделывал пахотные участки и покосы, как было сподручней, и расширял по мере надобности территорию деревни, пока его коса, соха и топор не «сходились» с такими же орудиями соседа. В местностях, сколько-нибудь населенных, это происходило довольно скоро, и тогда соседям приходилось производить межеванье, копать ямы и нарубать на деревьях грани, и таким образом дальнейшая заимка становилась невозможной. Деревня застывала в своих границах и утрачивала способность принимать новых жильцов. В XV в. было, однако, еще много местностей, где по тем или иным причинам были пустые земли. Казалось бы, что в таких местностях деревня могла принимать новых жильцов и расти, но в действительности мы видим, что в таких местах новые жильцы, местные и прихожие со стороны, предпочитали селиться особо в новых деревнях, а не приселяться в старых. Ниже, при описании владений в разных уездах, мне не раз придется отмечать, что родственники и даже сыновья предпочитали уходить на свободные земли и ставить свои деревни, а не селиться в старых деревнях.

Соединение нескольких деревень в одно более крупное селение затрагивало интересы многих лиц и было сопряжено с ломкой сложившихся в деревнях землепользования и распределения угодий. Приходилось разделывать вновь землю под пашню, забрасывать уже разделанные участки и перераспределять все угодья. Поэтому землевладельцы сравнительно редко соединяли в одно селение жилые деревни, а предпочитали выжидать, когда деревня, по тем или иным причинам, пустела, и тогда присоединяли ее землю к жилой деревне, которая получала таким образом способность принять новых жильцов.

В монастырщинах и боярщинах деревни основывались и формировались под несомненным влиянием владельческой власти, и только при обилии пустых земель поселенец иногда

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 840. Другие пустоши были отчуждены монастырем в XVI в.

имел возможность выбирать место и форму селенья. Самой большой свободой выбора в этом отношении пользовались поселенцы в княжеских слободах. Однако, не следует преувеличивать роли землевладельцев, по крайней мере в XIV—XV вв., в этом вопросе. Быть может, что если бы мы имели большее количество фактов относительно размеров деревень, нам удалось бы вскрыть влияние частновладельческой власти, но сохранившиеся в небольшом количестве источники XV в. не дают возможности этого сделать. Влияние землевладельцев в сторону укрупнения деревень становится несомненным сравнительно поздно, только с XVI в., и на первых порах сказывается слабо и не везде. Ниже этому вопросу будет отведена большая часть работы, а пока я отмечу только тенденцию самих крестьян селиться мелкими деревнями там, где они пользовались наибольшей свободой выбора.

Такими местами были, конечно, княжеские слободы. Основывал ли слободу княжеский слободчик или коллектив людей, напр. рыболовов, бобровников, сокольников и т. п., и слободчик, и коллектив были заинтересованы в привлечении возможно большего количества поселенцев путем предоставления им разных льгот и выгод. В старых волостях новоприходцу приходилось считаться с существующими селениями и с распределением земли между ними. В новых слободах, где на пустырях и диком лесе приходилось создавать все вновь, пришелец договаривался с слободчиком и селился там и так, как ему хотелось.

Приведу единственное известное пока описание княжеских слобод XV в. В Бежецкой пятине на землях, конфискованных у новгородских бояр, в конце XV в. образовалось несколько слобод. Слободку у Кездру-озера «садил» какой-то Филя Окулов. Он сам поставил себе дер. Березно, в которой поселилось еще 4 крестьянина. Затем в слободке основалось еще 25 деревень и починков. Всего в слободе было 26 деревень с 42 дворами, т. е. на деревню приходилось менее 2 дворов. Слободку на Молдине садили Ив. Быков и Ст. Корабль. Последний поселился в особой деревне с каким-то Давыдком, — «сеют 2 коробьи, сена 15 копен». В особой же деревне поселился Ив. Быков с сыном, — «сеют 3 коробьи, сена 20 копен». Затем в слободке было поставлено еще 5 деревень. Всего в ней было 7 деревень с 12 дворами. Наконец, в Удомле садил слободку бывший холоп новгородского посадника Богд. Есипова, Климуша Максимов. Он сел один в дер. Березне, — «сеет 8 коробий, сена 40 копен, 3 обжи», т. е. завел довольно крупную запашку. Затем в слободке образовалось 11 деревень с 26 дворами да в 4 починках стали 5 дворов, «сели ново» и еще не завели пашни. Всего в Удомельской слободке было 16 селений с 32 дворами.[1]

[1] Самоквасов, Архивный материал, т. I, стр. 205—206 и 217—218.

Эти мелкие деревни в 1—2 двора вовсе не были особенностью Новгородской области. Такие же деревни ставятся крестьянами в XV в. в Кашинском уезде, во владениях Колязина монастыря, в Углицком уезде во владеньях Троицкого монастыря (см. ниже по указателю), и в Ворской волости Московского уезда во владеньях того же монастыря (по указателю), в митрополичьих владеньях под Москвой и у села Пушкина. В крупном владенье митрополитов — в Карашской слободе Ростовского уезда — в 1501 г. было всего 227 деревень и починков с 456 дворами. Деревни свыше 4 дворов исчислялись единицами, а преобладающим типом селения была деревня в 1—2 двора (см. по указателю).

О порядках землепользования и распределения пашенных участков и угодий внутри деревенских владений мы не имеем для XV в. почти никаких сведений. Несомненно только, что общим правилом было трехполье. До правильного трехпольного севооборота, конечно, было еще очень далеко, и 3 поля — озимь, ярь и пар — были не столько системой хозяйства, сколько следствием того, что в основе земледельческого хозяйства и питания населения были озимая рожь и яровые хлеба, главным образом овес, ячмень и гречиха. Озимь требует пара, и таким образом неизбежно получалось 3 поля. Однако эти поля, во-первых, были далеки даже от приблизительного равенства, во-вторых, — и это очень существенно, — часто лежали не в одной меже, а были в нескольких участках, и в-третьих — сопровождались участками перелогов, а местами лесными чищами, «гарями» и «пепелами», т. е. участками сведенного и сожженного на месте леса. Небольшое количество накоплявшегося в хозяйстве навоза употребляли обыкновенно на конопляники, хмельники и овощные огороды. Между тем тонкий слой плодородной земли в полях быстро истощался, и его приходилось оставлять отдыхать в перелоге, а вместо него расчищать для посевов землю из-под леса.

В крупных селах и деревнях, независимо от того, были ли они результатом естественного роста населения, или образовались по воле землевладельцев, распределение участков разного хозяйственного назначения было иное. Прежде всего образовывались общие для всех сельчан или деревенщиков участки пашенной земли: озими, пара и яри. В таких селениях раньше и в большем количестве стали применяться удобрения, 3 поля выравнивались и сводились под одну межу и создавалось то, что называется принудительным севооборотом (Flurzwang — в Германии). Отсюда видно, какое большое значение имеет всестороннее изучение вопроса об укрупнении селений: образование крупных селений в 10—15 и более дворов было равносильно переходу к более интенсивному и рациональному использованию земли, к правильному трехполью с применением удобрения и, наконец, к улучшению покосного и лесного

хозяйств. Вместо нескольких клочков покосов в разных местах деревенского владения в крупных селениях образовывались особые участки, которые легче было охранять от скота и поддерживать в порядке. В лесном хозяйстве прогресс был медленнее, так как население Руси привыкло видеть в лесе врага, с которым надо бороться, не ценило его и эксплуатировало хищнически. В укрупненных селениях в первую очередь подвергались уничтоженью междудеревенские перелески, и только много позже, главным образом в крупных владениях, охранялись и выращивались леса где-нибудь в стороне, на окраине владенья.

Живя мелкими поселками, в условиях большого земельного простора, население феодальной Руси содержало большое количество скота, возможно, что бóльшее, чем позже, когда распашка земель шла за счет угодий и вообще свободных от леса участков. Скот содержали на воле, беспастушно, а это вызывало необходимость огораживания культивируемых под посевы и покосы земель. Во множестве различных актов, преимущественно в межевых и правых грамотах мы видим, как повсеместное явленье, что по границам деревенского владения, а местами и внутри него на границах пахотных полей и пожен тянется «огорода», которую в лесу заменяет «осек» — заграждение из поваленных деревьев или из жердей, прикрепленных к деревьям. Обычное право выработало, а Судебники и Уложенье зафиксировали нормы, как, кому и где ставить огороду и делать осек, нормы ответственности за потраву хозяев скота и лиц, обязанных ставить огороду.

Судебник 1497 г. (статья 61) говорит: «а промежи сел и деревень городити изгороды по половинам. А чьею огородою учинится протрава, ино тому платити, чья огорода. А где отхожие пожни от сел и от деревень, ино поженному государю не городитися, — городит тот всю огороду, чья земля ораная пашня к пожне».[1] Лапидарность и некоторая неясность этой статьи объясняется тем, что она говорила о вещах, всем хорошо известных. Смысл статьи ясен. Изгородь на границе двух владений должны ставить пополам хозяева, государи владений. Ответственность за потраву хлеба или покоса падает на того, кто не сделал изгороди или сделал, но небрежно и недостаточно прочно. Государь отхожих, т. е. удаленных от деревень, покосов должен сам охранять их, но если отхожие покосы были смежны с пахотной землей, то обязанность ставить изгородь со стороны пашни возлагалась целиком на хозяина пахотной земли.

Судебник 1550 г. повторяет дословно положения Судебника

---

[1] Судебники 1497 и 1550 гг., изд. Историко-филологического факультета Харьковского университета, под ред. проф. М. В. Клочкова, с азбучным указателем терминов, употребляемых в Судебниках. Харьков, 1915.

1497 г. и прибавляет: «а кто вытравит какой хлеб или пожню, и тот хлеб и пожня платити тому, чья огорода» (ст. 86). Это значит, что за потраву платит тот, через чью огороду вошла скотина на посев или пожню, а не хозяин скота. Если изгородь в данном месте должен был поставить хозяин хлеба или покоса, то он лишается права иска о потраве.

Судебники не говорят об одном обычае, пережитки которого можно наблюдать в некоторых местностях до наших дней, — о заказе покосов. С весны все пускают скот по пустырям и покосным участкам, не считаясь с чужим владеньем. С Николы вешнего (9 мая по ст. ст.) наступает «заказное» время, когда покосы «заказаны» до снятия урожая и уборки сена. Сроки, когда заказ прекращался, вероятно, были в различных местностях различные. Во всяком случае, если владелец убранного сена оставлял его на месте до санного пути, как это делали и делают иногда и теперь северные крестьяне, то он должен был сам озаботиться об охране своего сена от бродящего по отаве скота и огородить стоги сена.

Хорошей иллюстрацией по этому вопросу служит грамота кн. Михаила Андреевича Верейского, середины XV в., по жалобе старцев Кириллова монастыря на Монастыревых и других вотчинников, соседей кирилловских владений. Старцы жаловались, что их соседи ставят стоги сена на лугах по р. Шексне, — «а их стада монастырские по лугам ходят». По обычаю, после окончания покоса все выпускали скот на свои и чужие земли. Скотина Кириллова монастыря бродила без пастуха и травила поставленное на лугах сено соседей, которые затевали тяжбы о потраве. На это князь предупреждает вотчинников: «а чье будет сено не в городьбе их стадом потравлено, ино им в том пени нет. И вы бы сено городили, а не имете городити, а у вас потравят сено, ино вам исправы нет», т. е. вы лишаетесь права иска.[1]

Намек на существование аналогичного обычая относительно пахотных полей находится в одной статье Судебника царя Федора. Этот Судебник отводит вопросу об оградах 4 статьи и входит в подробности, излагая, конечно, только обычное право, но не внося ничего нового.

Ст. 168, как и прежние Судебники, говорит об обязанности соседей ставить огороду пополам. Далее говорится о порядке оценки и взыскания потравы: потрава оценивается понятыми («чем люди осудят»), а в спорных случаях дело решается судом. Затем в статье сделано интересное добавление: «А потрава до Семена дни [т. е. до 1 сентября], а после Семена дни потравы нет». Это значит, что к 1 сентября хозяева пахотных и покосных земель должны были убрать с поля хлеб и сено, или огородить, но после 1 сентября не имели уже права иска о потраве.

---

[1] Публичная библиотека, F. Q., № 120, л. 48.

Следующая статья (169) указывает, как ставить ограду: «а огород ставити около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая. А осек ставить 7 хлудин нарочитая».[1] Судебник в редакции, напечатанной А. Иг. Андреевым,[2] прибавляет, что огорода должна быть «7 жердей добрая да 2 кола», т. е. между двойными кольями. Словом, изгородь должна быть поставлена прочно, с жердями настолько крепкими, чтобы крупная скотина не могла через нее вломиться, а мелкая пролезть. Если же «чья животина через таков огород пакость сотворит, и сыскав, на том протрава взяти; а сыскивать сотскому да [?] волостному и ближними суседи». Призванные на потраву понятые должны были на месте выяснить размеры потравы и прочность изгороди, и присуждали убытки хозяину потравленного хлеба или покоса только в том случае, если изгородь была поставлена им прочно и надлежащим образом.

Следующая (170) статья устанавливает особое (уголовное) наказание тому, кто «на зло огород отворит и в поле скота напустит», — бывали, видно, и такие дела. В таких случаях убытки взыскиваются на виновном по оценке понятых, а сверх того «его бити кнутом, что лихо творит».

Наконец, 171 статья говорит об «отхожих» пашнях «на лесе и при реках». Если хозяин отхожих земель пускает на них свой скот, то он должен ставить изгородь пополам с соседом. Если же его скот не ходит, то огород ставит тот, «чья прилегла к пашне [пожне?] ораная земля или чей скот ходит, тому и городити все».

Уложенье 1649 г. повторяет в более совершенной форме положения первого и второго Судебников (X гл., 230 ст.). О том, что обычай огораживанья полей в XVII в. еще не везде был изжит, говорят порядные записи в крестьянство. Напр., в многочисленных порядных по Пскову и Новгороду, в особенности в первой половине XVII в., постоянно повторяется обязанность крестьянина огораживать поля. Приведу несколько примеров. В 1627 г. братья Михеевы рядятся во крестьяне на пустошь, с обязательством: «хоромы поставить и пашни пахати, поля огородити, пожни и луги расчищати, как у протчих жилецких крестьян». В 1629 г. Ив. Тимофеев обязуется «хоромы деревенские новые ставити и старые постраивати, пашня пахати и пожни косити, и в полях изгороди городити». В порядной 1642 г. Макс. Вадина обязательство: «изгороды около поль городить».[3]

---

[1] Судебник царя Федора Ивановича 1589 г. по списку собрания Ф. Мазурина, изд. под ред. С. К. Богоявленского, М., 1900. Хлудина — толстая жердь, слега.

[2] Изд. Академии наук, ст. 23.

[3] М. Дьяконов, Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. I, Юрьев, 1895, стр. 5, 11 и 30; Записные книги 1644—1651 гг. — ГАФКЭ, Вотчинной конторы по Пскову № 83/17770. Книги 1673—1674 и 1678—1682 гг., там же, по Пскову № 74/17761. Записные книги по Великому Новгороду с 1638 г. и далее — в неописанных делах Новгородского уездного суда.

Обычай огораживанья пахотных полей и покосов находился в теснейшей связи со всем строем хозяйства и землепользования мелких деревень. Возделываемые участки земли были небольшими оазисами среди огромных пространств пустых земель и черных лесов. Участки, расчищенные от лесной поросли под покосы, а иногда и пахотные поля лежали не в одной меже, а состояли из клоков разной величины, где по местным условиям было выгоднее приложить труд. Между тем владельцам мелких деревень было нецелесообразно и непосильно содержать для ухода за скотиной пастуха. Поэтому, пользуясь земельным простором, пускали скот бродить на воле, ограничиваясь поглядываньем за скотиной, чтобы она не зашла далеко и не отбилась от дома, и различными предупредительными мерами. Лошадям, как более подвижной скотине, надевали на ноги путы. Коровы при хорошем подножном корме быстро наедаются и далеко не уходят, — за ними достаточно время от времени присматривать, что делали обычно старики и дети. Молодняк и мелкую скотину либо держали на привязи, на приколе, либо пускали бродить по пустырям и по лесу, под присмотром детей и подростков. Особенно сбродливую и беспокойную скотину обезвреживали более или менее действительными способами, как это делают и до сего времени северные крестьяне, напр., корове привязывают на рога лукошко, свинье надевают на шею треух, т. е. треугольную рогатину, которая не позволяет ей пролезть между жердей изгороди, и т. п.

При таком режиме содержания скота огораживание хлебов и покосов было необходимо, а обилие лесов представляло возможность сделать изгороди и осеки с небольшими затратами.

По мере роста населения и увеличения площади обрабатываемых земель огораживание полей становилось во многих отношениях неудобным и нецелесообразным. В крупных селах и деревнях пахотные поля и различные угодья сводились («спускались») под одну межу, и устройство изгородей то на одном, то на другом участке становилось ненужным, а когда скотина сельчан начинала ходить в стаде под присмотром пастуха, то отпадала необходимость ставить изгородь и в ряде других мест. Выгоды крупных селений с общими полями и содержанием скота в стаде за пастухом брали верх над архаическими порядками мелких деревень, и в этом следует видеть одну из причин владельческого укрупнения селений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Порядки тягла XVII в. и окладные единицы. Податная ответственность. Типы описаний XVII в. и более раннего времени. Писцы и данщики XIV — XV вв. Податная ответственность землевладельцев. Древнейшие окладные единицы. Вопрос о круговой поруке крестьян в тягле. Выть и надельная система землепользования

В исследовании о типах и строе селений необходимо попытаться выяснить, какие порядки тягла, какой строй отношений существовал у жильцов мелких деревень между собой и с землевладельцем и в каком соотношении эволюция этих порядков находилась с эволюцией селений.

Следует прежде всего оговориться, что здесь мы подходим к очень темным и неисследованным вопросам, для освещения которых от XIV—XV вв. сохранилось ничтожное количество материалов. Источники XVI в. обильнее и дают возможность разрешить некоторые вопросы, но только с XVII в. мы имеем вполне достаточное количество источников для разрешения всех основных вопросов. При таких условиях будет наиболее целесообразным охарактеризовать порядки XVII в., что и как было, и выделить из них то, что было сравнительно с предшествующим новостью. Выяснив таким образом, чего не было в XIV—XV вв., можно будет увереннее высказать предположения относительно того, что было и что могло быть.

Порядки тягла XVII в. характеризуются в основных чертах так. Каждое поместье и каждая вотчина были особыми платежными единицами, т. е. несли все повинности и налоги только за себя, причем ответственным перед казной лицом был землевладелец. Если некоторые повинности и сборы падали на волость, стан или уезд, то раскладку их по боярщинам производили обыкновенно воеводы, причем руководились в этом сошными окладами боярщин, установленными при описании писцами и утвержденными правительством. Сошные оклады были обязательными для землевладельца от описания до описания, так же, как позже были обязательными подушные оклады от ревизии до ревизии. Таким образом, писцовый сошный оклад игнорировал и опустевшие после описания жребьи, и вновь поселившихся тяглецов. Эту ответственность перед казной землевладелец перелагал на крестьян, связывая их кру-

говой друг за друга порукой. Внутрибоярщинную раскладку податей землевладелец допускал в той мере и постольку, поскольку это было ему выгодно, то предоставляя крестьянам самим раскладывать все тягли и ведаться с недоимщиками, то властно вмешиваясь в раскладку податей и применяя круговую поруку. Во всяком случае — и это нужно напомнить — отношения землевладельца к крестьянам и крестьян между собой в отбывании тягла складывались на почве закрепощения крестьян, т. е. отсутствия у них права легально покинуть место, на котором они были записаны.

Кроме большой московской сохи, которая служила для оклада и раскладки по уездам главным образом государственных повинностей, существовали более мелкие окладные единицы, служившие для раскладки податей на местах. Среди последних наиболее распространенными были выть и обжа. Последние возникли первоначально как окладные и раскладочные единицы, но со второй половины XVI в., после закрепощения крестьян, стали одновременно употребляться как нормы земельного надела крестьян. Такую роль играли выть и обжа повсеместно в дворцовых владеньях и очень часто в черных волостях и монастырских и церковных владеньях. В частновладельческих землях выть и обжа в XVII в. исчезают, по крайней мере официально. Это объясняется тем, что для государственных целей в этих землях повсеместно существовало сошное письмо, а внутренние порядки боярщин не интересовали ни писцов, ни приказы.

Однако, частные землевладельцы, приспособляя выть и обжу по своему усмотрению к своим нуждам оклада повинностями и наделения землей, изменили их и выработали свои нормы, которые известны нам то под старым названьем выти, то — жребья, тягла, венца и т. п. При всех местных особенностях и различии в названьях суть дела оставалась неизменной: для крестьянина XVII в. владение землей было не правом, а обязанностью; он нес тягло не по земле и угодьям, т. е. не по тому участку, который он хотел бы и находил целесообразным иметь в своем хозяйстве, а наоборот — по «силе», своей личной и своей семьи, по усмотрению землевладельца, и в соответствии с этим владел тем или иным количеством земли. В поместьях и вотчинах служилых землевладельцев и в церковных и монастырских владеньях это зависело всецело от землевладельцев. В черных и дворцовых владениях задача оклада и наделения землей возлагалась на писцов, а между двумя описаниями, в случае надобности, на приказчиков и других приказных агентов.

Писцовые наказы говорят об этом очень выразительно в целом ряде статей. Если «изможный» крестьянин испахивает сполна свою землю, а сверх того пашет «опричь своей тяглой пашни лишек, а тягла с той припашной пашни не тянет, и

писцам (имя рек) та их лишняя прибавочная пашня прибавливати на них в выти в тягло к их прежней тяглой пашне, смотря по их животам и по семьям, сколько на кого мочно тягла прибавити». Предусматриваются в наказах и другие случаи: если на выти или обже сидит 5—6 крестьян, а «будет те крестьяне животом прожиточны и семьянисты, и им [т. е. писцам] тех крестьян рассаживати» на пустые выти или обжи. «А на обжу [или на выть] сажати и верстати крестьян, по кольку пригоже, смотря по их животом и по промыслом и по тамошним угодьям».[1]

В частновладельческих землях было меньше формализма в окладе и наделении землей и больше местных особенностей, но по существу порядки были такие же: в крупных боярщинах и монастырщинах, где существовал крестьянский мир с некоторым простором для самодеятельности и самоуправления, порядки тягла и землевладенья были ближе к порядкам дворцовых и черных владений, а в мелких боярщинах, где власть землевладельца не оставляла места для деятельности мира, эксплуатация крестьян отличалась большей назойливостью, фактичностью и частыми отклонениями от общих норм.

Во всяком случае, — и это следует подчеркнуть, как весьма важное обстоятельство, — оклад крестьян повинностями и наделение их землей происходили в XVII в. не в условиях мелких деревень, в которых крестьяне жили на индивидуальных участках, а в обстановке сравнительно крупных селений, с общими пахотными и покосными полями, в которых крестьянин имел тот или иной надельный жребий.

Зная порядки XVII в., попробуем выяснить, чего не было и что могло быть в более раннее время, в XIV—XV вв.

В работе о вотчинном режиме[2] мне пришлось отметить, что тягловая особность боярщин и монастырщин была одной из самых существенных сторон иммунитета. Иммунитетные грамоты, давая грамотчику и его людям и крестьянам несудимость и запрещая наместникам и волостелям въезжать самим и посылать своих приставов и людей в иммунитетное владенье, за исключеньем дел о разбое, татьбе с поличным и душегубстве, одновременно обособляли боярщину и монастырщину от черных людей и от власти сотских и дворских. Это не значит, что иммунитетное владенье освобождалось от всех податей и повинностей, но если оно должно было платить дань, делать го-

---

[1] Наказ 1619 г. для описания черных земель в Турчасове и Каргополе. Акты писцового дела, I, № 89, М., 1913. Там же другие наказы: 1619 г. (бортные и мордовские села в Арзамасе) — № 96; 1623 г. по Устюгу — № 115; по Пскову — № 120. Во II т. Актов писцового дела, М., 1817 г. см. 1628 г. по Вятке — № 28, по Заонежским погостам — № 29; 1629 г. — №№ 55 и 68; 1645 г. — № 183.

[2] С. Б. Веселовский, К вопросу о происхождении вотчинного режима, М., 1926, изд. РАНИОН.

родовое дело и нести ямскую повинность, то оно делало это не с черными сохами, не по раскладке дворских и сотских, а особо, по данному, а позже по писцовому окладу, и во всяком случае не несло ответственности за другие владения стана, волости и уезда.

Землевладельческий класс добивался этой особности от черных людей и соседних владений, получил ее, зафиксировал в борьбе, и в середине XVI в. податная особность боярщин и монастырщин стала для частного землевладенья общим правом. Но прежде, чем достигнуть этого, ему пришлось пройти долгий путь привилегий, личных пожалований, которые князья давали только своим служилым людям. Неслужилые вотчинники, преимущественно мелкие, не получали этой привилегии и потому должны были платить налоги и нести повинности вряд с черными людьми, находясь в ведении дворских и сотских.

Княжеская власть, закрепляя иммунитетными грамотами тягловую особность боярщин и монастырщин, не могла не сделать из этого вывода, естественного и практически неизбежного, — она сделала землевладельцев ответственными за население их боярщин и монастырщин. Однако прежде, чем этот вывод был сделан на практике со всеми вытекающими из него последствиями, должно было пройти много времени, так как ответственность в различных случаях и формах слагалась из целого ряда моментов, которые на практике предстояло согласовать с другими сторонами жизни.

Вопрос о форме и пределах ответственности находился в теснейшей связи с приемами фискальной кадастрации, эволюцию которых необходимо напомнить.[1]

Тип описаний XVII в. установился, как это доказал П. Милюков, в середине XVI в., в связи с отменой кормлений и реформами службы с земли. На писцов была возложена, сверх фискальной кадастрации, сложная задача обмера земель и межеванья. При таких условиях описания стали делом очень сложным, дорогим для населения, которое должно было содержать писцов, и весьма длительным. Однако самые существенные изменения в характере описаний произошли много раньше реформ середины XVI в. Так как этот вопрос в литературе не получил освещения, то необходимо постараться его выяснить.

Мы очень мало знаем о характере описаний XIV—XV вв., но несомненно то, что они преследовали только фискальные цели и не сопровождались ни проверкой прав владенья, ни судом по земельным тяжбам, ни тем более — измереньем и меже-

---

[1] Важнейшие работы по этому вопросу: Н. Д. Чечулин, Начало в России переписей и ход их до конца XVI в., Библиограф, 1889, № 2; И. Н. Миклашевский, Древнерусские поземельные кадастры, СПб., 1903, Записки Академии наук; П. Н. Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, Рец. на сочинение А. С. Лаппо-Данилевского, Организация прямого обложения в Московском государстве, СПб., 1892, изд. Академии наук.

ваньем земель. Зарождение нового типа описаний стоит в связи с ликвидацией уделов и объединеньем северо-восточной Руси под властью Московского великого князя.

Древнейшее известное нам описание нового типа (о чем мы можем судить по цитатам из него в одной правой грамоте Троицкого монастыря) есть описание 1465 г. Мих. Бор. Волынского по Костромскому уезду. Этот новый тип описаний, возникший на территории Московского великого княженья, в последней четверти века быстро распространяется на старые уезды и новые приобретения великого княженья. В последних десятилетиях дважды производится описание Новгородских пятин. В 1482 г., в связи с предстоящей ликвидацией Белозерского удела, были посланы писцы на Белоозеро, главной задачей которых было отмежеванье княжеских земель от частных и монастырских земель и суд земельных тяжб. В 1492 г. было послано 6 писцов описывать «по-московски в сохи» уезды бывшего Тверского великого княженья. Наконец, в последнее десятилетие XV в. и в самом начале XVI мы видим писцов, даже если судить по случайным и отрывочным нашим сведениям, чуть не во всех уездах Московского великого княженья. Большой новостью всех этих описаний было то, что они были поручаемы крупным лицам, князьям и представителям первостепенных боярских родов. Так, Белоозеро в 90-х гг. описывал князь Ф. Алабыш-Ярославский, который в 1492 г. описал и Тверь. В конце XV в. в Московском и Переяславском уездах работал писец кн. Вас. Ив. Голенин, который позже был дворецким, а Каширу в 1500 г. описал кн. Дав. Дан. Хромой-Ярославский. В то же время и в начале XVI в. мы видим в писцах: Юр. Конст. Сабурова (тестя вел. кн. Василья), Дм. Сем. Пешкова-Сабурова, Матв. Ив. Волуева, Дм. Вас. Китаева-Новосильцова, Вас. Гр. Морозова-Поплевина, Бор. Кутузова и целый ряд Всеволожей-Заболотских: Мих. Дм. Шапкина, Петра Григ. Лобана, его брата Константина, Вас. Мих. Чертенка и других. Это назначение писцами крупных людей объясняется теми большими полномочиями, которые они получали. Достаточно сказать, что им было дано право суда и решения в последней инстанции земельных тяжб, право, которого обыкновенно не имели наместники даже больших городов. Большое количество правых грамот писцов этого типа и времени, дошедшее до нас, дает возможность судить и о широте полномочий писцов, и о новизне типа их описаний.

В соответствии с новым типом описаний и с переменами в системе прямых налогов произошли перемены и в организации княжеской администрации. На месте данщиков, дворских и сотских, ведавших раньше раскладку и сбор податей, в первой четверти XVI в. повсеместно были введены городовые приказчики, единая власть для целого уезда, которым была поручена раскладка и сбор податей и наблюдение за отбыванием повинностей по писцовым книгам.

Описания нового типа, будучи делом сложным и дорогим, стали производиться через довольно значительные промежутки, и с этого времени установился тот порядок, который отмечен выше: сошные оклады писцовых книг стали обязательными для всех налогоплательщиков вперед до нового описания, т. е. лет на 15—20, а иногда и больше. По этому окладу землевладелец должен был платить за свое владенье, независимо от фактических перемен в составе населения и в хозяйственном положении своего владенья. В соответствии с этим изменился и характер льготных грамот, которые в исключительных случаях князья давали теперь землевладельцам.

Удельные князья, в целях привлечения в свои уделы возможно большего количества людей, давали землевладельцам льготные грамоты на различные и, вообще говоря, весьма значительные сроки: напр., для людей, призванных из «иных княжений», 10—15, а иногда даже 20 лет, для призванных вновь в том же княженье — 5—10, и наконец, более короткий срок — 3 — 5 лет — для старых жильцов, которые разбежались с своих мест и пожелают вернуться обратно. Грамотчик пользовался льготной грамотой в течение ряда лет, так что в боярщине или монастырщине оказывались люди, севшие на льготу в разное время и на разные сроки. Льгота в такой форме имела смысл и могла быть практически осуществимой только в том случае, если в княжеской администрации были лица, уполномоченные проверять и записывать льготчиков и сроки их льготы и облагать их по истечении льготного срока. Такими агентами были писцы-данщики. Таким образом льготу получали не землевладельцы и не их владенья в целом, а севшие на льготу новые тяглецы.

Грамоты мелких удельных князей, как более архаичные в сравнении с великокняжескими грамотами, выражаются в указанном смысле вполне определенно. Так, кн. Михаил Андреевич Верейский в 1451 г. дал Кириллову монастырю льготную грамоту на Товские пустоши, в Белозерском уезде, и в грамоте писал: «и кого игумен перезовет на те пустоши людей из иных княжений... или кого окупив посадит, и тем людем пришлым и окупленным ненадобе моя дань, ни городовое дело... ни даньщик мой к ним не въезжает, ни пишет, ни иные пошлины ненадобе на 20 лет. А отсидят свои лета урочные, и они потянут в мою дань и ям по силам».[1]

В XVI в. уже не было «иных княжений», из которых можно было переманивать людей льготами, и льготные грамоты старого типа давались только для отдаленных, еще не заселенных окраин, а в старых уездах льгота давалась только в исключительных случаях, напр., по поводу пожара или разорения от

[1] Дебольский, Акты Кириллова монастыря, Вестник археологии и истории, изд. Петербургским Археологическим институтом, т. XIII, № 97, СПб., 1900.

«воинских людей». При этом льготу получал землевладелец лично и его владенье в целом, а после истечения срока льготы он должен был платить все подати по старому окладу.

Для сравнения с льготной грамотой 1451 г. Кириллову монастырю приведу грамоту 1575 г. Ив. Нагому на вотчину в Юрьеве. Приказ справился относительно этой вотчины в старых писцовых книгах и дал льготу на 5 лет, — «а как отойдут урочные лета 5 лет, и Ивану Григорьевичу Нагому с тое своей вотчины ямские и приметные деньги. . . . и всякие государевы подати платити ему с иными сохами ровно ежегод сполна».[1]

Интегральная ответственность землевладельца за свое владенье в целом сложилась в конце XV в. в связи с переходом к новому типу описаний и указанной выше переменой в фискальной администрации. Ясную формулировку ответственности применительно к поместьям мы находим в древнейших известных нам отдельных на поместья грамотах. Так, в грамоте 1493 г. помещику разрешается увеличить обложение крестьян и взять себе по усмотренью участок земли на пашню. «и он в том волен, только бы было не пусто, чтоб великих князей дань и посошная служба не залегла; а доспеет пусто, и Семену [помещику] платити вел. князей дань и посошная служба самому, а от великих князей в том быти ему в опале».[2]

Во время войны из-за Ливонии податная ответственность служилых землевладельцев достигала такого напряженья, что становилась несовместимой с их службой. В декабре 1580 г. Вл. Загряжский, посланный в Ряжск собрать и отвести на службу детей боярских, писал в приказ, что у него нет приставов посылать за детьми боярскими, которые от него бегают, «а иные дети боярские у посошных сборщиков. . . стоят на правеже», и сборщики не отпускают их итти на службу. На это Вл. Загряжскому приказ отвечал, что к сборщикам послан указ, «а велели детей боярских, которые у них на правежу, отдать тебе», «а которые от тебя бегают, и тыб тех, имая, бил кнутом да за поруками отвел их к воеводам». . .[3]

За время войны из-за Ливонии до нас дошло несколько жалоб монастырей, преимущественно мелких, о том, что они, «оплачивая по многие годы» запустевшие крестьянские жребьи, охудали и одолжали и истратили всю монастырскую казну.

Ответственность землевладельцев за своих крестьян и за свое владенье в целом вызвала очень важные последствия: она послужила почвой, на которой землевладельцы связали крестьян круговой порукой и подготовляли лишение крестьян права отказа и выхода и полное их закрепощение. В виду того,

---

[1] М. А. Дьяконов, Акты тяглого населения, II, № 24.

[2] Самоквасов, Архивный материал, т. I, стр. 7. Такого же содержания грамота 1502 г., там же, стр. 9.

[3] Акты Юшкова, стр. 194—195, М., 1897.

что историки не обращали внимания на этот вопрос, я позволю себе остановиться на нем с некоторыми подробностями.

В источниках можно найти много различных указаний на существование исконного обычая, по которому всякий, сидевший на земле, должен был платить все налоги и нести повинности «по хлебу», т. е. все тягли текущего года должен нести тот, кто реализовал урожай этого года. На Севере, где старые обычаи вообще держались прочнее и были более живучими, этот обычай признается всеми и повсеместно. Когда волость рядила нового тяглеца, на льготу или без нее, то в рядной грамоте находилась оговорка, что всякие «невыплаты» старых лет новопорядчика не касаются. Когда северный крестьянин XVI—XVII вв. продавал свой участок, то он принимал на себя ответственность за все недоимки, а покупатель принимал обязательство нести тягло «по хлебу», «как соху наставлю». Известно, что на Севере не только тяглые миры, но и царская администрация допускали продажу крестьянских участков и уход тяглеца из волости, при условии передачи тягла покупателю. И в этих актах о сдаче земли с тяглом постоянно применялся обычай о несении тягла по хлебу. Словом, уходил ли крестьянин совсем или продавал участок своей земли, он всегда должен был погасить все недоимки.

В княжеской Руси этот обычай, под влиянием частного землевладенья, принял другую форму. Землевладелец, ответственный перед казной за своих крестьян и владенье, опираясь на этот обычай, получил возможность и считал себя в праве не выпускать от себя крестьянина-недоимщика до полного расчета во всех невыплатах. Существованием обычая о несении тягла «по хлебу», т. е. по урожаю текущего податного года, объясняются дошедшие до нас жалобы землевладельцев (монастырей) на уход крестьян «межень лета и всегды», «о рождестве Христове» и «о Петрове дни», и указы князей, напоминающие или устанавливающие для крестьянского отказа один срок в году — Юрьев день осенний. Выбор этого срока отказа вовсе не случайный. К Юрьеву дню все сезонные работы заканчивались, и это был самый удобный срок для расчетов «по хлебу» крестьянина с землевладельцем во всех повинностях, княжеских и господских. После Юрьева дня за крестьянином оставалась только одна повинность — повоз, которую, по климатическим условиям, нельзя было выполнить в осеннюю распутицу, наступавшую после уборки и обмолота хлебов, и приходилось отбывать санным путем, т. е. на месяц, приблизительно, спустя после Юрьева дня. Эта повинность, сама по себе весьма неопределенная и зависевшая от усмотрения землевладельца, подавала повод к большим спорам и злоупотреблениям со стороны землевладельцев.

Первый Судебник еще не говорит ничего о расчете за повоз и за озимый хлеб, который мог остаться в земле после легаль-

ного ухода крестьянина в Юрьев день, но второй Судебник, в связи с обострением борьбы землевладельцев между собой из-за крестьянских рук, пытается разрешить эти вопросы.

Он устанавливает, во-первых, определенную плату за повоз: «а за повоз имати с двора по 2 алтына». По вопросу об озими, оставшейся в земле, царский Судебник дает два решения, одно для расчета с землевладельцем, а другое — с казной. «А останется у которого крестьянина хлеб в земле, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба, или с стоячего, дает [землевладельцу *С. В.*] баран 2 алтына»... «а боярского ему дела, за кем жил, не делати». Таким образом крестьянин, отказавшийся на Юрьев день, имел право на следующий год убрать озимь, посеянную им осенью, заплативши за это 2 алтына. Этим его расчеты с землевладельцем кончались. Относительно государевых податей Судебник повторяет старое правило: «А по кои места была рожь его [т. е. крестьянина] в земле, и он подать цареву и великого князя платит со ржи». Это же правило Судебник применяет и к крестьянину, который с пашни продается в холопы, — по хлебу в земле он должен уплатить государеву подать, «а не похочет подати платити, и он своего хлеба земляного лишен» (88 статья).

Первый Судебник не говорит ничего об уплате податей по хлебу, при отказе, но это объясняется не тем, что этого правила не существовало, а тем, что оно было ясно для всех само собой. И второй Судебник не вносит ничего нового, а только ставит себе цель упростить те сложные и спорные вопросы, которые возникали у крестьянина на этой почве при отказе и давали повод к злоупотреблению властью со стороны землевладельцев.

Из этого видно, насколько были неправы историки, которые, обсуждая вопрос о крестьянском отказе, сосредоточивали все свое внимание на расчетах в пожилом и повозе (только потому, что они упоминаются в Судебниках) и совершенно, повидимому, не подозревали, какие крепкие пегли крестьянской неволи завязывались на почве податной ответственности землевладельцев за крестьян. Между тем известные указы о «заповедных годах» крестьянского невыхода были вызваны как-раз тем, что не было никакой возможности одновременно ставить служилого землевладельца на правеж в податях за его крестьян, разоренных тяжелыми чрезвычайными, по поводу войны, налогами, и посылать его в поход. Указы о заповедных годах нашли выход из этого положения в том, что «временно» лишали крестьянина права выхода и прикрепляли его к тяглу. Когда заповедные годы из временных стали постоянными, то введение круговой ответственности крестьян боярщины перед землевладельцем не представляло уже затруднений.

Период с последней четверти XV в., когда стали производиться описания нового типа, во многих отношениях может быть признан переходным к порядкам XVII в. Переходным

он был, как будет показано ниже, и в истории типов селений.

Мы не имеем ни одного образца описаний, которые производили в XIV — XV вв. князья в своих уделах, но, по методу исключения элементов позднейших писцовых книг, мы можем довольно уверенно охарактеризовать их в существенных чертах. Писцы и данщики удельных князей никогда не мерили и не межевали земель, не были судьями по земельным делам, не проверяли прав владения и не давали земель на льготу. Если из последующих описаний откинуть эти элементы, то остаются — составление списков селений и живущих в них тяглецов и определение окладов тягла. Этим, очевидно, и ограничивались все задачи писцов, причем оклад, в сравнении с последующим временем, был делом довольно простым.

В. Н. Татищев сохранил нам свидетельство одной не дошедшей до нас летописи о том, что в 1275 г. вел. князь Василий Ярославич послал в Орду урочную дань — «по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужа работника». Эта небольшая соха продолжала существовать в последующие два столетия. В середине XV в. В. Новгород дал московскому вел. князю черный бор в своих владеньях — «с сохи по гривне по новой, а писцу княжу мортка с сохи, а в соху 2 коня да третее припряжь».[1] Так как новая гривна этого времени была почти вдвое меньше старой (9 долей вместо 17), то выходит, что оклад ордынской дани оставался таким же, каким был в 1275 г. Лет через 25 после этого черного бора вел. князь Иван III, ведя с новгородцами переговоры об условиях покорности, спросил их: «что их соха?». На это новгородцы ответили: «три обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадях и сам-третей орет, ино то соха». Как видно, новгородская соха XV в. была немногим больше московской сохи XIII — XIV вв. С этими фактами следует сопоставить показание летописей о чрезвычайном сборе дани в 1384 г., когда, после карательного набега Тохтамыша и сожжения и разграбления Москвы, вел. князю Дмитрию пришлось забыть о недавней победе над Мамаем и уплатить Орде безотлагательно большой выход: «Того же лета бысть дань велия по всему княженью Московскому — с деревни по полтине; тогда же и златом даваше в Орду».[2] Деревня была принята как окладная единица, очевидно, потому, что приходилось срочно собрать тяжелый налог. Полтина с деревни, т. е. 5 гривен, была не столь уже тяжелым налогом, так как в деревне могло быть 2—3 двора, которые, разложив налог между собой, могли сделать его менее обременительным.

Отметив исключительность сбора 1384 г., следует сказать,

---

[1] ААЭ, 1, № 32.
[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 85.

что употребление деревни как счетно-окладной единицы не было редкостью, даже много позже. Через 100 и более лет после этого сбора были местности, в которых не выть и не соха, а деревня была окладной единицей. Так, кормы и доходы наместников и волостелей по уставным грамотам в одних местностях были положены на 5 деревень по 1 корму, в других на 6 деревень, в третьих на 7.[1]

Это — счет и оклад, а раскладка — дело самих крестьян. Грамота 1509 г. дмитровским бобровникам предписывает раскладывать кормы «по дани и по пашне: которая деревня больше пашнею и угодьем, и они на ту деревню больше корма и поборов положат».[2] Употребление деревни как счетно-окладной единицы можно рассматривать как очень знаменательный архаизм. Это было возможно и целесообразно только там и тогда, когда деревни были невелики и не было еще той дифференциации деревень по населенности, которая появилась позже. Такая мелкая деревня рассматривалась как единое хозяйство. С сельскохозяйственной точки зрения она и была таковым, даже если в ней было несколько дворов, так как дворохозяева владели не отдельными участками, а были совладельцами, так что каждый имел в деревенском владении свой жребий во всех полях и угодьях. Поэтому деревня могла быть не только счетной, но и платежной единицей, так как в пределах деревни прежде всего зародилась раскладка между совладельцами той суммы податей и повинностей, которая падала на нее по писцовому или данному окладу.

Судя по этим и другим указаниям источников, можно сказать, что в древнейшее время в основе писцового оклада лежало отдельное хозяйство. При всех местных и временных особенностях, называлось ли такое хозяйство дымом, ралом, плугом, сохой или деревней, суть дела оставалась одинаковой. Как учитывали, и вообще учитывали ли всегда писцы «силу» хозяйств, — о чем в общих выражениях говорят источники, — это — неразрешимый, по состоянию источников, вопрос. Ясно только то, что при таком характере оклада задача писца сводилась к счету и регистрации хозяйств по селениям.

«Данские» или «данные» книги этих писцов должны были походить на позднейшие платежницы с писцовых книг, по которым в XVI в. городовые приказчики, а в XVII в. — воеводы раскладывали и сбирали налоги. Платежница представляла собою список налогоплательщиков по селениям, с указанием их податных окладов. Употребляя их из года в год, городовые

---

[1] С 5 деревень корм — бобровники Дмитровского уезда, в 1509 г., с 6 деревень корм — черные крестьяне Переяславского у., 1506 г., бобровники Владимирского уезда 1537 г., Устьянские волости, 1539 г.; с 7 деревень корм — черная волость Высоцкая, Коломенского у., ААЭ, I, № 144, 150 и 183; АИ, I, № 137, Чтения Общества истории и древностей, 1907, кн. I, смесь.

[2] ААЭ, I, № 150.

приказчики вносили в них поправки и дополнения: делали отметки о недоимщиках и вписывали новых налогоплательщиков. Такой простой вид имели, вероятно, данные книги.

Источники говорят иногда о данщике и о писце определенно как о двух лицах, которые работали, если не совместно, то в очень близком соседстве. Так, в одной грамоте кн. Михаила Андреевича Кириллову монастырю (1435—1447 гг.) сказано: «Приедет мой даньщик или описчик на Белоозеро в мою вотчину, и игумен моему даньщику дани не дает, ни описыватись не даст; а то игумену беспенно».[1] В жалованной оброчной на все владения Кириллова монастыря грамоте 1468 г., того же князя, сказано: «А даньщики мои в их слободки и в деревни не въезжают к ним ни по что, ни дани с них не емлют, ни писец мой их не пишет».[2] Однако третья грамота того же князя 1451 г., льготная на Товские пустоши, говорит о данщике и писце как об одном лице: «даньщик мой к ним не въезжает, ни пишет, ни иные пошлины ненадобе на 20 лет».[3]

Эти разногласия источников объясняются тем, что, при несложности работы писцов и ненадобности производить ее ежегодно, задачи писца и данщика возлагались обычно на одного и того же человека и лишь в исключительных случаях были посылаемы особые писцы. О таких исключительных описаниях говорят некоторые духовные грамоты князей. Так, вел. князь Василий, производя в духовной 1462 г. раздел владений, писал: «А как почнут дети мои жити по своим уделом и моя княгиня... и мои дети пошлют писцов, да уделы свои писцы их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людям».[4]

Писцы-данщики XIV—XV вв. были мелкими сошками княжеской администрации, которые не могли итти ни в какое сравнение с теми княжатами и представителями боярских родов, которые с последней четверти XV в. стали писцами нового типа и получали за свою работу кормы не меньшие, чем кормы наместников. Писец-данщик получал за свою работу небольшое вознаграждение, которое упоминается во множестве грамот как «писчая белка», «писчая деньга» или «мортка».

В общем можно сказать, что новые описания производились не ежегодно, а по мере надобности, а по этим переписям налогоплательщиков данщики сбирали дань и другие налоги ежегодно и, внося в «данские книги» поправки и дополнения, продолжали работу писцов.

---

[1] ААЭ, 1, № 30.

[2] ДАИ, 1, № 201.

[3] Публ. библ. F. Q., № 120, л. 29. То же в грамоте того же 1451 г. на дер. Новосельскую в Угле, ДАИ, I, № 193.

[4] С. Г. и Д., I, № 86. В духовной около 1424 г. вел. князя Василия Дмитриевича: «А те волости и села, что есмь подавал своей княгине [т. е. не все владенья. *С.В.*], послав сын мой да моя княгиня опишут, да положат на них дань по людям и по силе». Там же, № 42.

Указанный тип описаний и порядок сбора налогов данщиками имели, как мне представляется, важные последствия. Служилые землевладельцы, иерархи церкви и монастыри стремились получить и получили несудимость от наместников и волостелей и независимость от черных людей. Эти привилегии они получили не сразу, но в общем особное тягло монастырщин и боярщин служилых людей в XV в. было уже общим правилом. Иначе относились князья к независимости частных землевладельцев от данщиков и писцов. Эту привилегию они давали очень редко, преимущественно монастырям и только в тех случаях, когда монастырское владение было предварительно пожаловано привилегией платить за все про все, за все дани и налоги оброк, причем данщику в сущности уже незачем было ездить в монастырщину. Таким образом писцы-данщики, в отличие от городовых приказчиков XVI в. и воевод XVII, сидевших в городах и принимавших там все доходы, были частыми гостями боярщин и монастырщин. В лице их князья имели очень подвижную и близкую к налогоплательщикам власть. Приезжая ежегодно для сбора дани и налогов в частные владенья, писцы-данщики вели точный учет налогоплательщиков, регистрировали вновь поселившихся тяглецов, отмечали сроки полученной ими льготы и вычеркивали из своих книг выбывших. Ясно, что при таких условиях ответственность землевладельцев за свои владенья и людей должна была принять характер совершенно иной, чем тот, который она приобрела позже, когда владенья были обложены сошными окладами огулом, и эти оклады были обязательными для землевладельца от описания до описания, т. е. на довольно долгий срок.

Как и за кого нес ответственность землевладелец? К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности дать ясный ответ на этот вопрос.

Несомненно, что полные холопы обложению не подлежали. На это мы находим определенные указания в нескольких договорах московских князей с тверскими. Князья взаимно обязываются брать дань с бояр и слуг контрагента, имевших вотчины в их уделах, «как и на своих, по целованью без хитрости; а на полных холопех не брати, на которых ключники целуют».[1] Этот текст нуждается в пояснении. В числе холопов было много таких, на которых не было письменных крепостей: были, продавшиеся в холопство «пословицей», т. е. словесно, были холопы по сельскому ключу, т. е. похолопившиеся принятием ключа от кладовых государя, были военнопленные, наконец, были холопы старинные, т. е. родившиеся от холопов. Холопство таких лиц подтверждалось присягой сельского ключника, и они не подлежали обложению данью. Это понятно, так как

[1] Договор 1368 г. — С. Г. и Д., I, 28. Договор около 1451 г. — там же, № 76, и около 1484 г. — № 119.

холоп был объектом, а не субъектом гражданского права, все, чем он владел, было собственностью господина, и потому он не мог быть ответственным плательщиком налогов, даже если сидел на пашне и пахал ее на государя. Из этого не следует, однако, делать вывод, что боярская пашня, обрабатываемая холопами или крестьянами, была совсем свободна от обложения. Те же междукняжеские договоры определенно говорят, что в случае надобности бояре и слуги вольные должны были давать дань «по силе» и по своим кормленьям. К таким случаям, вероятно, относились: выкуп князя из плена, как это было с вел. князем Васильем Темным, чрезвычайные запросы Орды, протори и расходы князя при поездках в Орду и долги, сделанные в Орде.

В общем полная ответственность господина за холопов в податном отношении, также как в гражданском и уголовном, не подлежит сомненью. Что же касается его ответственности за своих «сирот», то она представляется для древнейшего периода весьма сомнительной.

Сироты, т. е. люди, закабаленные в той или иной форме денежной или хлебной ссудой, и люди вольные, рядившиеся в тягло, не связывая себя ссудой, были субъектами гражданского права. Они имели свое имущество, совершали всевозможные сделки с своим господином и посторонними лицами и имели право защищать свои права в суде. Другое дело, насколько им удавалось на практике защищать свои права, но в принципе они их имели. По рядным грамотам позднейшего времени (XVI в.) крестьянин обязывался, после окончания срока льготы, тянуть всякую тягль «со крестьяны», «с суседы» или «с своею братьею» вряд. Это однако не значит, что он должен был платить подати в коллективе. Выражение «вряд» значит — так же, как и другие крестьяне, на тех же самых основаниях. Вероятно, так же было и ранее, т. е. новопорядчик принимал обязательство подчиняться местным порядкам и обычаям.

Выше, цитируя льготные грамоты, я отметил, что данщик-писец вел регистрацию льготчиков и облагал их после льготных лет. Таким образом первый неприятный разговор о недоимке крестьянин должен был вести с данщиком, а в случае неуплаты дани данщик мог взыскать недоимку из его имущества. Можно думать, однако, что не в интересах землевладельца было доводить дело до разоренья и бегства тяглеца. Он оплачивал недоимщика и, соблюдая свои интересы, облекал эту помощь в кабальную ссуду, а если находил это, по тем или иным причинам, невыгодным, то предоставлял данщику взыскать с сироты недоимку, а самого сироту «выбивал» из боярщины, т. е. прогонял с земли.

В цитированной выше грамоте середины XV в. Великого Новгорода о сборе черного бора есть интересное указание на личную ответственность крестьян: «а кто сидит на исполовье

на том взяти за полсохи»; «а кто будет одерноватой, емлет месячину, на том не взяти; а кто поверга свой двор, а вбежит в боярский двор, или кто имет соху таити, а изобличат, на том взяти вины вдвое за соху».[1] Одерноватые, т. е. полные холопы, в Новгороде, как и в княжеской Руси, обложенью не подлежали. На этой почве были возможны обманы: крестьянин бросал свой двор, укрывался в боярском дворе и выдавал себя, чтобы избегнуть обложения, за холопа. Уличенные в таком обмане подлежали двойному обложенью. Наоборот, — половник, отдающий половину валового дохода землевладельцу, должен был платить вполы оклада. Другую половину оклада, очевидно, должен был платить землевладелец. Исполовье и вообще поряда из доли урожая были распространенным явлением и в княжеской Руси, особенно в северных уделах, на Белоозере, в Пошехонье, на Вологде и в Ярославле, и очень вероятно, что и здесь половники облагались в половинном окладе.

Соображая изложенные выше факты, можно признать личную ответственность сирот, по крайней мере в древнейшее время, весьма вероятной. Можно думать, что землевладельцы, стремясь оградить свое владенье и крестьян от непосредственных сношений с княжескими приказными, сами шли навстречу невыгодной для них ответственности за крестьян и тем облегчили московскому правительству применение ответственности в той жесткой форме, в которой мы видим ее в XVI в.

Что касается коллективной ответственности друг за друга сирот боярщины или монастырщины, то она для XIV—XV вв. представляется совершенно невероятной.

Коллективная ответственность верви за дикую виру, существовавшая в Киевской Руси, применялась и в северо-восточной Руси. Здесь она распространялась в княжеских слободах и волостях на всех слобожан и волошан, а в боярщинах и монастырщинах — на всех жителей боярщины или монастырщины. Однако вира преследовала не фискальные цели, а была средством заставить всех жильцов той или иной территории не укрывать, а преследовать и выдавать душегубца и разбойника. Если убийца или разбойник был найден и выдан наместнику на казнь и продажу, то население не несло никакой ответственности. Поэтому круговая ответственность по дикой вире ни в каком случае не могла послужить образцом для такой же ответственности в обложении.

Раньше всего коллективная ответственность в ограниченной форме стала применяться в княжеских слободах и волостях. Она ограничивалась обязанностью всей слободы или волости оплачивать запустевшие участки, которые поступали в ее распоряжение. Для ответственности волости и слободы были благоприятные условия: однородный в юридическом смысле состав

[1] ААЭ, 1, № 32.

населения, более или менее широкое право самоуправления, волостная или слободская раскладка повинностей и, наконец, право волости и слободы не только на запустевшие участки, но и вообще на все свободные земли волостной или слободской территории.

Ни одного из этих условий в боярщинах не было. Полным хозяином земли был землевладелец, который сам распоряжался свободными участками и сам рядил и сажал по усмотрению тяглецов, брал землю в свое хозяйство или сажал на нее слуг и холопов. Население боярщины не пользовалось самоуправлением и не производило раскладки податей и повинностей. Наконец, в боярщинах большим препятствием для деятельности мира было постоянное присутствие значительного количества нетяглых людей — слуг и холопов. Поэтому можно считать несомненным, что в боярщинах коллективная ответственность крестьян была явлением очень поздним, и почва для ее развития создалась только после закрепощения крестьян.

Остается рассмотреть последний вопрос тягла — вопрос о наделах и надельной системе.

Мы видели, что большинство населения боярщины и монастырщины жило в небольших деревнях в 1—3 двора. Села были невелики и играли роль административно-владельческих центров, а не сельскохозяйственных. В составе населения сел и деревень значительное место занимали слуги и холопы. При таких условиях не было ни места, ни надобности в наделах. Сироты жили на разномерных деревенских участках, и если в деревне было 2—3 двора, то они владели участком по жребьям, т. е. долями во всех землях и угодьях деревенского участка.

В княжеских владеньях выть, как окладная единица, появляется довольно рано. По крайней мере во многих жалованных грамотах середины XV в. упоминаются «вытные» люди, как синоним людей тяглых и «письменных», т. е. записанных в данные книги. Однако, это было, во-первых, исключением, а во-вторых, не имело никакого отношения к наделам. Выть — это тягловый жребий, участок, который, как показывают дальнейшие факты, был весьма разнообразен по количеству земли.

Исследователи новгородской обжи давно отметили факт, что обжа писцовых книг конца XV в. и первой половины XVI не стоит ни в каком соответствии ни с количеством пахотной земли, ни с количеством высеваемого хлеба. То же мы видим и в истории выти. В первой половине XVI в. очень во многих местностях выти не было совсем, а вместо нее употреблялись различные окладные единицы: сохи, местные сошки, деревня, обжа и т. п. Там, где выть существует, она так же разномерна, как новгородская обжа. Так, в Торопецком уезде по описанию 1540 г. в поместных землях на выть приходилось от 9 до 15 четвертей земли. В черной волости Иванов бор, Белозерского уезда, в 1555 г. на выть приходилось от 15 до 24 четей. В 1569 г.

в вотчине боярина Ив. II. Федорова в Надпорожском стану того же уезда выти были тоже разномерными.[1]

Нормальная выть в 12 четвертей доброй земли или в 14 четей средней и в 16 четей — худой появляется и распространяется одновременно и, может быть, даже с некоторым опозданием, с большой московской сохой в 800 четей доброй земли, т. е. с середины XVI в. Понятно, что разномерные выти и обжи не могли служить мерилом надела землей, а факт их существования значит, что первоначально они были единицами правительственного оклада и только много позже, реформированные и нормализированные, стали употребляться как нормы земельного надела.[2]

В этом двойственном значении норм оклада и надела выти стали повсеместным явлением в дворцовых и черных волостях, где они употреблялись как окладная единица до конца XVII в., а как норма надела и в XVIII в., а в частновладельческих землях, как было сказано выше, были заменены различными неофициальными нормами надела.

Очень интересное свидетельство о позднем появлении выти, даже там, где для того были благоприятные условия, мы имеем в известной грамоте митрополита Симона (1496—1510 гг.) Юр. Масленицкому, которая заслуживает внимательного рассмотрения. И. Д. Беляев, горячий поклонник земельной общины, увидел в этой грамоте свидетельство о земельных переделах. В полемике с Беляевым по этому вопросу Б. Н. Чичерин говорил, что грамота доказывает «как-раз противоположное тому, что нужно было Беляеву»... «владельческое влияние на передел». П. Н. Милюков признал последнее положение Чичерина верным, но не высказал своего мнения и не дал объяснения смысла грамоты, а только заметил, что «самые размеры надела, указываемые в нашей грамоте, — 5 десятин и 6-я на владельца — представляют тоже весьма обычный размер частновладельческой выти — как на монастырских, так и на дворцовых землях».[3]

Рассмотрим эту грамоту. Игумен митрополичьего Константино-Еленского монастыря, во Владимирском уезде, жаловался митрополиту Симону, что крестьяне сел Сураломы и Доброго «пашут пашни на себя много, а монастырские де пашут пашни мало». На это митрополит Симон приказывает Юр. Масленицкому ехать с игуменом в эти села, «да землю бы есте во всех трех полех перемерили, да дал бы еси христианом в тех селах во всех трех полях по 5 десятин, а на монастырь бы еси указал им пахати шестую десятину». Эта неудачная формулировка рас-

---

[1] С. Веселовский, Сошное письмо, II, стр. 341—342. М., 1916.

[2] См. там же, II, гл. XVII — вытное письмо, и I, гл. VIII — мирская раскладка податей, М., 1915.

[3] Милюков, Спорные вопросы, стр. 31—32.

поряжения может дать повод подумать, что речь идет действительно о наделе крестьян землей. Вторая половина грамоты устраняет всякие сомнения: «А будет земли обильно, а кому будет земли надобно более того, и он бы потому ж пахал и монастырскую пашню — шестой жеребий. А кому не будет силы пахати пяти десятин, и он бы потому пахал и монастырскую пашню и всякое дело делал по своей пашне».[1] Ясно, что грамота не имела в виду ни надела, ни тем более передела. Землепользование крестьян остается таким, каким оно было раньше; при желании, если земли обильно, крестьяне могут даже увеличить свою пашню. Грамота устанавливает или только напоминает норму повинности пашни на монастырь. Крестьяне должны пахать на монастырь 20% своей пашни, на 5 десятин своей пашни одну десятину на монастырь. Для этого и нужно было предварительно измерить запашку во всех трех полях, так как на практике эти поля были далеки от равенства, что и давало возможность крестьянам скрывать действительные размеры своей пашни.

Самое интересное, быть может, в этой грамоте то, что подьячий, писавший грамоту, не подозревал, как мольеровский мещанин, что он говорит прозой, т. е., что речь идет о выти. Действительно: 5 десятин = 10 четям, да одна десятина = 2 четям, в итоге составляют 12 четей, т. е. нормальную выть, которую мы находим позже почти повсеместно. Приведу из множества свидетельств стереотипное заявление писцов 1583 г. дворцового с. Красного, того же Владимирского уезда. Положивши на выть по 12 четей доброй земли, они говорят: «а положено на выть добрые земли по 6 десятин, и с тою десятиною, которая дана пахать для посопного [на дворцовое ведомство, — *С. В.*] хлеба».[2]

Ясно, что если бы в указанных митрополичьих селах была известна выть, то подьячий не стал бы выражаться описательно, а сказал бы коротко и ясно: пахать на выть по десятине монастырской пашни.

Упомянутые выше исследователи, обсуждая грамоту Юр. Масленицкому, не обратили вниманья на одно очень существенное обстоятельство. Село Суралома (ныне — Суровна) и Доброе находились возле г. Владимира, в районе плодородного суздальского Ополья, древнейшей сельскохозяйственной культуры северо-восточной Руси, где уже в XV в. села достигли крупных размеров, при полном почти отсутствии деревень-хуторов (см. подробнее об этом ниже). Несмотря на эти исключительно благоприятные условия, мы видим, что здесь выть в конце XV в. только зарождается.

Краткий обзор истории выти бросает некоторый свет на

---

[1] Московский Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, л. 243 об.
[2] Акты писцового дела, I, стр. 4, М., 1913.

время, когда выти еще не было. В XIV—XV вв. в северо-восточной Руси преобладающими типами селений были небольшие села, окруженные множеством мелких деревень-хуторов в 1—3 двора. Огромное большинство крестьян жило в этих деревнях на очень разнообразных и разномерных участках, на условиях индивидуальной поряды-договора. Вследствие этого для норм оклада и надела в частновладельческих землях не было ни соответствующей почвы, ни потребности.

Отсутствие надельно-окладных норм не исключало возможности барской запашки, но, конечно, сильно препятствовало ее развитию. Важнее то, что, не имея выработанных норм оклада повинностями, землевладельцы были вынуждены давать в отношениях к крестьянам место договору и руководствоваться местной стариной. К этому вопросу я вернусь позже, в заключительной части работы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мелкое вотчинное землевладение в северо-восточной Руси и ликвидация неслужилого землевладения в третьей четверти XVI в. Слуги и соседи Макарьева Колязина монастыря. Мелкие вотчинники в окрестностях Троицкого Сергиева монастыря. Мелкое вотчинное землевладение в Белозерском крае

В исследовании о типах селений нельзя обойти одного явления или, лучше сказать, одной очень существенной стороны феодального строя северо-восточной Руси — мелкого землевладения, которое по какому-то необъяснимому недоразумению остается до сих пор вне поля внимания исследователей русского феодализма. Под впечатлением земельных отношений XVII—XVIII вв. принято противополагать вотчинное и поместное землевладение служилого класса, как землевладение крупное, крестьянскому землевладению, как мелкому, и переносить это противоположение на предшествовавшее время. В действительности противоположность служилого землевладения крестьянскому была в XVII в. явлением сравнительно новым. И классовое расслоение населенья северо-восточной Руси и распределение земельной собственности были гораздо сложнее, чем в XVII в.

Известно, что в Великом Новгороде был многочисленный класс мелких вотчинников, так наз. своеземцев. Нет ничего ошибочнее, как считать это явление особенностью новгородского землевладения. И в русских областях Литовско-Польского государства, и в княжеской Руси существовал не менее многочисленный класс мелких землевладельцев, по размерам своих владений и характеру хозяйства очень близкий к крестьянам позднейшего времени. Внимательное исследование источников дает возможность доказать и показать не только существование этого класса, но проследить его исчезновение. В XV в. на территории княжеской Руси заканчивается на наших, так сказать, глазах процесс лишения всей массы земледельческого класса возможности владеть землей на вотчинном праве. Мелкое вотчинное землевладение, промежуточное между тяглым и служилым, продолжает еще существовать. Когда оно было ликвидировано в третьей четверти XVI в., то образовалась та пропасть между служилым землевладельцем, вотчинным и поместным, и крестьянством, лишенным права быть собственником, которую мы видим в XVII в.

Всякий раз, когда представляется счастливая возможность ознакомиться близко с землевладельцами XV в. по какому-нибудь району, мы видим приблизительно одно и то же: несколько крупных владений, свыше 500 десятин, значительное количество владений среднего размера, от 100 до 500 десятин, и множество мелких вотчин, по своим размерам часто не превышающих крестьянские участки в 20—30 десятин.

Мелкие вотчинники жили обыкновенно в небольших деревнях. Иногда деревня принадлежала нескольким лицам, большею частью родственникам и свойственникам. Они владели ею по жребьям, т. е. как дольщики или сябры-крестьяне. Нередки случаи разделов, тогда деревню «разставляли надвое», производили раздел земли, и получалось две деревни с отдельными участками. Хозяйственный строй таких деревень был очень близок к крестьянскому. Иногда у такого вотчинника было 2—3 холопа; изредка ему удавалось порядить к себе крестьянина, но в большинстве случаев он обрабатывал землю сам. Хозяйство могло быть чисто земледельческим, но нередко соединялось с каким-нибудь промыслом, напр., бортничеством, рыболовством, гонкой смолы и дегтя, мелкой торговлей и т. п. Иногда приработок давала какая-нибудь профессия. Среди мелких вотчинников встречаются представители белого и черного духовенства, «торговые мужики» и разные ремесленники. Самый большой контингент составляли «дети боярские», которые от семейных разделов и других причин так измельчали и опустились, что не были в состоянии нести ратную службу у князей, как «слуги вольные».

Будучи слабыми экономически и социально, мелкие вотчинники искали защиты и покровительства у князей, бояр и монастырей, и из этой, главным образом, среды выходили лица, поступавшие со своей вотчиной в монастырские слуги или отдававшиеся в холопство с землей боярам и сильным людям. Если им удавалось попасть на службу к князьям, то они занимали место в низах княжеского дворцового хозяйства и попадали на положение «слуг под дворским», нечто среднее между вольной службой и холопством.

Княжеские междоусобья, татарские набеги, неурожаи и эпидемии, тяжелые налоги и повинности постоянно грозили мелким вотчинникам разорением и потерей вотчины, но тем не менее этот класс не только существовал, но в XV в. даже незаметно, чтобы он шел на убыль. Повидимому, именно возможность, в условиях феодальных отношений, найти, ценой потери свободы, патрона и защитника, поддерживала существование этого класса. Политика московских князей, враждебная с Ивана III крупному боярскому землевладению и покровительственная относительно рядовых служилых людей, на первых порах была по отношению к мелкому вотчинному землевладению нейтральной. Отношение к нему изменяется в середине XVI в.

В писцовых наказах XVII в. мы постоянно читаем статью:

«А которыми будет вотчинами или поместными землями владеют хотя и по крепостям неслуживые люди, попы не к церквам, или к церквам, да сверх указа,[1] и торговые мужики и монастырские служки или холопи боярские, или и служивые люди, только казаки или стрельцы, — и писцам те земли отписывати на государя... а тех людей подавати в государеве пене на поруки».[2]

Нет сомнения, что эта статья была заимствована из старых наказов XVI в., но когда впервые был провозглашен этот принцип и как он был проведен, это предстоит еще исследовать. В первой половине XVI в. мы можем наблюдать, как заурядное явление, мелких вотчинников, которые никому не служат или служат, но не государю, а частным лицам, боярам, владыкам и т. п., которые совершают различные сделки на землю и отдаются с своими вотчинами в холопи.[3] В Судебнике 1550 г. мы впервые находим запрещение принимать в холопи, с землей и без земли, детей боярских: «А детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не принимати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит» (81 статья). Этот указ закрывал один из путей, которым до того мелкие вотчинники из детей боярских поступали в службу к частным лицам.

Тесная связь судеб мелкого землевладения с вопросом обязательной службы государству с земли, дает основание полагать, что ликвидация мелкого землевладения была произведена одновременно и в связи с реформами 60-х гг., когда были провозглашены принципы: нет земли без службы, всякий должен служить по своей земле, безразлично вотчинной и поместной (со 100 четей доброй земли конный ратник), отменены кормления и установлены новые начала описаний и измерения земель. Было ли это произведено путем разбора и особых верстаний вотчинников в службу или, что вероятнее, было поручено валовым писцам этого времени, неизвестно. Если пересмотр и проверка прав на землю и определение служебной годности землевладельцев были поручены писцам, как это мы видим в тверских писцовых книгах, то реформа должна была растянуться на целый ряд лет, так как писцы были посланы не одновременно во все уезды. Так, по-видимому, оно и было.

Судя по новгородским своеземцам, можно думать, что годные к службе вотчинники были записаны в государевы служилые люди, поверстаны поместными окладами, сохранили свои вотчины, а сверх того — получили поместья. Возможно, что в некоторых случаях был допущен компромисс, который применялся

---

[1] Общая норма надела церковного причта — 10 четей в трех полях, т. е. 15 десятин, не считая угодий.

[2] Наказ 1626 г. писцам Московского уезда. Акты писцового дела, изд. под ред. С. Веселовского, I, стр. 432, М., 1915.

[3] См. ниже, а также писцовые книги по Тверскому уезду, напечатанные Калачевым.

во второй половине XVI в. относительно новгородских своеземцев и националов Казанского района: несколько мелких собственников, живших в одной деревне (большею частью — родственники), должны были нести одну службу, по очереди или по соглашению между собой, за общей ответственностью и порукой. Негодные к службе землевладельцы, а также представители духовенства и «торговые мужики» должны были лишиться своих вотчин, в одних случаях, вероятно, безвозмездно, а в других — имели возможность «сступиться с земли», т. е. продать ее тем, кто отныне получал исключительное право владеть землей, т. е. служилым людям.

Все эти интересные вопросы ликвидации мелкого неслужилого землевладенья предстоит еще исследовать и выяснить. Пока же можно утверждать, что оно, выдержав в течение нескольких веков борьбу с неблагоприятными экономическими и социальными условиями жизни, исчезло не само собой, а было ликвидировано в третьей четверти XVI в. в порядке государственных реформ того времени.

Исключительный по ценности и красочности материал для характеристики мелкого вотчинного землевладенья дают акты Колязина Троицкого монастыря. Основатель монастыря Макарий Кожин происходил из местных землевладельцев средняго слоя, и основанный им (около 1459 г.) монастырь с первых же лет своего существования стал для местных землевладельцев своим делом, в строительстве которого они стали принимать многообразное участие: давать вклады землями и деньгами, поступать в слуги, постригаться и принимать участие в управлении монастырем, «устраивать свои души» путем поминанья в «вечных синодиках» и погребать в монастырской ограде свои «грешные тела». По актам известен целый ряд родов местных вотчинников, преимущественно мелких, которые из поколения в поколение были тесно связаны с монастырем, образуя сплоченную среду, в которой рос монастырь. Таковы Астафьевы, Ботвиньевы, Жуковы, Игнатьевы, Махонины, Карабузины, Клобурниковы, Мерлины, Пивовы и другие. Одни из них, как напр. Карабузины, были измельчавшими потомками бояр, другие были безродной мелкотой, происходившей, по выраженью кн. Андрея Курбского, из «всенародства».

Карабузины, крупные кашинские вотчинники, оставили по себе несколько следов. На верховьях р. Кашины, километрах в 29 от Кашина, в бывшем Мерском стану, находится село Карабузино. Затем, в б. Нерехотском стану на ручье Карабузинском, впадающем в Нерехту с левой стороны, стоит дер. Карабузина. В б. Чудском стану (на юг от Кашина) в районе существующих ныне деревень Рудлевой и Вошиловой было с. Карабузино-Дураково, которое в писцовых книгах 1628 г. упоминается как пустошь. Наконец, в г. Кашине есть церковь муч. Варвары Карабузинской.

Во второй половине XV в. Карабузины представляются уже сильно измельчавшими вотчинниками, сохранившими родовые земли только в Чудском стану. В XVI в. они опускаются еще ниже, некоторые поступают в слуги Колязина монастыря и, утрачивая вотчины, так мельчают, что в десятнях XVII в. мы не находим на службе ни одного представителя рода.[1]

В середине XV в. вел. князь Борис Александрович пожаловал Захара Константиновича Карабузина — продал ему в вотчину за 1 золотую деньгу «землицу Клобуковбскую», небольшой участок к его селу Карабузину-Дуракову.[2] Умирая бездетным, Захар небольшую часть вотчины завещал своим племянникам, сыновьям брата Семена, а бо́льшую часть вотчины и боевой панцырь, оцененный в 3 руб., дал Колязину монастырю. Сын Семена, Степан при разделе родовой вотчины получил дер. Рудлеву. К ней он получил от своего дяди Захара луг Андреевский, который в конце XV в. обменял Колязину монастырю на панцырь дяди, необходимый ему как служилому человеку.[3] У Степана Семенова был десяток сыновей, которые уже не могли служить с своих небольших вотчин. Так, Михаилу Степанову принадлежали в дер. Рудлевой 2 выти, которые он в 1554 г. дал Колязину монастырю.[4] Его сестра Матрена первым браком была за мелким вотчинником Дан. Коржавиным, а вторым браком — за колязинским слугой Ив. П. Жуковым. От первого мужа Матрена с сыном Андреем получила половину деревни Вески-Коржавино и по духовной сына Андрея, умершего при ее жизни, дала ее Колязину монастырю.[5] От второго мужа Матрена унаследовала дер. Фроликову, купленную Ив. Жуковым за 10 руб. Так как Ив. Жуков при поступлении в слуги дал монастырю обязательство не отчуждать своей вотчины на сторону, то Матрена имела на дер. Фроликову только право пользованья и в 1550 г. продала ее за 12 руб. монастырю.[6]

Младший брат Михаила и Матрены, Дмитрий, получил по разделу 3 жребья в дер. Рудлевой. Не имея детей, он дал их по духовной грамоте 1554 г. Колязину монастырю. Интересно отметить, что при такой небольшой вотчине Дмитрий имел 9 человек холопей — 4 мужского пола и 5 женского, которых завещал отпустить на волю. «А что у моих людей живота, и брату моему у них в то не вступаться, а что хлебца, и брату моему Михаилу моим людцам тот хлеб разделить по жеребьям; да

---

[1] В. Н. Сторожев, Тверское дворянство в XVII в., вып. III. Состав старицкого и кашинского дворянства по десятням XVII в., Тверь, 1894.

[2] ГАФКЭ, Архив Колязина монастыря, кн. 4, грам. 40. Список XVIII в.

[3] Там же, кн. 1, грам. 21, и кн. 4, грам. 62.

[4] Там же, кн. 1, грам. 142, и Грамоты Коллегии экономии, № 6744, по Кашину № 49.

[5] Данная — Грамоты Коллегии экономии, № 6735, по Кашину № 40. В данной грамоте дер. Вески оценена в 20 руб. Дер. Вески находится на юге б. Жабенского стана, недалеко от р. Нерли, за которой лежал Дмитровский уезд.

[6] Архив Колязина монастыря, кн. 1, грам. 78 и 137.

Анюше Хлусове дати корова да Ганке кобыла». Силами холопов Дмитрий вел хозяйство и имел запашку. Хлеб в земле он завещал раздать на сорокоусты в три церкви — «по 2 овина, а достали долг заплатить».[1]

Десятой Степанов, подобно брату Дмитрию, имел в дер. Рудлеве 3 выти. В 1550 г. он дал монастырю за принятие его в слуги 1 выть и принял на себя обязательство: «а что моя вотчина, тое ж деревни Рудлева 2 выти, и мне тое своее вотчины мимо Колязин монастырь ни продать, ни променить, ни закабалить, ни по душе не дать, ни роду не дать, и в холопись с нею не дать», т. е. не даться в холопы.[2] Таким образом за Десятым оставалось только право пожизненного пользованья своей вотчиной. В 1555 г. брат Десятого, Иван, предъявил к монастырю иск о выкупе вотчины, и бояре присудили ему выкупить по Судебнику «в меру», т. е. оценивши по количеству четвертей земли, но Иван после суда помирился с монастырем и отказался от права выкупа за монастырское поминанье его души. Так, вотчина Десятого осталась за монастырем.[3]

Не касаясь всех подробностей истории карабузинских вотчин, что имеет специальный интерес, скажу несколько слов о детях Семена, которому в родовой вотчине принадлежала дер. Мышкина, в Чудском стану. Старший сын Михаил, не имея детей, завещал свою долю, $^1/_4$ дер. Мышкиной, своей сестре Евдокии. Последняя получила от отца $^1/_2$ той же деревни и с этим приданым вышла замуж за колязинского слугу Моргу Филимонова. В 1583 г. Морга и Евдокия дали эти $^3/_4$ дер. Мышкиной Колязину монастырю — половину деревни на помин душ, а $^1/_4$ деревни уступили за свой долг «за головное серебро за полтретья рубли».[4] Последнее говорит о том, как невелика была вся дер. Мышкина, если $^1/_4$ ее оценивалась в $2^1/_2$ рубля.

Брат Михаила и Евдокии, Черемисин Карабузин, в 1561 г. поступил в слуги Колязина монастыря и дал при этом монастырю «отца своего благословенье — Митино да Жарки», «а служить мне, Черемисину, за тот вклад у Живоначальные Троицы».[5]

Махонины, Клобурниковы, Жуковы и Игнатьевы были такими мелкими вотчинниками, что к ним неприложимо даже название детишек боярских.

Километрах в 10 от Колязина на противоположном берегу Волги находится ныне дер. Доманова. В XV в. она была вотчиной Махониных. В начале XVI в. Матвей и Иван Махонины, видимо, братья, разделили эту деревню пополам, а затем она подверглась равному же разделу — между 3 сыновьями Матвея и

---

[1] Духовная в списке XVIII в. — там же, кн. 4, грам. 60.
[2] Там же, кн. 1, грам. 135.
[3] Там же, кн. 1, грам. 141.
[4] Данная и отступная грамота — Грамоты Коллегии экономии, № 6777, по Кашину № 82.
[5] Архив Колязина монастыря, кн. 4, грам. 131.

пятью сыновьями Ивана. Таким образом сыновья Матвея имели по $^1/_6$ деревни, а сыновья Ивана — по $^1/_{10}$. Сыновья Матвея в 1512 г. продали свою половину деревни за 15 руб. колязинскому слуге П. Астафьеву. Внуки Ивана в 1560 г. по частям дали свои жребьи Колязину монастырю, а 4 внука в 1561 г. били челом «в дом» Колязина монастыря, т. е. поступили в слуги и отдали при этом свои доли, — «а дали есмя ту полдеревни Доманова впрок без выкупа, нет до нее дела нашим женам и детям и всему нашему роду».[1]

В районе б. колязинского села Красного, на р. Жабне, между Жабной и ее небольшим притоком Тумохтой, находятся ныне деревни Зверева и Погорелка. Эти деревни и соседняя с ними дер. Володарева в начале XVI в. принадлежали колязинскому слуге Нефеду Винке Клобурникову, который перед смертью дал деревню Володареву Колязину монастырю. Из четырех сыновей Винка двое — Назар и Федор — были слугами, а Гаврила избрал другую карьеру: он дал (1515 г.) свою дер. Звереву монастырю, постригся и позже (1530 г.) был соборным старцем, т. е. членом коллегии при игумене.[2]

Федор в 1555 г. дал монастырю 10 руб. и получил за это в пользование дер. Грибановскую на Тумохте, смежно с дер. Зверевой. При этом он с своим племянником Ив. Назаровым дал на себя монастырю запись: «мне, Федору, от Колязина монастыря от игумена с братьею с тою деревнею в иной монастырь не отъехати, ни в холопи ся не дати, и тое деревни нигде в деньгах и в хлебе не закабалити, ни в иной монастырь по душе не дати, и дворов и хором не опустошити и не обжечи». После смерти Федора деревня должна была поступить монастырю «с хлебом с земным и с житничным и с стоячим, и с животиною, с лошадьми и с коровами и с овцами». Так как Федор и его племянник Ив. Назаров, будучи колязинскими слугами, владели одновременно не в разделе родовой вотчиной дер. Погорелкой, то Иван тоже писался в запись Федора и дал с своей стороны обязательство не вмешиваться в хозяйство дер. Зверевой: «А мне, Ивану Назарьеву, в Федоров живот, в лошади и в коровы и в овцы, и в хлеб ни в какой не вступатися, и дела мне, Ивану, до Федорова живота и до хлеба нет никакого».[3] В то же приблизительно время Федор дал монастырю еще 10 руб. и получил в том же районе дер. Вавулино. В 1564 г. он вернул эту деревню монастырю и получил деньги обратно, но 5 руб. из них дал монастырю на помин своей души. В том же году, повидимому незадолго перед смертью, он дал монастырю и свою вотчину, $^1/_2$ деревни Погорелки.[4]

---

[1] Архив Колязина монастыря, кн. 1, грам. 35. Грамоты Коллегии экономии, № 6753; по Кашину № 58.

[2] Там же, кн. 1, грам. 19, 50 и 82; кн. 4, гр. 76.

[3] Там же, кн. 1, грам. 147.

[4] Там же, кн. 1, грам. 162; кн. 41, грам. 27 и 85.

Племянник Винка, Поветко Сытков сын Клобурников, имел в том же районе дер. Максимову, с которой похолопился окольничему Вас. П. Борисову-Бороздину, представителю старого рода тверских бояр. В. Бороздин оставил Поветка на его бывшей вотчине, и в 1545 г. Поветко судился о межах с Колязиным монастырем. Спор кончился миром, и он полюбовно с монастырскими старцами отмежевал дер. Максимову от монастырских деревень Володаревой и Зверевой. Когда умер Поветко, неизвестно, но в 1560 г. В. Бороздин продал Колязину монастырю свою вотчину и дер. Максимову, «что на ней жил мой человек Поветко Клобурников». [1]

Еще более мелкими землевладельцами были Игнатьевы. По колязинским актам XV—XVI вв. известно 5 гнезд Игнатьевых, несомненно, одного происхождения.

Кузьма Игнатьев был слугой Макария, едва ли не с самого основания монастыря. В 1459 г. Макарий менялся «с слугою своим с Кузьмою Игнатьевым землями своими, променил есмь ему деревню Няткина да Голышкин починок, а выменил есми у него его земли Мордвиново да Листвянок. А придал есмь ему 10 кадей ржи да 10 овса. И с теми деревнями Кузьме и *его детем* [курсив мой. — *С. В.*] у Тройцы у игумена с братьею служить, а мимо монастыря тех деревень не продать, ни променить, ни в приданые не отдать, и в закупе не заложить и по душе не отдать». [2] Все 3 сына Кузьмы: Семен Яман, Григорий Багоня и Сувор действительно были слугами и часто упоминаются в актах Колязина монастыря.

Из числа других Игнатьевых упомяну о детях Захара, которые, будучи колязинскими слугами, в конце XV в. и в XVI по трем купчим продали свои мелкие вотчины в Жабенском стану колязинским же слугам: землицу Подмохово за 10 руб., дер. Красникову за 5 руб., дер. Новоселку за 9 руб. [3]

Это зависимое землевладенье колязинских слуг, которые владели землей то на поместном праве, получивши ее за службу от монастыря, то как полные вотчинники своих родовых вотчин, то как ограниченные в правах вотчинники, имевшие право дать вотчину своей жене только на прожиток, а сыновьям при условии службы монастырю, представляет чрезвычайно интересные образцы зависимого землевладения северо-восточного феодализма вообще, но этот вопрос выходит за пределы моей темы, и я пока не буду о нем говорить.

В архиве Троицкой лавры не сохранилось служних записей и актов, подобных колязинским, но в нем есть множество разнообразных актов, характеризующих мелкое землевладение с разных сторон. Особенно много материалов по окружавшим мона-

[1] Архив Колязина монастыря, кн. 1, грам. 130 и 175. Акты юридического быта, II, стр. 361—362.

[2] Там же, кн. 1, грам. 4.

[3] Там же, кн. 1, грам. 9; кн. 4, грам. 66, 82 и 91.

стырь местностям: Кинельскому и Верхдубенскому станам Переяславского уезда, Инобожскому и Повельскому — Дмитровского уезда, Воре и Корзеневу Московского уезда. Здесь в XV—XVI вв. мы видим множество мелких вотчинников, сидевших по деревням в 30—40 десятин, иногда и меньше того, то владея ими единолично, то гнездами родственников и свойственников. Одни служат великим и удельным князьям, преимущественно в мелких чинах дворцового ведомства, другие поступают в слуги к Троицкому монастырю, третьи задаются в холопы к боярам и сильным людям, четвертые пока-что, до благоприятного случая, не служат никому, пашут сами землю, а иногда занимаются каким-нибудь промыслом, напр., бортничеством.

В Кинельском стану, недалеко от монастыря, возле существующей ныне дер. Алексейковой и по реке Торгоше было несколько гнезд мелких и мельчайших землевладельцев: Афанасьевых-Галиных, Катавасьевых, Бессоньевых, Напольских, Скворцовых, Алексеевых и других. С течением времени все их владенья, как ручейки, слились в море троицких латифундий, и благодаря этому мы можем познакомиться с ними довольно близко. О размерах этих владений мы можем судить по описаниям конца XVI в. и 30-х гг. XVII в.

Алексеево (ныне Алексейкова) — около	135	десятин
Сельцо Воскресенское	20	»
Фомина	40	»
Вантеево-Галино	38	»
Басово	16	»
Скворцова	52	»
Катавасьева	46	»

Для характеристики этих землевладельцев расскажу один эпизод из их жизни.

В конце XIV в. Никита Камчатый, владелец дер. Алексеевой, поставил в своей вотчине храм Воскресенья, принял монашество и священство и стал игуменить в своем «монастыре» на погосте Воскресенском.[1] Его внук, Иван Алексеев сын Носов, показывал на суде, что после смерти отца он «бил челом Григорью Васильевичу служити и с своею вотчиною с тем сельцом с Алексеевским». Гр. В. Заболотский, боярин и дворецкий вел князя Вас. Темного, принял Ив. Носова в слуги, «а владел, господине, тою церковью Григорий Васильевич лет с 30, как яз дался с своею вотчиною с Алексеевскою землею». «И как яз, господине, бил челом Григорью Васильевичу, и Григорий, господине, то мое сельцо Алексеевское взял за себя, а мне, господине, дал тут жеребий земли у церкви, с попом по половинам. И как Григорий, господине, постригся, так меня, господине, отпустил, и с тем

[1] Вотчинные бесприходные церкви, в которых служил иеромонах, назывались монастырями, а служитель их — игуменом, хотя обыкновенно в них не было ни одного человека братии.

моим жребьем с церковным». Г. Заболотский умер в 80-х гг. XV в. и перед смертью дал сельцо Алексеевское с Воскресенской церковью (за исключеньем жребья Ив. Носова) и своими мелкими прикупами Троицкому монастырю.[1] Таким образом. Ив. Носов опять стал свободным человеком, владельцем небольшой части своей родовой вотчины, и продолжал быть ктитором родовой церкви.

Тяжба возгорелась в конце XV в. от соседних мелких вотчинников Ив. Бессоньева и Ф. Ларина, которые предъявили иск к воскресенскому попу Александру в том, что он, когда они были на службе в Великом Новгороде, «пошел от нашей церкви от Воскресенья прочь без отказу», а в церкви было на престоле 7 руб. денег, 15 книг, 55 свечей и другое имущество. Истцы претендовали на ктиторство и подтверждали это заявлением тем, что они «придавывали» к церкви земли. На суде, путем опроса Ив. Носова и соседей-старожилов, выяснилось, что ктитором и собственником церкви был Ив. Носов, которому поп Александр надлежащим образом сделал отказ, а истцы сознались: «сами ведаем, кое стоит Великое Воскресенье на его земле». Относительно мнимых вкладов истцов Иван Носов показал: «давали, господине, отцы их игумену или попу, — кой будет игумен или поп силен, много всхочет пахати, и отцы их, господине, по четверти или по 2 дадут в поле вспахати, *чего сами не возмогут попахати* (курсив мой. — *С. В.*); а к церкви, господине, земли не придавывали».

Белозерский край по природным условиям и складу жизни представлял нечто среднее между Поморским севером Великого Новгорода и уездами княжений Тверского и Переяславско-Владимирского. То, что в Кашине и в Переяславщине в XV в. уже отходило в прошлое, а в XVI в. было пережитком старины, на Белоозере было живой жизнью в архаических формах. Ценнейший материал для этого дают акты Кириллова-Белозерского монастыря, сохранившиеся в большом количестве с начала XV в., со времени основания монастыря. Мы видим здесь господство мелких деревень при большом земельном просторе и слабой населенности края, различные лесные промыслы, охоту и рыболовство наряду с земледельческим хозяйством, слабое, сравнительно с более южными уездами, развитие крупного и среднего землевладенья, большое количество черных и дворцовых, а позже и монастырских крестьян и большое количество мелких вотчинников и лиц, которые, не будучи ими по праву, на практике пользовались правами вотчинников.

Кириллов-Белозерский монастырь, в отличие от большинства монастырей, находившихся в центральных уездах Руси, накоп-

---

[1] В архиве Троицкой лавры сохранилась купчая посельского приказчика Гр. Заболотского на пустошь у Ив. Скворцова, за два руб. и пополика свинья. По цене видно, что это был очень небольшой участок.

лял свои земельные богатства, по крайней мере в XV в., главным образом посредством множества небольших покупок и мелких вкладов лиц, принадлежавших к разным слоям общества.[1]

Среди актов Кириллова монастыря прежде всего обращают на себя внимание сделки тяглых людей, в частности крестьян. Такие сделки были возможны только с разрешения князя и с доклада его наместнику, но несомненно, что они не были редкостью. Так, князь Андрей Дмитриевич разрешил игумену Кириллу (1393—1427 гг.) «купити деревни данные у Серка да у Тимошки да у попа Павла Окуловскую деревню, да третью деревеньку у Клима у Жеребцова Харламовскую деревню». Сохранились и купчие грамоты на эти деревени. Кл. Жеребцов получил за свои 2 деревни 2 руб. новгородских и пополнка овцу. Смежно с этими деревнями лежала дер. Волковская, которую Кирилл купил у Серка и Тимошки за $3^1/_2$ руб. Попу Павлу за его деревню было заплачено 2 руб. и овца пополнка.[2]

Игумен Трифон (1435—1447 гг.) купил за полтину денег пожню у Панкрата Кабачина. Брат или во всяком случае родственник Панкрата, Иван, был старостой, т. е. из тяглых людей. При игумене Христофоре (1428—1434 гг.) он заложил монастырю в полтине денег и в 30 белках свою пожню и писал в закладной: «занял есми полтину и белки до Юрьева дни, а не уплачу на срок кун, ино моя пожня в том».[3] Долг не был уплачен, и пожня осталась за монастырем.

Целый ряд сделок принадлежит представителям белого и черного духовенства и их детям. Кирилл выменял у попа Окула пожню «противу городка за озером». Несколько позже Семен «попов сын Окулов» занял у монастыря «рубль новгородской да 60 бел да 2 бочки ржи», а в тех кунах заложил с Николина дня на год свою пожню на устье р. Марьевки, смежно с монастырскими пожнями, — «а не уплачу на срок серебра, и они пожни косят и впредь». У Карпа «у дьяконова сына» Кирилл купил поженку за полтину и 20 бел, а у старосты Семена «у дьяконова сына» Кирилл купил по двум купчим 2 пожни на р. Шексне, за-

---

[1] Главный фонд подлинных актов находится в Грамотах Коллегии экономии (в ГАФКЭ) и описан С. Шумаковым. Обзор Грамот Коллегии экономии, вып. II, Тексты и обзор белозерских актов 1395—1758 гг., М., 1900. Три сборника списков с грамот (в значительной части не сохранившихся в подлинниках) находятся в Публичной библиотеке, F. Q., IV, № 120, 113/ а и б. Книга № 120 напечатана неполне исправно, без необходимых примечаний и без сверки списков с сохранившимися подлинниками, Н. Дебольским: Вестник археологии и истории, изд. Петербургского Археологического института, вып. XIII, СПб., 1900. Много актов Кирилло-Белозерского монастыря разбросано в разных изданиях: в АИ, в ААЭ, в Актах юридического быта, АЮ, в РИБ. т. II, и в приложении к работе Мейчика: «Грамоты и другие акты XIV и XV вв. Московского архива мин. юстиции», вып. IV — Описания документов, М., 1884. Наконец, следует отметить не вышедшее в свет издание Федотова-Чеховского (в Киеве) — Акты гражданской расправы, 2 тома, — в котором есть несколько ценных актов.

[2] РИБ, II, № 6. Дебольский, указ. изд., №№ 39, 47, 34 и 36.

[3] Ак. юр. б., II, № 149, III. Дебольский, № 2; АЮ, № 232.

платившн за одну — полтину и 20 бел, а за другую — полтину и овцу.[1]

Чернец Евагрий, «что был игумен в Вогнеме», дал игумену Кассиану (1448—1469 гг.) участок земли на р. Просты и пожни, купленные им у разных лиц. Чернец Арсений дал монастырю деревню на Киснеме, благословенье своего деда. Прок. Лубнин, при игумене Христофоре, дал монастырю наволоки и пожни на р. Шексне «по своем деде по попе по Саве да по его попадье по Настасье».[2]

Из этих примеров можно видеть, что землевладение попов «не к церквям» и чернецов на Белоозере было заурядным явлением, и они свободно распоряжались своими вотчинами.

Отмечу представителя другого слоя населения — кузнеца Михаля Пахомова. Вероятно, он был близким соседом монастыря, и этим объясняется то, что он был послухом у множества кирилловских актов первой трети XV в. При игумене Кирилле, он и какой-то Епимах, быть может его родственник, продали монастырю за $1^1/_2$ руб. новгородских и овцу свою деревеньку.[3]

Очень интересные сведения мы находим в кирилловских актах о землевладении княжеских слуг Пикиных. Есип Пикин, по показанью старожилов, живших у Пикиных в половниках, «завсе во дворе жил у кн. Андрея Дмитриевича и у кн. Михаила Андреевича».[4] В нескольких актах первой четверти XV в. он упоминается как тиун белозерского наместника. Есип Пикин владел, несомненно по жалованью князей, довольно большим участком в Милобуди. К нему он прикупил у белозерского боярина Гр. Ив. Монастырева деревню Щелково, которая называлась также Яковлей, так как на ней «живал... Григорьев холоп Яков». В середине XV в. Есип за старостью покинул двор кн. Михаила Андреевича и «почал жить» в своей деревне Талице, затем дал деревни Колкач и Талицу монастырю, а несколько позже, очевидно перед смертью, дал деревню на Талице и «сьои подели, пепелы» на р. Сизьме, причем выговорил себе в пожизненное владенье пепелы, т. е. расчищенный из-под леса участок, а жене на прожиток половину дер. Талицы. Своим сыновьям Юрью и Федору Есип дал дер. Васюкову Телибанова, половину которой Юрий продал с особого разрешения кн. Михаила Андреевича игумену Кассиану (1448—1469 гг.), получив за нее 5 руб. новгородских и корову в придачу.[5]

В 1485 г. умер князь Михаил Андреевич, и Белозерский удел был присоединен к великому княженью. Но еще до этого, в 1482 г., вел. князь Иван, подготовляя ликвидацию Белозерского удела, послал на Белоозеро писцов М. Д. Шалкина Заболотского

---

[1] Публичн. библиотека, кн. 120, лл. 26, 56, 25 об. и 26.
[2] Там же, кн. 120, л. 32 об., Дебольский, № 52; АЮ, № 121.
[3] Там же, кн. 120, л. 44 об.
[4] Шумаков, указ. изд., II, 116. Завсе—завсегда, постоянно, бесперечь.
[5] Дебольский, №№ 15, 17 и 18; Мейчик, стр. 124.

с товарищами, которым между прочим было поручено произвести проверку прав на земли Кириллова монастыря и отмежевание его земель от соседей. Эта работа писцов дошла до нас в очень интересной «отводной» грамоте, напечатанной С. Шумаковым в II вып. его Обзора грамот Коллегии экономии. Во время отвода деревень Пикиных на Колкаче крестьяне Волочка Словенского оспаривали у монастыря часть Пикинской вотчины. На отводе присутствовали и давали показания внук Есипа, Никифор Юрьев Пикин, и старожильцы, половники Пикиных. По словам старожильцев, Пикины жили на Колкаче «боле ста лет», а у них половничали деды и отцы старожильцов. Один половник показывал: «А ту деревню Колкач велел [Есип Пикин] разставити надвое, да посадил деда моего Ваську Телибанова. И дед мой на Есипа половничал». Так возникла дер. Другой Колкач, Васьки Телибанова то-ж. Деревни Сущово и Талицу Есип «розделал на лесе своими людьми да посажал половников». «А мы, господине, — показывали старожильцы, — по тем лесам и путики держали и ловища ставили и лесы россекали и пашни пахали». Когда эти земли достались монастырю, то «старцы, господине, кирилловские на тех поделях на Есиповых и на Юрьевых, а на наших роспашех, поставили 10 починков. А уже, господине, тем починкам иным лет с 30, а иным с 20».[1]

История Пикиных и их вотчины бросает некоторый свет на темный и совершенно неисследованный вопрос о землевладении княжеских холопов и многочисленных слуг под дворскими. В XIV—XV вв. это было очень крупным явлением социально-экономической жизни. В первой половине XVI в. оно исчезает каким-то неведомым и неисследованным образом со страниц источников и из жизни. Что сталось с ними, куда делись числяки, делюи и ордынцы, которые населяли целые волости, об этом в литературе мы находим только произвольные догадки и случайные замечания. Невполне ясно, как Пикины холопы-землевладельцы превратились в полных вотчинников, но едва ли можно сомневаться, что таких Пикиных на Руси было много. При благоприятных условиях они из мелких вотчинников попадали в дети боярские и получали поместья, с которых несли с городом ратную службу. Другие опускались, теряли землю и исчезали в низших слоях общества, как это случилось с Пикиными.

---

[1] Шумаков, указ. изд., II, 115—116; Федотов-Чеховский, Акты, I, № 41.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Описание отдельных владений в уездах Московского великого княжения

После типологического исследования селений следует наметить этапы эволюции их и попытаться выяснить факторы процесса. Это возможно только путем наблюдений над большим количеством фактов. Наиболее целесообразным путем исследования будет изучение не отдельных селений, а групп селений, целых владений.

Московский уезд

Владения митрополичьей кафедры

В известной книге владений митрополичьего дома находится несколько актов, ярко характеризующих подмосковные селения XIV—XVI вв.[1]

В Сетунском стану митрополичьему дому принадлежало с. **Голенищево,** ныне с. Троицкое-Голенищево, в 5 км от Дорогомиловской заставы. Это владенье начиналось от устья р. Сетуни, т. е. там, где она у Потылихи впадает в р. Москву, и простиралось вверх по течению Сетуни на несколько километров. Об этом владении в домовой книге сообщается, что в XIV в. «то место было пустынно, межу дву рек, Сетуни и Рамены, на стрелице [т. е. при слиянии этих рек], и над прудом, и лес мног обапол бе. И ту Киприан митрополит сам часто любяше пребывати и книги своею рукою писаше, понеже место бе тихо и безмолвно и покойно от всяких плищей». Выше по теченью р. Рамены, где ныне находится дер. Раменка, в 7 км. от Серпуховской заставы, жил митрополичий коровник Селята, и на этом месте митрополит Феогност (1328—1352 г.) поставил церковь св. Николы, — «и зовется то место Селятино, и з деревнями и с задорожными деревнями, что дорога идет от [села] Воробьева к Можайску». В XIV в.

---

[1] Книга списков различных земельных актов с конца XIV в. по 7045 г. составлена около 1538 г. Позже в ней приписано 7 актов 1547—1600 гг. Исторический музей, Синод. библ., № 276. Список XVII в. — Публичная библиотека имени В. И. Ленина. Собрание Беляева, № 127 (повидимому, из фонда грамот Коллегии экономии).

здесь было много мелких деревень, исчезнувших в XVI в. Рассказ об этом владении кончается замечанием, что крестьяне Голенищева Селятина и тянувших к ним деревень «безпрестани на дворе митрополиче всякую страдную работу работают».[1] Из других актов видно, что здесь был большой (раменный) лес и в нем множество мелких деревень. Межевая трамота 1504 г. упоминает о пограничных «осеках» в лесу, а в актах 1522—1526 гг. упоминаются деревни, исчезнувшие во второй половине XVI в.[2]

Еще ближе к Москве находилось другое крупное владение митрополитов — с. **Большое Кудрино.** Во второй половине XIV в. с. Кудрино принадлежало кн. Владимиру Андреевичу, и большой двор княжой был на Трех горах. После смерти кн. Владимира Андреевича (1410 г.) Кудрино с 14 деревнями досталось его вдове, Елене Ольгердовне, которая дала его митрополиту Фотию. Каковы были деревни, об этом красноречиво говорят их названия: Ананьина, Афанасова, Давыдкова, Дьяконова, Захарова, Тимошкина, Перепечина. Фотий поставил на Пресне монастырь (Новинский) и приписал к нему с. Кудрино. Земля Кудрина и его деревень тянулась широкой полосой, приблизительно от линии трамвая А, где в XVII в. на месте Козихинских переулков было патриаршее село Козье болото и патриаршие живорыбные садки (Патриаршие пруды), а дальше границей были: р. Ходынка, Волоцкая, Можайская и Тверская дороги и земля села «Святые отцы» (ныне с. Всесвятское). Последнее принадлежало в середине XV в. кн. Ив. Юр. Патрикееву, причем земля его не была размежевана с землей с. Кудрина. Кн. Ив. Юрьевич поставил у с. Всесвятского 2 деревни и запрудил Ходынку, чтобы устроить мельницу. По жалобе митрополита вел. князь Иван велел распрудить Ходынку и отвести деревни митрополиту.[3]

Жаловачная грамота 1491 г. митрополита Зосимы дает представление о древних, окружавших сс. Кудрино и Святые отцы. Некий С. Никифоров просил у митрополита пустоши Перепечиной, на берегу р. Москвы (раньше — деревня), — «а хочет на той пустоши собе двор ставити и лес сечи и розселивать». Митрополит разрешил ему сесть на этой пустоши, — «и тому Савве ненадобеть с митрополичьими новинскими крестьяны тянути ни в дань, ни в ям, ни в митрополичье дело, ни в монастырское дело [Новинского монастыря], ни в розметы, ни в какие проторы на 4 годы».[4]

Так, мы видим в XIV—XV вв. под самой Москвой то же, что позже можем наблюдать в более отдаленных местностях: леса, которые «рассекают», чтобы поставить деревню, лесные осеки и огороды на границах владений, тяжбы из-за неразмеже-

---

[1] Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, л. 44.
[2] Там же, лл. 44 об. — 46.
[3] Там же, л. 48 и об., и Ак. Юр. б. II, № 178, 1.
[4] Там же, кн. 276, л. 49 об.

ванных земель и мелкие деревни, которые в XVI—XVII вв. исчезают бесследно.

На северо-восток от Москвы у митрополичьего дома было довольно крупное владенье — с. **Пушкино** на Уче. Считая десятинами, в нем было около 1600 десятин. На этой территории по описанию 1491 г. были: село Пушкино с 19 дворами и 15 деревень и 2 починка с 35 дворами. Среди деревень мы находим одну деревню (Сахарникову) в 6 дворов и 2 деревни по 4 двора, а все остальные были мелкими хуторами: 8 однодворных деревень, 3 деревни по 2 двора и 2 — по 3 двора. В первой четверти XVI в. возникло еще 7 мелких деревень и 1 починок. Таким образом в эпоху расцвета в Пушкинском владенье было 25 мелких деревень.[1] В северной части Пушкинское владенье было смежно с землей с. Елдегина, вотчиной боярина Дм. Вас. Шеина, и не было размежевано. В 1501 г. у крестьян Шеина произошло на этой почве столкновение с митрополичьими крестьянами, которые поставили починок на земле митрополичьей деревни Сахарниковой. Шеин, не желая тяжбы, отступился от починка и произвел полюбовное межеванье.[2]

В середине XVI в. Пушкинское владение продолжало развиваться и процветать: возникали новые деревни и возле села образовалась слободка с 29 бобыльскими дворами. В 1571 г. все владение было разорено во время набега хана Девлета на Москву, и, по описанию 1585 г., все, что уцелело от разоренья, сгруппировалось в селе. Здесь была запашка десятин в 65, 17 дворов крестьянских, мельница и перевоз на Уче, но все деревни запустели.[3] После крестьянской войны вся жизнь сосредоточилась в селе. По описанию 1623 г. в селе были — двор патриаршего приказного и 15 дворов крестьянских и бобыльских. Ко времени переписи 1678 г. с. Пушкино стало центром значительного патриаршего хозяйства. В 1678 г. в селе были: двор посельского старца и приказчика, конюшенный и скотный дворы, 14 дворов деловых людей, состоявших на жалованье, 46 дворов крестьянских и бобыльских, 3 двора кузнецов, 5 дворов плотников, 2 двора рыбаков и 2 двора сторожей.[4]

Аналогичные наблюдения мы можем сделать еще на одном владении митрополитов, на с. **Сабурове.** В 1558 г. вдова боярина Ив. Гр. Морозова дала митрополичьему дому с. Сабурово в Горетове стану, ныне дер. Сабурово, на р. Баньке, в 25 км от Пресненской заставы.[5] Это было владение средних размеров: по писцовым книгам 1584—1586 гг. в нем было немного менее 700 деся-

---

[1] Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, л. 52.
[2] Там же, л. 51—52 об.
[3] Писцовые книги Московского государства., I, 217—218.
[4] Холмогоровы, Исторические материалы, V в., Радонежская десятина, стр. 71.
[5] Акты юридического быта, I, № 63, XVIII.

тин. На этой территории в данной грамоте 1558 г. к с. Сабурову поименовано 16 деревень. Из этого видно, что деревни с. Сабурова были мелкими поселками, по 20—30 десятин под каждым, что может быть признано типичным для деревень Подмосковья в первой половине XVI в. По описанию 1584—1586 гг. с. Сабурово и все его деревни были пустыми, крестьяне разбрелись безвестно и пашня «лесом поросла».[1] Наступившее вскоре после этого описания разоренье, когда после голодных лет началась гражданская война и находившееся недалеко от Сабурова с. Тушино стало центром самозванщины, устраняло всякую возможность хозяйственной реставрации. Таким образом, если ко времени описания 1584—1586 гг. пашня поросла лесом «в жердь и в кол», то спустя 30—35 лет здесь был уже лес «в бревно», как выражаются писцовые книги, и местность приняла приблизительно такой вид, какой она имеет в настоящее время, когда вокруг дер. Сабуровой лежит пашни и пустыри, далеко по-за пашнями лес, и нет ни одной из тех деревень, которые в XVI в. тянули к с. Сабурову.

Владения Троицкого монастыря[2]

Целый ряд интересных наблюдений мы можем сделать на подмосковских владениях Троицкого монастыря.

С. Петровское. На запад от г. Воскресенска, на линии железной дороги находится в настоящее время с. Петровское, на р. Маглуше (Мологоще). На юг от него лежит дер. Кореньки (в XVI в. — Кореневишко), а несколько западнее от нее на верховьях р. Россохи — дер. Носово. Историю селений этой местности мы можем проследить с 60-х гг. XV в., когда она стала вотчиной кн. Дан. Дм. Холмского, выехавшего из Твери на службу к московскому великому князю и купившего ее у разных лиц по частям. В Троицком архиве сохранилось 5 купчих грамот, но возможно, что это не все купчие кн. Д. Холмского. Село Петровское с деревнями находилось в Ижве, Дмитровского уезда, на границе с Сурожским станом, Московского уезда, и занимало около 610 десятин. Часть земли с. Петровского и несколько деревень лежали смежно в Сурожском стану, занимая площадь около 720 десятин. К этому владению кн. Холмский прикупил 2 участка в Скирманове стану, Рузского уезда, на верховьях р. Россохи, площадью около 775 десятин. Эта земля, быть может, была и не в одной меже с с. Петровским, но во всяком случае находилась очень близко к нему. Старший сын кн. Данила Дмитриевича — боярин Семен Данилович — умер бездетным около 1501 г. Второй сын — боярин Василий, женатый на дочери вел. кн. Ивана III, по неизвестной нам причине в 1509 г. был «пои-

[1] Писцовые книги Московского государства, I, 151.

[2] Многочисленные троицкие акты, использованные ниже, не цитируются, так как они приготовлены к печати, сданы ИАИ АН СССР и легко могут быть найдены там, когда будут напечатаны.

ман» и умер в тюрьме на Белоозере, тоже не оставив потомства. За отсутствием наследников с. Петровское досталось вдове кн. Данила Дмитриевича, кн. Василисе, которая в 1511 г. дала эту вотчину Троицкому Сергиеву монастырю. В данной грамоте кн. Василисы перечислены все селения вотчины, и мы имеем, таким образом, второй момент в истории этого владения. Затем в сотных грамотах — 1537 г. по Дмитровскому уезду и 1538 г. по Рузскому — мы имеем описание двух третей владенья (сотной по Сурожскому стану нет). Наконец, для всех частей владения мы имеем описания конца XVI в.

Когда кн. Холмский в 60-х гг. XV в. покупал по частям эту вотчину, то она носила следы запустенья. У с. Петровского было всего 4 деревни: Ивашкова, Пенье, Мужилово и Холм. К ним перечислено в купчих грамотах 8 пустошей, что раньше были деревни. Позже, т. е. уже при кн. Холмском, на некоторых пустошах опять возникли селения с теми же названиями. В Скирманове кн. Холмский купил одну деревню, Киверничи, к которой тянуло 5 пустошей: Кошелево, Микулкино, Андреевская, Песья Лука и Лопарево. Данная грамота 1511 г. кн. Холмской свидетельствует о том, что в последней четверти XV в. и в начале XVI вотчина быстро заселялась и переживала время расцвета. В 1511 г. к селу Петровскому тянули — в Ижве 13 деревень и 7 починков да в Сурожике — 9 деревень и 3 починка, всего 22 деревни и 10 починков. В Рузской части владенья, в Скирманове, Андреевская пустошь стала сельцом, а к нему тянуло 8 деревень: Лопарево, Глинково, Перфурково, Жуйково, Кошелево, Киверничи, Тверитиново и Носково, и 2 починка: Песья Лука и Левин. Всего во всех трех частях было: село, сельцо, 30 деревень и 12 починков.

Сотные грамоты 1537 и 1538 гг. свидетельствуют о дальнейшем процветании владения. К сожалению, дворы в селениях указаны только в сотной 1538 г. по Скирмановской части, а сотной по Сурожику нет совсем. По сотной 1538 г. в сельце Андреевском было 10 дворов, а к нему тянуло 13 деревень с 53 дворами.[1] За время с 1511 г. возникли на пустошах XV в. новые деревни: Стремкова с 6 дворами, Микулкино с 3 дворами и Белково с 3 же дворами. В среднем на деревню приходилось по 4 двора. Писцы Скирмановской части не отметили случаев владельческого укрупнения селений, но несомненно, что таковые были, равно как несомненно укрупнение этих селений вследствие естественного роста населения, который наблюдается повсеместно в первой половине XVI в. Сотная 1537 г. по Ижевской части отмечает один случай значительного владельческого укрупнения селений. В 1537 г. к с. Петровскому тянуло 10 деревень, а 4 деревни (Каплино, Ребятинцово, М. и Б. Решетниково) перед описанием были ликвидированы и земля их «припущена в поле» к

[1] Шумаков, Сотницы, I, стр. 124—126.

с. Петровскому.[1] Еще раньше, очевидно, были ликвидированы таким же образом 6 починков, которые упоминались в данной грамоте 1511 г.

Описания конца XVI в. дают картину конечного запустения. Когда именно это произошло, можно сказать только приблизительно. В Скирмановской части по писцовым книгам 1568—1569 гг. были жилыми сельцо Андреевское и 11 деревень, а у них 435 четей ($652^1/_2$ десятины) пашни. По описанию 1594 г. все селения были пусты и пашня начала порастать лесом.[2] В Сурожской части по дозору, произведенному около 1586 г., было в с. Петровском 15 дворов крестьянских и бобыльских, а к селу тянуло 9 жилых деревень.[3] Наконец, в Ижевской части по описанию 1594 г. все деревни уже были пусты, а в с. Петровском было только: 3 двора церковного причта, 3 келии нищих и двор монастырского приказчика. При селе было 66 десятин монастырской пашни, но ее пахали крестьяне других троицких вотчин не из тягла, а из оброка, наездом.[4]

На основании этих данных, пока не найдены более точные указания, запустенье следует отнести к 60-м и 70-м гг. XVI в. Разоренья первых десятилетий XVII в. не могли уже ничего прибавить к предшествовавшему запустенью и только дали время пашне зарасти большим лесом. Писцовые книги 30-х гг. XVII в. свидетельствуют о том, что разруха еще не была изжита, и только в середине века были восстановлены у с. Петровского селения: Кореневишко (ныне — Кореньки) и Носково, на верховьях р. Россохи. Быть может, на той же территории б. троицкой вотчины возникли позже селения Устиновка, Рыбушкино (на Маглуше) и Ивакино.

С. Траханеево-Козодавлево-Успенское. Километрах в 20—22 на северо-запад от Москвы на р. Клязьме находятся 4 селения: на правом берегу — с. Траханеево, по храму Успенское, в XVI в. — Козодавлево, и ниже по течению — с. Ивакино-Покровское; а на левом берегу — дер. Яковлева и ниже по течению с. Павлики-Спасское (Павельцово, Павликово). Во второй половине XV в. здесь была вотчина Якова Козодавля, который в конце века променял ее вел. князю Ивану на вотчину в Дмитрове.[5] В меновой грамоте к с. Козодавлю показано 8 деревень:

---

[1] Там же, I, стр. 123.

[2] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 658—659.

[3] Там же, I, стр. 62—63. Ср. стр. 107—108. Дата дозора вызывает сомнения. См. об этом: Милюков, Спорные вопросы, стр. 169. Датировка затрудняется тем, что в напечатанном Калачевым тексте, повидимому, находятся позднейшие вставки и интерполяции. В том же издании под 7102 годом напечатано еще описание Сурожской части, в котором указаны дворы по селениям (стр. 281). Это — несомненно ошибочная датировка сложного текста, составленного из разновременных описаний.

[4] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 771—773.

[5] Дмитровская вотчина в XVI в. досталась Троицкому монастырю, и в связи с этим меновная Як. Козодавля попала в архив Троицкой лавры.

Игнатова, Антипина, Архимарича, Левушина, Павлецова, Строева, Павлова и поч. Бедарев. В середине XVI в. это владение досталось неизвестным путем боярину Вас. Юр. Траханиотову, в роде которого оно находилось более 200 лет и получило название: Траханеево, вместо вышедшего из употребления «Козодавлево». В писцовых книгах 1586 г. с. Козодавлево записано за сыном Василия Юрьевича, и во всем владении числилось около 1085 десятин.[1] Вчитываясь внимательно в описание его, мы замечаем, что в XVI в. владение дважды меняло свой облик. В первой половине века вместо 8 деревень, существовавших при Як. Козодавле, к селу тянуло 22 деревни, а ко времени описания 1586 г. уцелело только 5 деревень. Среди пустошей, что были деревни, мы находим только 3 старых названия: Павлецову, Строеву и Бедареву, а все остальные деревни, включая и Ивакино и Яковлево, возникли и запустели после Як. Козодавля. Большинство пустошей — мелкие участки по 20, 30 и 40 десятин, на которых были деревни в 1—3 двора. Судя по описанию 1586 г. владение Траханиотовых, как подмосковная вотчина, носило характер потребительского хозяйства: в нем было 3 двора вотчинниковых, двор конюшенный, двор для челяди, 6 дворов людских и только 7 дворов крестьянских. У села на р. Клязьме была мельница, — «мелит в одно колесо». Во время крестьянской войны все владение запустело, и только после 1620 г. хозяйство в нем было восстановлено. По переписным книгам 1646 г. в с. Козодавлеве были: двор вотчинников, скотный двор, 2 двора церковного причта и 8 дворов крестьянских. Тогда же были восстановлены те 3 селения, которые указаны выше.[2]

С. Нахабино и сельцо Караулово, в б. Горетове стану Километрах в 32 от Москвы по Волоколамскому шоссе находится с. Нахабино, на р. Нахабинке. В XV в. это была крупная подмосковская вотчина Плещеевых. В 1492 г. Иван Михайлович Плещеев, постригшись в Троицком монастыре, дал при жизни монастырю, по духовному завещанию, сельцо Караулово, а с. Нахабино с деревнями завещал в пожизненное владение матери, с условием отдать его после смерти тому же монастырю. Однако с. Нахабино было выкуплено у монастыря племянниками Ивана Михайловича, а затем продано его брату — Петру Михайловичу. По духовной грамоте 1510 г. Петр Михайлович дал с. Нахабино своему сыну Василию, а последний продал его за 400 руб. в 1518 г. Троицкому монастырю. В духовной грамоте 1510 г. к с. Нахабину перечислено 15 селений, среди которых следует отметить дер. Попово селище и поч. Дьяконов, хутора нахабинского причта. Купчая 1518 г. свидетельствует о значительных

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 186—187.

[2] О с. Козодавлеве-Траханееве в XVII—XVIII вв. см. В. и Г. Холмогоровы, Исторические материалы о церквах и селах, вып. VI. Селецкая десятина, стр. 51—52.

переменах: за 8 лет с 1510 г. 6 селений исчезло или, быть может, частью переменило свои названия, и возникло 10 мелких селений, вроде поч. Демидова и деревень Арефиной и Демидовы поляны.

В писцовых книгах около 1585 г. это владение описано за Троицким монастырем в тех самых пределах, в каких оно было за Плещеевыми, и при переводе четвертной земли на десятины в нем было около 2820 десятин.[1] Сельцо Караулово и большинство деревень к этому времени запустели, и к с. Нахабину тянуло только 5 жилых деревень. По описанию 1592—1593 гг. в Нахабине было 34 двора крестьянских и 10 бобыльских, а в 5 деревнях 26 дворов.[2]

В книгах 1585 г. заслуживает внимания описание пустошей с указанием их размеров в четвертях, так как все это — участки бывших деревень, на что имеются прямые указания в книгах, и по ним можно судить о размерах исчезнувших селений. Размеры большинства пустошей колеблются между 30 и 50 десятинами. Пустоши менее 20 десятин составляют исключение, их только 2 — в Труфанове починке 12 десятин и в Полянках 16 десятин. У запустевшего сельца Караулова писцы перечислили 12 пустошей, что были деревни, и здесь пустоши меньших размеров, чем у Нахабина, так что в среднем на пустошь приходится по 17 десятин.

Последующие события довершили разоренье Нахабинского владения и навсегда изменили весь облик местности бывшей Плещеевской вотчины с многочисленными деревнями-хуторами. В писцовых книгах 1623—1624 гг. (Арх. лавры, кн. 626) к пустоши, что было село Нахабино, описано 42 пустоши (в том числе и Караулово), что были деревни, и только в 1633—1634 гг. в Нахабине была восстановлена церковь и оно стало заселяться. К этому времени все пашенные участки и пустыри успели зарасти большим лесом (период полной зрелости березы — 35 лет) и, кроме с. Нахабина, не было восстановлено ни одной из прежних деревень. Да и село Нахабино населялось очень медленно: по переписи 1646 г. в нем было 26 дворов крестьянских, по переписи 1678 г. — 21 двор, по писцовым книгам 1685 г. — 22 двора, и только в 1704 г. Нахабино достигло того количества дворов, которое в нем было в 1585 г.[3]

С. Никоново. В том же Горетове стану Троицкому монастырю принадлежали еще 3 владения: знаменитое Тушино, при впадении р. Всходни в Москву, и села Алабышево и Никоново на верхнем течении р. Всходни. Сведения о селениях первой половины

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, 55—58.

[2] Не относятся ли эти сведения о дворах к описанию 1585 г.? Там же, I, стр. 280. Здесь текст напечатанных книг пострадал от редактора так же, как и в описании с. Петровского в Сурожском стану.

[3] Холмогоровы, Исторические материалы о церквах и селах, вып. III. Загородская десятина, стр. 173—174, М., 1886.

XVI в. мы имеем только относительно Никонова. Около 1536 г. по духовной трамоте Дан. Ф. Кутузова Троицкий монастырь получил с. Никоново, сельцо Назарьево и 21 деревню. Под этими селениями было всего около 650 десятин, так что за вычетом полей Никонова и Назарьева на деревню приходилось около 20 десятин. Таким образом, даже не зная количества дворов в деревнях, мы можем с уверенностью сказать, что это были деревни-хутора очень небольших размеров. Отмечу, что и здесь была дер. Поповкино, хутор сельского попа. Ко времени описания 1586 г. все деревни запустели, запустело и Назарьево, и только в Никонове числилось 6 четвертей пашни монастырских детенышей и 4 четверти крестьянской пахоты.[1] Во время крестьянской войны Тушино, как известно, было центром крупных событий и весь Горетов стан подвергся сильнейшему разорению, от которого очень долго не мог оправиться. По писцовым книгам 1623—1624 гг. все Никоновское владение, как и Нахабинское, было пусто. Несколько позже были восстановлены: Никольское-Никоново, Назарьево и Елино, которые существуют и в настоящее время.

С. Козино. Приведу еще один пример из той же местности. В нескольких километрах на запад от троицкого с. Сабурова и приблизительно в таком же расстоянии на север от с. Нахабина, между рр. Нахабинкой и Грязовицей, находится с. Козино. В начале XVI в. оно принадлежало кн. Щетининым, от которых перешло к кн. Ив. Д. Бельскому, а затем к Новодевичьему монастырю. Здесь на территории около 1060 десятин в первой половине XVI в. было не менее 25 селений, а по описанию 1585 г. в живущем были: с. Козино, деревни Мизиново и Нефедьево и 1 починок. Возле этих селений было 22 пустоши, что были деревни. Всего в Козинском владении было около 1060 десятин, из которых 225 под селом Козиным, а остальные под деревнями и пустошами, так что в среднем на деревню и пустошь приходилось около 33 десятин.[2] В крестьянскую войну начала XVII в. Козинское владение сильно пострадало и уцелело только с. Козино. По писцовым книгам 1623—1624 гг. в нем было 3 двора церковников, 2 двора бобыльских на церковной земле и 18 дворов крестьянских и один бобыльский. Несколько позже была восстановлена дер. Нефедьева на р. Грязивой. По переписи 1646 г. в с. Козине было 17 дворов крестьянских, а в Нефедьеве — 7.[3]

Вышеизложенное дает возможность высказать положение, которое имеет большое практическое значение для массового изучения писцовых книг и не раз будет подтверждено фактами при описании селений в других уездах. Положение это заключается

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 60.

[2] Там же, стр. 150—151.

[3] Холмогоровы, Исторические материалы, вып. III, стр. 93—95. Повидимому, на Козинской же территории была поставлена (когда? в XVIII в.?) дер. Желябино, на р. Нахабинке, существующая и в настоящее время.

в следующем. В большом количестве сохранившихся писцовых книг конца XVI в. и за весь XVII в. мы находим подробное и тщательное перечисление пустошей описываемых владений, с указанием размеров пустошей в четвертях. Писцы, описывая пустоши, иногда прямо говорят, что такая-то пустошь была деревней, но часто, преимущественно в книгах XVII в., об этом умалчивают. В действительности все эти пустоши, в огромном большинстве случаев, являются участками бывших и запустевших в последней трети XVI в. селений. В перечислении пустошей, надо заметить, писцовые книги и различные земельные акты в высшей степени консервативны. Это понятно. Сами землевладельцы были заинтересованы в том, так как это закрепляло и уточняло их владельческие права и облегчало их защиту в судах. Зная это свойство писцовых книг и различных земельных актов, можно использовать их для выводов относительно селений данного владения в более раннее время, от которого писцовых книг не сохранилось. Конечно, не следует упускать из вида, что в отдельных случаях владельцы могли перераспределять земли и угодья в своих владениях, что память о бывших селениях и пустошах этих селений с течением времени в отдельных случаях стиралась, но в общем можно сказать, что пустоши писцовых книг конца XVI в. и 30-х гг. XVII вв. в виде общего правила суть участки бывших селений. Количество дворов этих исчезнувших селений, конечно, будет оставаться неизвестным, но самые размеры пустошей убедительно говорят о том, что находившиеся на них деревни были мелкими селениями, в 1, 2 или 3 двора, редко больше.

Насколько прочны воспоминания о пустошах, автор имел возможность убедиться во время пешеходных прогулок по некоторым местностям б. Московского, Дмитровского, Коломенского и Переяславского уездов. Земля не раз переходила за прошедшие столетия от одних владельцев к другим, владения дробились или соединялись, в распределении пахотных участков и угодий происходили изменения, и тем не менее не раз старожилы указывали местные названия пустошей, не подозревая того, что опрашивающий их историк в этих названиях узнавал давно исчезнувшие селения. В дополнение к вышеуказанному замечу, что вообще личный осмотр местностей, которые историк берется описывать по актам, может дать ему гораздо больше, чем это принято думать, а иногда больше, чем он ожидает.

Звенигородский уезд

С. Дмитриевское-Гузеево. К Московскому уезду с запада прилегал Звенигородский, граница которого в некоторых местах подходила довольно близко к Москве. Километрах в 32 от Москвы на правом берегу р. Истры, недалеко от впадения ее в Москву, находится с. Дмитриевское-Гузеево. В первой четверти

XVI в. это была вотчина Ив. Вас. Плещеева, который в 1532 г. дал с. Гузеево с сельцом Тимошкиным и 26 деревнями Троицкому монастырю. По позднейшим описаниям в этом владении было около 650 десятин. Через 6 лет после перехода с. Дмитриевского во владение Троицкого монастыря оно было описано писцами.[1] По описанию 1538 г. в с. Дмитриевском оказалось 10 дворов, в Тимошкине — 12 дворов, а затем в 20 деревнях 69 дворов. Уменьшение количества деревень в сравнении с данной грамотой Плещеева 1532 г. объясняется тем, что перед описанием 4 деревни были «снесены вместо», а земля их и одного сельца была «припущена» к с. Дмитриевскому и некоторым деревням. Таким образом мы наблюдаем здесь энергичное владельческое укрупнение селений. Через 21 год после этого Звенигородский уезд был описан вновь кн. Ив. Ростовским с товарищами.[2] Описание кн. Ростовского 1559 г. отмечает небольшое уменьшение количества селений: к с. Дмитриевскому и сельцу Тимошкину тянуло 17 деревень. В этом нельзя видеть ухудшение положения, так как наряду с запустением одних деревень писцы отмечают возникновение новых, в частности таких мелких хуторов, как дер. Фомкина ($22^1/_2$ десятины), Савкина (15 десятин) и Афанасова ($16^1/_2$ десятин). Процесс возникновения и исчезновения мелких деревень и снесения их «вместо», т. е. укрупнения, был прерван событиями третьей четверти XVI в. Описание 1592—1593 гг. свидетельствует о полном разорении этой местности. Писцы нашли у с. Дмитриевского только 4 жилых селения: Тимошкино, Толдаково, Тишинино и Савкино-Исаково. Все остальные селения стали пустошами, «что были деревни». В первом десятилетье XVII в., в 1619 г., в приход королевича Владислава под Москву с. Дмитриевское было разорено окончательно, и только около 1627 г. в селе была возобновлена церковь и оно стало отстраиваться.[3] Кроме с. Дмитриевского были восстановлены Тимошкино и, кажется, еще 2—3 селения, но в XVIII в. и ныне на этой территории находятся только с. Дмитриевское и дер. Тимошкино.

С. Андреевское. В 20 километрах от Звенигорода, на верховьях р. Молодильни, находится с. Андреевское. В первой половине XVI в. это было дворцовое подклетное село.[4] В 1549 г. царь Иван, по духовной грамоте кн. Юрья Ивановича, дал с. Ан-

---

[1] Сотная грамота. Шумаков, Сотницы, I, стр. 124—125, М., 1901.

[2] Книги кн. Ростовского, сохранившиеся неполна, в списке с дефектного подлинника, напечатаны в I т. Писцовых книг Московского государства (стр. 660—730) и ошибочно отнесены редактором к 1592—1593 гг. Несколько замечаний об этих книгах см. Веселовский, Сошное письмо, II, стр. 594—595. Описание с. Дмитриевского, сопоставленное или, вернее, перепутанное редактором с описанием 1592 г., по списку из архива Троицкого монастыря, находится на стр. 691—694.

[3] Холмогоровы, Исторические материалы, вып. II. Звенигородская десятина, стр. 28—29, М., 1882.

[4] Уставную и несудимую грамоту с. Андреевскому с деревнями 1544 г. см. ААЭ, I, № 201.

дреевское Троицкому монастырю. Это было крупное владение — свыше 3 000 десятин, в котором к с. Андреевскому в жалованной грамоте поименовано 49 деревень. Писцы 1559 г. и здесь нашли некоторое уменьшение количества селений: вместо 49 деревень по их письму оказалось 36, что было следствием довольно интенсивного соединения и укрупнения селений, хотя в несколько меньшей степени, чем мы имели случай наблюдать у с. Дмитриевского. Описание 1592—1593 гг. констатировало большое запустенье: у с. Андреевского оказалось только 7 жилых деревень.[1] Гражданская война довершила разоренье, и весь облик территории владенья изменился так же, как территория сс. Дмитриевского, Сабурова и других: усадища и пашни былых селений поросли большим лесом. Церковь в с. Андреевском была восстановлена около 1628 г., и владение стало медленно заселяться. По переписи 1678 г. в с. Андреевском были дворы причта и только 6 дворов крестьянских. Тогда же, т. е. во второй половине XVII в., населились деревни Горнева и Бунакова, которые существуют и ныне возле с. Андреевского и одноименного с ним погоста.[2]

Владения Саввы-Сторожевского монастыря

О крупных владеньях в Звенигороде Саввы-Сторожевского монастыря мы имеем, к сожалению, только данные писцовых книг кн. Ростовского 1559 г. и сотной грамоты с этих книг.[3] При желании произвести более подробное исследование можно использовать для сравнения сохранившиеся писцовые книги 1624—1629 гг.[4] Впрочем отсутствие писцовых книг конца XVI в. не лишает нас возможности сделать некоторые выводы, так как есть все основания полагать, что владения этого монастыря находились, в общем, в тех же условиях и пережили те же этапы, как описанные выше владенья Троицкого монастыря в Звенигородском и Московском уездах. Судя по писцовым книгам 1559 г., в Сторожевских владениях преобладающим типом селений были мелкие деревни, которые в первой половине XVI в. переживали процесс укрупнения. В третьей четверти XVI в. начался процесс запустения, который был довершен разореньями во время крестьянской войны. Во второй четверти XVII в. началось медленное хозяйственное оздоровление и образовался приблизительно тот состав селений, который мы находим позже — в XVIII—XIX вв. Для сравнения приведу в таблице селения 1559 г. и те, которые существовали во второй половине XIX ст.

Всего у Сторожевского монастыря по писцовым книгам 1559 г.

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 683—688.
[2] Холмогоровы, указ. соч., II, стр. 24—26.
[3] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 675—681. Сотная грамота — Шумаков, Сотницы, III, стр. 10—18.
[4] Госуд. Древлехранилище, Писцовые книги, №№ 638 и 11832.

было в 9 владениях 10 сел с 121 деревней и 5 починками. В настоящее время из этих 136 селений существуют только 15, которые приводятся в нижеследующей таблице по владеньям.

1. с. Коробчеево и 15 деревень	дер. Пестрое и Белозерово, на р. Островне.
2. с. Луцино, на р. Москве, и 9 деревень	с. Луцино и дер. Шихова.
3. с. Шарапово и 13 деревень	с. Шарапово
4. с. Софьино и 8 деревень	с. Софьино и дер. Чепряково.
5. с. Дютково, 18 деревень и 3 починка	с. Дютково и дер. Окулово
6. с. Локотня с 12 деревнями	с. Локотня и дер. Шешарино.
7. с. Покровское с 9 деревнями	с. Покровское.
8. с. Каринское, на р. Москве, и 12 деревень	с. Каринское и дер. Спасская и Сергиевское.
9. с. Белгино и 14 деревень	нет ни одного селения
10. с. Дубацино с 9 деревнями	то же. [1]

Можайский уезд

Села Коржень и Губино. Продвигаясь далее на запад от Москвы, приведу один пример по Можайскому уезду. В последней четверти XV в. Троицкий монастырь приобрел в Можайске села Коржень и Губино. В 1520 г. он променял эти села вел. князю Василью на черные деревни в Корзеневской волости Московского уезда (о них см. ниже в селениях по Радонежу и Переяславлю), и в меновной грамоте мы имеем подробное перечисление всех селений. К с. Корженю (километрах в 18 от Можайска на юго-запад) тянуло 37 деревень, из которых в настоящее время нет ни одной. Можно было бы предположить, что некоторые селения существуют и ныне, но под другими названиями, но это возможно только относительно одной дер. Маланьиной, находящейся от Коржени в 2 км. Все же остальные селения находятся так далеко, что наверное не входили в состав этого владения. К селу Губину в меновной грамоте перечислено 30 деревень, из которых ныне существуют только 3: Панина, Болобаново и Шохово. Возможно, что под другими названиями существовали — дер. Баранова ($1^1/_2$ км от с. Губина) и Репникова (3 км). В общем же можно сказать, что на территории этих двух владений, вместо 2 сел с 67 деревнями, существовавшими в 1520 г., в настоящее время находятся 2 села и от 3 до 5 деревень.

Верейский уезд

Илемна. Около 1467 г. вел. князь Иван III дал Троицкому монастырю по душе своей тетки кн. Евфросиньи Дмитровской волость Илемну. Это было очень крупное владение, не менее 8 700 десятин, лежавшее на рр. Руди (приток Протвы) и Быковке, в нескольких километрах на юго-запад от Вереи. Ныне

[1] Возможно, что к последним селеньям следует причислить еще дер. Татарку, находящуюся (возле линии железной дороги) в 3 клм от селения Часцы. Ср. в Сотной грамоте 1559 г. деревню «Татариново-Копытово в Чисцах».

на территории Илемны находятся села Троицкое и Егорьевское и 12 деревень: Брюхово, Водрино, Дуракова, Левина, Неронова, Никитская, Новая, Ольховка, Павлищева, Романова, Федосова и Федотова (трехверстка военно-топограф. отдела, XII ряд, 13 лист). Все эти селения упоминаются в древнейших актах уже в XVI в.

Илемна, равно как и волости Почап и Передол Малоярославецкого уезда, в XV—XVI вв. играли видную роль в хозяйстве Троицкого монастыря. Зимним путем крестьяне Илемны и Почапа возили всякий повоз, главным образом хлеб, в Москву и через Москву в монастырь, а водным путем сообщение поддерживалось по Протве, затем по Оке до Коломны, а от Коломны по р. Москве до Москвы. По описанию 1544 г. Илемна представляется вполне процветающим владением и селения его — ушедшими далеко от первобытных мелких деревень, что следует приписать энергичной эксплуатации владения монастырем. В с. Троицком был двор монастырского посельского, 2 двора церковного причта и 18 дворов крестьянских. В селе Егорьевском было 3 двора причетников и 36 дворов крестьянских. К этим селам тянуло 39 деревень с 430 дворами. В среднем на деревню приходилось немного более 11 дворов, и мелкие деревни были исключением, — одна деревня в 2 двора и 4 деревни по 3 двора. Писец С. Ф. Сабуров не поскупился на подробности и констатировал факт энергичного и несомненно планомерного укрупнения селений. Напр., он отметил, что в деревне Филатовой перед его описанием было припущено 3 жилых деревни, так что образовалось крупное селение в 27 дворов. Всего писец отметил и перечислил поименно 21 жилую деревню, которые были «припущены», т. е. соединены с другими деревнями. Таким образом, вместо 60 селений, существовавших в Илемне за несколько лет перед описанием 1544 г., стало 39 довольно крупных, по тому времени, деревень.[1]

Описание Илемны, произведенное в 1593—1594 гг. Арт. Колтовским, дает возможность сделать несколько интересных наблюдений.[2] Во-первых, обращает на себя внимание сосредоточение монастырской запашки у с. Троицкого: крестьяне илеменских деревень пахали на монастырь 250 четей земли в 3 полях, т. е. всего вспахивали 375 десятин, по $1^1/_2$ десятины на крестьянский двор. По описанию Колтовского, в селе Троицком были: двор посельского, 5 дворов церковных причетников, 12 келий нищих, которые питались от церкви, и 13 дворов крестьянских, среди которых двор портного мастера, 2 двора плотников и 3 двора рыбных ловцов. В селе Егорьевском было 5 дворов причетников, 15 келий нищих и 25 дворов крестьянских. К обоим селам тя-

---

[1] Шумаков, Сотницы, I, стр. 51—52. Дефекты подлинника, приводившие С. А. Шумакова в недоумение, устраняются при помощи лаврских списков, сделанных тогда, когда подлинник был еще цел.

[2] Там же, стр. 173—179.

нуло 20 деревень с 249 дворами. Как можно видеть, описание констатировало значительную убыль населения и значительное понижение уровня благосостояния (27 дворов нищих). Тем более знаменательным представляется то, что несмотря на это средний размер деревни несколько увеличился по сравнению с 1544 годом ($12^1/_2$ дворов вместо 11 с немногим дворов на деревню). Ясно, что, несмотря на значительное запустение Илемны, процесс укрупнения селений, хотя и замедленным темпом, продолжался и во второй половине XVI в. Следует заметить, что Верейского уезда не коснулись такие бедствия, как майский набег 1571 г. хана Девлета и опричное разорение, и этим объясняется то, что запустение Илемны не может итти в сравнение с тем конечным запустением, которое мы наблюдаем в то же время в Московском и других подмосковных уездах. И в крестьянскую войну Верейский уезд пострадал меньше сравнительно с другими уездами, так как главные районы и пути борьбы находились севернее или восточнее Верейского уезда. Однако и здесь разорение было так значительно, что, напр., в с. Троицком в 1614 г. было только 2 двора крестьянских, а церковь «стояла без пенья». В результате последующей реставрации на территории Илемны осталось 13—15 деревень, из которых 13 существуют и в настоящее время.

Подводя итог, мы можем сказать, что в Илемне, под влиянием княжеского, а затем монастырского хозяйства, уже в начале XVI в. селения были значительно укрупнены. В XVI в. этот процесс продолжался, и вместо 60 деревень первой трети века мы видим в 1544 г. всего 39 деревень, в 1594 г. — 20, а после крестьянской войны — 13—15.

Наблюдая крупные сравнительно размеры селений в Илемне, следует, однако, воздержаться от поспешного вывода и не распространять его на весь Верейский уезд, а тем более на весь район на юго-запад от Москвы. В Вышегородском уезде, позже вошедшем в состав Верейского, Симонову монастырю принадлежало с. Дикое, находящееся недалеко от Илемны. Сохранившаяся сотная грамота этого села писцов 1543—1544 гг. вскрывает и черты сходства, и черты различия в эволюции селений сравнительно с Илемной.[1] Сходство заключается в том, что и здесь наблюдается процесс владельческого укрупнения селений. До описания 1543 г. к с. Дикому тянуло 15 деревень. По письму 1543 г. в селе были: 2 двора монастырских, 1 двор попа и 11 дворов крестьянских. Писцы отметили 4 случая «припуска», т. е. соединения селений: к с. Дикому был припущен починок Спицин, к дер. Сотниковой были припущены 2 деревни, и образовалось селение в 12 дворов, наконец, к деревне Кузнецовой был присоединен починок Романовский, и образовался поселок в 2 двора. Несмотря на это, в общем, деревни с. Дикого были значи-

[1] Шумаков, Сотницы, I, стр. 56.

тельно малолюднее, чем в Илемне. Мы видим 3 однодворные деревни, 2 деревни по 2 двора, 2 — по 3 двора, 1 деревню в 4 двора, 1 — в 5 дворов и, наконец, дер. Сотникову с 12 дворами. В среднем на деревню приходилось немного менее $3^1/_2$ дворов, тогда как в Илемне в то же время на деревню приходилось около 11 дворов. Следует еще отметить, что одновременно с несомненным фактом владельческого укрупнения деревень возникали, в зависимости от местных условий, селения архаического типа. Сотная отмечает: «починок Федька Мануилова стал после письма, во дворе Ф. Мануилов», «поч. Неклюдов стал ново на лесу на Диковской же земле Пашковского селища, во дворе Неклюдко Иванов».

Углич и Кашин

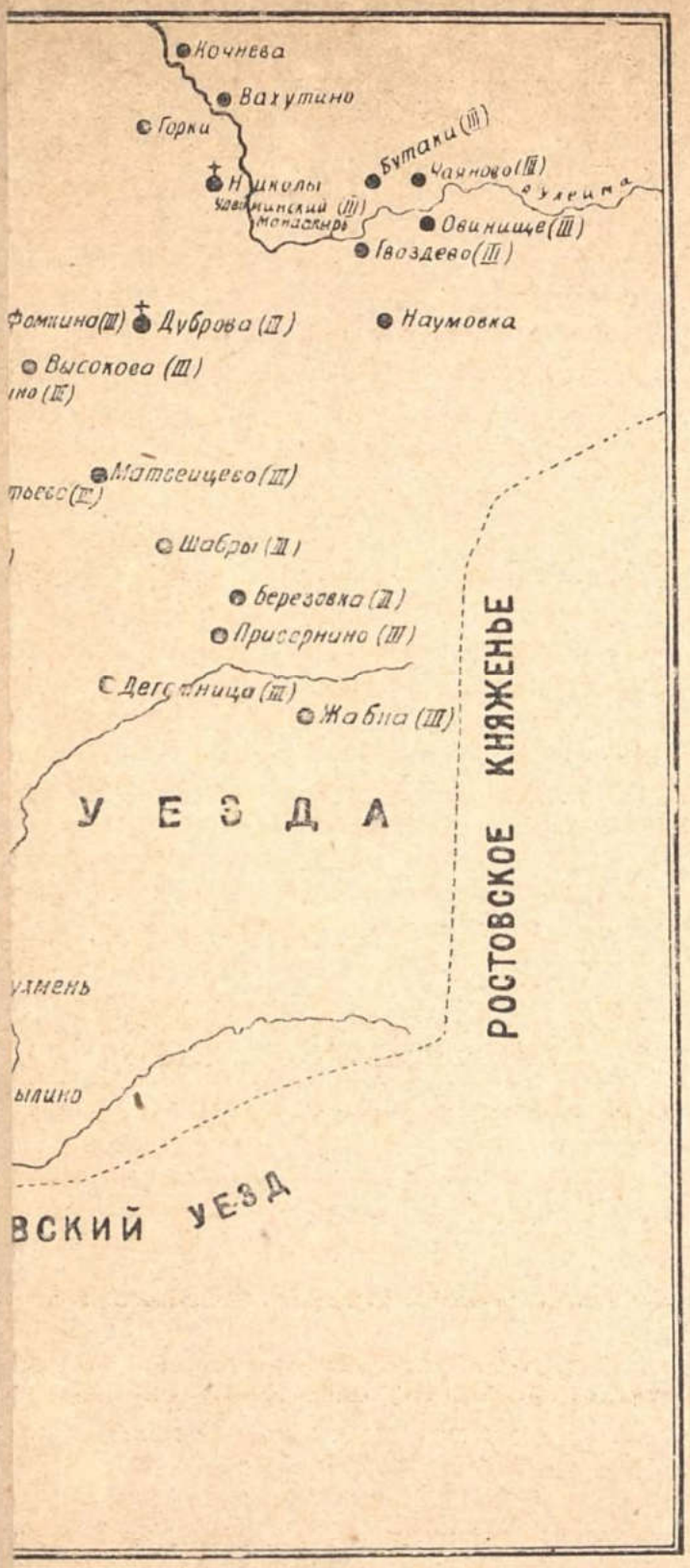
Много интересных наблюдений можно сделать, изучая Углицкие владения Троицкого монастыря и Кашинские владенья Макарьева Колязина монастыря.[1] Памятуя о своей теме, приходится с сожалением ограничивать себя и оставлять пока без вниманья целый ряд фактов и явлений, которые содержатся в многочисленных актах этих монастырей.

Городской (Кинельский) стан Углицкого княжения с юга граничил со станами Кашинского удела Тверского княжения, — слева от Волги с Нерехотским, а справа — с Жабенским. Последний стан с востока граничил с Переяславским уездом Московского великого княжения, а с юга — с Дмитровским уделом. Наконец, Кинельский стан на востоке примыкал к Ростовскому княжению. Судя по множеству актов Троицкого и Колязина монастырей, вся эта местность в XV в. была очень слабо заселена и представляла большой простор для колонизации. Частных владельцев эти пустынные места не привлекали. У них не было для освоения и заселения их достаточных капиталов, да и риск разорения от княжеских междоусобиц и от ухода крестьян на льготу в соседние княжения парализовал предприимчивость частных лиц. Последние соображения, видимо, удерживали и князей от заведения в таких местностях хозяйства и устройства дворцовых сел. В таких местностях в роли колонизаторов выступали прежде всего монастыри, а за ними, далеко отставая, шли предприимчивые слободчики, из крестьян и из княжеских слуг, которые возмещали отсутствие капиталов своим трудом и инициативой и брались на льготе «копить слободы» на князя, а иногда и на монастырь.

Благодаря этим особенным условиям, в середине XVI в. мы можем наблюдать в этой местности настоящее царство монастырей, среди огромных владений которых были вкраплены остатки княжеских земель, перешедшие в большей части в XVI в. в руки

---

[1] Колязинские акты, ГАФКЭ, Архив Колязина монастыря, кн. №№ 1 и 4, копии и подлинники актов XV—XVI вв.


Кочнева
Вахутино
Горки
Бутаки (III)
Чайново (III)
Н. Николы
Удвинский (III)
монастырь
Овинище (III)
Гвоздево (III)
Дуброва (III)
Наумовка
Высокова (III)
Матвеищево (III)
Шабры (III)
Березовка (III)
Присернино (III)
Жабна (III)
УЕЗДА
РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕНЬЕ
ВСКИЙ УЕЗД

пом
Пер
ляя
ско
сер
оче
эко
нас
ста
бол
лож
тан
нас
Во
не

рем
мо
тал
нас
ско
ля
хо
вз
XV
сто
В
Тр
ско
ст
на

пр
дал
бо
ст
Мы
би

по
теч
ко
тер
ле
Ко
—

помещиков, и немногочисленные мелкие вотчины частных лиц. Первым появился здесь привлекаемый волжскими рыбными ловлями Троицкий монастырь. В начале XV в. он приобрел с. Удинское в Прилуке на Волге, в Углицком уделе, приблизительно на середине плеса Колязин-Углич. Село Удинское, ныне с. Прилук, очень рано стало для монастыря важным этапом для торговых экспедиций по волжскому пути. Этим объясняется то, что монастырь путем покупок, мен и вкладов частных лиц и князей стал энергично и последовательно формировать у с. Удинского большое владение. Получив несколько вкладов на противоположной стороне Волги (на Красносельской), монастырь и там вел такую же политику. Таким образом уже в середине XVI в. у монастыря образовалось на Прилуцкой и Красносельской сторонах Волги владение, довольно неправильной формы, но в одной меже, не менее 6 000 десятин.

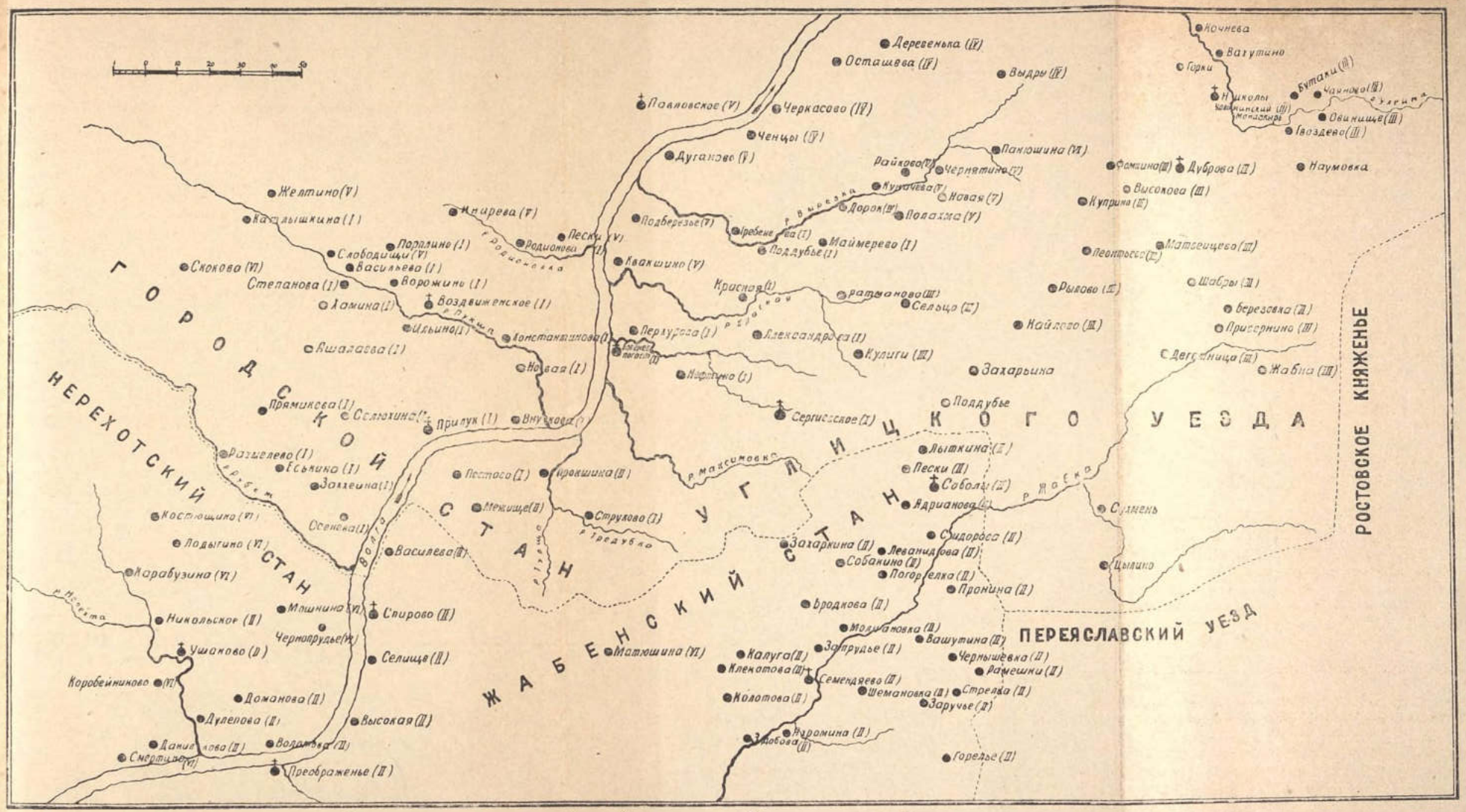
В середине XV в. у Троицкого монастыря появился конкурент в лице Макария Кожина, основавшего на Колязине свой монастырь. Сам Макарий и его преемники энергично приобретали вотчины, и за 100 лет, к середине XVI в., у Макарьева монастыря образовалось в Жабенском и Нерехотском станах несколько больших массивов, частью смежно с троицкими землями. Владения Колязина монастыря по своим размерам превосходили владения Троицкого и Николы-Улейминского монастырей, взятые вместе. Монастырь Николы на р. Улейме возник в конце XV в. или в самом начале XVI и к концу этого века имел в восточной части Кинельского стана около 7 000—8 000 десятин. В западной части его владения кое-где соприкасались с землями Троицкого монастыря, а на востоке доходили до границ Ростовского уезда. Наконец, на Красносельской стороне Волги к северу от троицких земель лежало несколько владений углицких монастырей, Покровского и других (см. карту).

Монастыри, пользуясь своими иммунитетными грамотами, призывали людей «из иных княжений» и сажали их на пустырях, давая продолжительную льготу. Хороший пример исключительно больших привилегий, которые получали иногда монастыри, представляет жалованная грамота 1483 г. последнего тверского князя Михаила Борисовича колязинскому слободчику Куземке Собине.[1]

В середине XV в. вел. князь Тверской Борис Александрович пожаловал Колязину монастырю «пустоши Соболы» на верхнем течении р. Жабны, где сходились границы Кашинского, Углицкого и Переяславского уездов.[2] В жалованной грамоте 1483 г. территория слободки определена так: «на Жабне на верхней на лесе на стари (т. е. на старом) и на пустошах, что лес и пустоши Колязинского монастыря, по рубеж по Углицкой да по Бобров-

---

[1] Колязин архив, кн. 1, грам. 29.
[2] Там же, кн. 4, грам. 20. Ныне на этом месте находится с. Соболы.



Селения пограничного района Угличского и Кашинского уездов

На карту нанесены только существующие ныне селения с указанием их владельцев в XV—XVI вв.

I — Селения Троицкого Сергиева монастыря;
II — Селения Макарьева Колязина монастыря;
III — Селения Николы Улейминского монастыря;
IV — Селения угличских монастырей;
V — Селения княжеские;
VI — Селения частновладельческие.

ники, да по Курышиской рубеж, да по Заозерской рубеж, да по слободку по Гридинскую, да по слободку по волостную по Жабенскую», — «звати ему (т. е. слободчику Собине) людей из зарубежья и из-за бояр здешних, а не с выти моей, великого князя». Призванным людям грамота дает льготы во всех податях и повинностях на 20 лет, полную несудимость (т. е. и в разбое и душегубстве) и полную независимость от всяких местных властей: «никоторым моим пошлинником к слободичам не въездити и пошлин не имати и ночлегов не чинити». Для охраны слободичей от посторонних людей дан особый пристав: «и приставу великого князя в слободу ездити одному Федьке Строкову, а иному приставу моему не ехати». Наконец, грамота дает слободичам право торговать беспошлинно лошадьми и скотом в городе Кашине и в волостях.

Несколько меньшими, но тоже большими привилегиями пользовался Троицкий монастырь. В 1411 г. князь Андрей Владимирович Радонежский дал монастырю на с. Удинское жалованную грамоту с исключительной привилегией: за все, про все монастырь должен был платить оброк, «а кого к себе призовут людей из иного княженья, а не из нашие вотчины из Углича поля, а те люди потянут в той же оброк».[1] Таким образом монастырь мог заниматься колонизацией без опасения увеличения оброка. В 40-х гг. это оброчное положение углицких владений монастыря было подтверждено грамотой кн. Дмитрия Юрьевича Красного, со всеми привилегиями за исключением городового дела, — «опроче того дела, коли учнут город [в Угличе] рубити, и им делати же».[2]

Ясно, какие большие выгоды и преимущества имели монастыри благодаря подобным пожалованьям. Следует отметить и то, что особенные условия местности создавали большие преимущества и для поселенцев. Монастырские власти прекрасно знали и не могли не считаться с тем обстоятельством, что привлекаемые льготой и земельным простором люди всегда могли уйти в соседнее княжение, чтобы и там воспользоваться 20-летней льготой и попытаться обосноваться на лучшем месте и в лучших условиях. Несомненно, что в таких местностях крестьяне пользовались значительной свободой и, в частности, имели возможность выбирать такую форму селения, которая казалась им удобной. Как же они селились? Троицкие и колязинские акты дают на это ясный ответ: крестьяне селились очень мелкими поселками, большею частью однодворными деревнями.

Главным источником для освещения этого вопроса являются судные дела, по поводу которых следует сделать несколько замечаний. Не только в этом районе, но и в других местностях, где

---

[1] Памятники социально-экономической истории, I, № 11, М., 1929, ААЭ, 1, № 19.

[2] Там же, I, 28, и Памятники, I, 48.

было много незаселенных земель, мы наблюдаем одно и то же явление. Монастырь, получивши жалованную грамоту на пустоши и леса, большею частью в очень неопределенных границах, при малой населенности местности и отсутствии соседей, призывал и сажал крестьян, предоставляя иногда им право самим выбирать место поселения. Заселенную таким образом землю он впоследствии старался освоить и закрепить за собой. Так же поступали и княжеские волостели, дворские, слуги, приказчики, слободчики и волостные крестьяне. Когда «сходились коса с косой и топор с топором», т. е. встречные и перекрещивающиеся течения засельщиков сталкивались, то начинались споры, ссоры и тяжбы. До нас дошло довольно значительное количество судных дел, возникших на такой именно почве. Судьям приходилось решать подобные споры, большею частью, «по старине», т. е. признавать сложившиеся отношения и производить межевание, чтобы положить предел тяжбам и дальнейшему захвату земель. Приоритет в захвате, заселении и разработке земли становился основанием для судебного решения, хотя князья и обычное право в принципе не признавали давности владенья, хотя бы и добросовестного, законным титулом приобретения права собственности на землю.

Антагонизм между крестьянами-поселенцами и монастырями очень часто осложнял тяжбы подобного рода. Иногда волостные крестьяне уходили с княжеской земли за монастырь, но чаще монастырские поселенцы предпочитали стать волостными людьми и либо бросали свои участки, либо делали попытку «отказаться» из-за монастыря в волость, с разработанной ими землей. В последнем случае происходило в миниатюре явление, аналогичное отъездам с землей мелких княжат и бояр под власть и покровительство более сильных князей. В этих случаях волостные крестьяне принимали обыкновенно сторону отказывающегося в волость поселенца, и иск основывался на утверждении, что земля, на которой поселился крестьянин, волостная княжеская, а не монастырская или боярская.

В начале XVI в. Колязин монастырь имел 2 подобные тяжбы. Первая происходила в северной части Жабенского стана, на границе с Углицким уездом, а вторая — в южной части того же стана, у с. Спасского, недалеко от границ Дмитровского уезда.

В первом случае монастырь предъявил иск к нескольким крестьянам в том, что они получили от монастыря 4 года назад (в 1500 г.) льготные грамоты, — «лес посекали и прятали и пахали и косили и дворы себе на тех местах поставили за монастырь», — «а нынеча, господине [т. е. судья], те починки называют волостными землями». Ответчики заявили на суде, что они селились на княжеских землях, а рядил их жабенский дворский «с волостными людьми с добрыми». У двух ответчиков грамот дворского не оказалось, а трое положили на суде льготные грамоты. В 1497 г. жабенский дворский с волостными десятскими

порядил на старый лес Арт. Вострово и дал ему льготы на 15 лет, — «а в ту ему льготу ненадобе ни дань, ни ям, ни дело великого князя, никоторые пошлины, ни волостелевы, ни праведчиковы, ни тиуновы, ни доводчиковы». Такие же льготные грамоты получили — в том же году Евд. Афонин, а в 1496 г. два брата Трусановы. Все 5 ответчиков поселились каждый отдельно, на особых участках и поставили себе дворы. В судном деле есть между прочим показание одного из свидетелей, монастырского крестьянина, о том, что он, расчистивши землю из-под леса, поставил себе деревню с сыном, а затем остался в деревне один, а сына отпустил жить на другой починок. Кн. Юрий Иванович Дмитровский решил дело в пользу монастыря, на том основании, что по показаниям старожилов и по старой грамоте вел. князя Михаила Тверского крестьяне поселились на монастырской земле.

Во второй тяжбе монастырь жаловался на двух крестьян в том, что они «ввезлися сильно сее осени» в дворы монастырских крестьян, которые расчистили лес и поставили себе дворы. Ответчики заявили, что в те починки их посадил жабенский дворский Тропыня, — «а хоромы, господине, поставлены и лес, господине, посечен, а не ведаем, господине, кто те хоромы ставил и лес сек». Грамот дворского у ответчиков не оказалось. По их словам, они ездили к дворскому, но он был болен и сказал: «как ся, даст бог, омогу, и яз у вас буду и грамоты вам льготные дам», а после того вскоре умер. Очевидно, дворский не поверил крестьянам наслово и не решился дать грамоты, не видя участков, на которые крестьяне «ввезлися». Далее ответчики показали, что к ним приезжал монастырский старец и сделал «извет», т. е. заявление, о том, что они поселились на монастырской земле, — «и мы, господине, повет старцов слышали, а крепости, господине, у нас нет на те починки никоторые, и мы, господине, с тех починков ся и свезли долой». Старожильцы показали на суде, что еще при вел. князе Михаиле Борисовиче, лет 50—60 тому назад, жабенский дворский (отец одного из старожильцев) «учал на те пустоши и на лесы рядити людей за великого князя», но по челобитью игумена Макария вел. князь не велел дворскому сажать людей и велел отступиться от тех земель. Два старожильца показали, что спорные починки «стоят промеж землями монастырскими», которые уже лет 50 как тянут к с. Спасскому. На основании этих показаний ответчиков и старожилов кн. Юрий Иванович решил дело в пользу монастыря.[1]

О таком же характере поселений говорят и акты Троицкого монастыря. Прилуцкое владение граничило в северной части с большими княжескими владениями, центром которых было су-

---

[1] Архив Колязина монастыря, подлинные правые грамоты, кн. 1, грам. 29 и 30, список, кн. 4, грам. 81.

ществующее ныне с. Павловское. Из с. Павловского и из троицких сел Прилука и из Воздвиженского, на р. Пукше, шли встречные колонизационные движения, сталкиваясь главным образом в районе небольшого притока Волги, речки Родионовки, где ныне находятся деревни Родионова, Пески и Инарева. В 80-х гг. XV в. один конфликт был разрешен кн. Андреем Васильевичем Углицким в порядке княжеской милости. Монастырские крестьяне дер. Родионовой «пригородили» к своим полям 30 четвертей земли с. Павловского, — «и яз, князь Андрей Васильевич, того обыскал, кое та земля моя, да обыскав, и яз, князь Андрей Васильевич, пожаловал дал есми ту землю» монастырю.[1] В конце XV в. тот же князь, во избежание чересполосицы и споров, произвел с монастырем мену землями в том же районе.[2]

В начале XVI в. новому углицкому князю, Дмитрию Ивановичу Жилке, пришлось разрешить более крупный конфликт. В конце XV в. дело княжеской колонизации было поручено слободчику Сем. Бородатому, т. е. производилось не на приказных началах, как это делали дворские, а на началах слободских привилегий и инициативы заинтересованного в успехе слободчика. Сем. Бородатый действовал, очевидно, энергично и «отвел» от троицких сел к с. Павловскому на обоих берегах Волги 54 деревни и починка. По жалобе монастыря кн. Дмитрий Иванович «обыскал своим обыском, что те земли троицкие Сергиева монастыря исстарины», и присудил эти 54 деревни «по старине» монастырю, хотя несомненно было, что у монастыря, кроме давности, не было законного титула владения. Самые названия деревень красноречиво говорят о том, каковы они были. Мы видим, напр., починки Ивашка Софонова, Гриди Рязанцова, Луки Обухова, Пашки Захарова и т. п.[3] Судя по тому, что одних спорных деревень было 54, можно думать, что общее количество княжеских и троицких деревень в этой местности исчислялось сотнями. Замечу, что в настоящее время из числа упомянутых в грамоте кн. Дмитрия Ивановича спорных деревень существует только дер. Полахма, а вообще в этом районе существует только 11 селений.[4]

Для истории прилуцких селений за XVI в. мы имеем, к сожалению, только описание 1592—1593 гг. В нем мы видим итоги длительного процесса и только случайные, отдельные указания на его течение. Спорная территория 54 деревень к этому времени поросла большим лесом, бором Ильинским, «вдоль на полторы версты, а поперек на версту», . . . «а по роспросу старожиль-

---

[1] Памятники социально-эконом. истории, I, № 180.

[2] Там же, № 234.

[3] ААЭ, I, № 145. Лучше напечатана С. А. Шумаковым, Углицкие акты, стр. 40—41, М., 1899.

[4] На левой стороне Волги: Лучкина, Доронина, Инарева, Полужье и Прямково, а на правой стороне: Дуганово, Купачево, Райково, Чернятина, Новая и Полахма (см. карту).

цев были на том бору исстари монастырские деревни».[1] Процесс укрупнения селений за первую половину XVI в. остался, естественно, вне поля зрения писцов, но за время более близкое к их описанию они констатировали то же, что мы видим в других местностях. Писцы отметили 48 случаев припуска пустошей бывших селений к жилым деревням. Если принять во внимание, что жилых селений было всего 72, то нельзя не признать, что и здесь процесс соединения земель запустевших мелких селений с землями жилых деревень протекал интенсивно. Писцы отметили также 2 случая укрупнения жилых селений: к дер. Новой были снесены деревни Аносова и Колосова, а к дер. Максимовой — починки Жабин и Коростели. Всего по описанию 1592 г. было: 3 села, сельцо, погост и 62 деревни, а в них, если не считать монастырских и церковных дворов, было 6 дворов служних, 479 крестьянских и 13 бобыльских, всего 498 дворов. Описание свидетельствует о значительном понижении общего уровня благосостояния: после предшествовавшего описания во всем Прилуцком владении запустело 140 дворов, но указаний на какие-либо катастрофические события и причины запустения нет. Только по поводу одной деревни упоминается о моровом поветрии (1570 г.). Поэтому можно сказать, что Прилуцкое владенье Троицкого монастыря испытало на себе общее влияние событий последней трети XVI в., но запустело, по сравнению с другими местностями, сравнительно мало. Поэтому процесс укрупнения селений протекал здесь почти нормально, и в 1592—1593 гг. в Прилуцком владенье приходилось в среднем на деревню и починок (за вычетом сел) немного более 6 дворов.

Лет через 7—8 после этого описания события приняли катастрофический характер. После нескольких лет неурожаев и голодовок начала XVII в. Углицкий и Кашинский уезды стали ареной больших боев и неоднократных грабежей со стороны литвы, черкас и казаков. Дозор 1610 г., произведенный от имени королевича Владислава, дает картину полного разоренья. Более 25 селений было выжжено и запустело совсем. Во многих сожженных деревнях еще ютились кое-как без дворов ограбленные и разоренные крестьяне. О размерах разоренья можно судить по тому, что из 93 вытей по дозору в живущем оказалось только 7, и дозорщики перечислили 515 посеченных крестьян, не считая разбежавшихся ранее от голода.[2]

Разоренье Прилуцкого владения этим не кончилось, и реставрация хозяйства стала возможной только после заключения (в 1619 г.) мира с Польшей. Описание 1627—1630 гг. Северьяна Давидова[3] отмечает много следов недавних разорений, но в то

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 24 и 29.
[2] Памятники социально-экономической истории, I, 263—267.
[3] Писцовые книги 1627—1630 гг. напечатаны в 41—46 тт. Временника Демидовского лицея. Описание Прилуцкого владения см. стр. 157—176.

же время свидетельствует о значительных успехах. Значительное увеличение количества бобылей являлось прямым следствием расстройства и упадка крестьянского хозяйства. Этот факт для всех замосковных городов давно отмечен в литературе. Писцы перечислили 16 и таких бобылей, «которые в той волости и по заволостью кормятся работою своею, дворов у них своих нет, живут по чужим дворам».[1] Как прямое следствие разорения, писцы отметили новое явление — большое количество монастырских детенышей. Из других актов известно, что монастыри за годы лихолетья подобрали много сирот, своих и чужих крестьян, выростили их у себя, а затем одних пристроили к монастырским ремеслам, а других посадили на пашню. Об этих детенышах описание говорит, что они пашню пашут на монастырь, «а хлеб им дают из монастырских житниц месечной, а на платье им дают из монастырские казны», т. е. они жили на положении холопов и деловых людей. В с. Прилуке было 9 дворов детенышей, а затем несколько селений было населено исключительно или преимущественно детенышами. Таковы были: село Васильевское (14 дворов), дер. Осенево (10 дв.), Малина (3 дв.), Еськино (4 двора детенышей и 2 двора крестьянских) и другие, всего по описанию оказалось 56 дворов детенышей. В дер. Закхеиной жил во дворе монастырский служка «для наряду», т. е. для организации пашенного хозяйства монастыря, обслуживаемого детенышами и крестьянами. В общем по описанию 1627—1630 гг. оказалось 285 дворов в 46 селеньях, причем 4 селения запустели после 1610 г., а из числа запустевших ранее селений 2 были восстановлены.

Подводя итоги эволюции селений в Прилуке, можно сказать, что на месте нескольких сотен мелких деревень-хуторов XV века в середине XVI века, в результате медленного, но неуклонного владельческого укрупнения селений, осталось около 120 селений с 640 (приблизительно) дворами. Несмотря на несомненное понижение уровня благосостояния, этот процесс, хотя и замедленным темпом, продолжался и во второй половине XVI в., и в 1592—1593 гг. было 67 селений с 498 дворами. После голода и разорений гражданской войны в 1610 г. осталось только 48 селений. Наконец, после десятка лет хозяйственной реставрации, по описанию 1627—1630 гг., стало 46 селений с 285 дворами. Не меньшие изменения произошли и в составе населения деревень: вместо предприимчивого и энергичного пионера сельскохозяйственной культуры, который на свой страх и риск расчищал лес, ставил себе деревню и жил, договорившись с монастырем о льготе и повинностях, жителями селений нового типа и склада стали — закрепощенный крестьянин, бобыль, иногда бездомный, и монастырский детеныш-полухолоп. Почва была расчищена от остатков старины и подготовлена к тому, чтобы монастырские

[1] Указ. издание, 171.

власти по своему усмотрению могли формировать селения и распределять между ними землю так, как это им казалось выгодным и удобным. Во второй половине XVII в., а частью, быть может, в XVIII, произошло дальнейшее сокращение количества селений, и остались те 3 десятка сел и деревень, которые существовали до недавнего времени.[1]

Новоторжский уезд

С. Медна. Километрах в 25 от Твери на шоссе из Твери в Торжок находится большое торговое село Медна (ныне Медное), одно из самых крупных сел б. Тверской губернии. В XIV в. оно принадлежало новгородскому боярину Онисифору Лукичу (был много лет посадником и умер в 1367 г.), а затем его сыну Юрью. Последний не раз упоминается в летописях то как воевода, то как посол в Литву, бывший много лет в Новгороде посадником (умер в 1417 г.). В конце XIV в. или в начале XV Юрий Онисифоров продал с. Медну московскому боярину Михаилу Федоровичу Крюку, сын которого Иван около 1430 г. завещал с. Медну Троицкому монастырю. Медна занимала выгодное положение на большом торговом пути из Твери в Торжок и далее в Великий Новгород. По размерам это было сравнительно небольшое владение: судя по позднейшим описаниям, в нем было около 435 десятин, по правому берегу р. Тверцы. По данной грамоте душеприказчиков Ивана Михайловича в с. Медне было большое боярское хозяйство, и к селу тянуло 16 деревень: Машитино, Оксиньино, Олехово, Речица Большая и Речица Малая, Дуброва, Алексино, Раменье, Пупок, Залужье, Климятино, Красильниково, Павлово, Напругово, Искосница и Рыскуново. О больших размерах боярского хозяйства можно судить по количеству «серебра» на людях, хлеба и скота, которое дано было монастырю. В данной перечислено следующее имущество: 54 рубля новгородских головного серебра, т. е. денег, розданных в ссуды, 22 лошади больших и 20 лошадей рабочих (страдных), 65 голов рогатого скота и 130 штук коз и овец; в житницах хлеба — 700 коробей ржи, 2 000 коробей овса, 50 коробей пшеницы, 50 — жита, 50 — овыдницы и 14 коробей гречихи, гороха и конопли.

Процесс укрупнения Медненских селений от нас скрыт, так как следующее описание владения мы имеем только в сотной

---

[1] На Прилуцкой стороне: села Прилук и Воздвиженское и деревни — Селюхино, Осенева, Хамина, Васильева, Степанова, Константиново, Новая, Ильино, Внукова. Ворожина, Порплино, Родионова, Ескино, Прямиково, Рахмелево и Ашелаева. На отдельном участке — дер. Катлышкина. На Красносельской стороне: с. Сергиевское и деревни: Струково, Прокшина, Перхурова, Нехтино, Гребенева, Маймерево, Красная, Пестово и Закхеино, погост Воскресенский (см. карту).

грамоте 1544 г. писца Ив. Ф. Сурмина.[1] По описанию 1544 г. Медна представляется значительным торгово-промышленным селом. В селе были: двор монастырский, 15 дворов пашенных крестьян, 56 дворов непашенных людей и 12 келий служних и нищих. В числе непашенных дворовладельцев в сотной упомянуто: 8 портных мастеров, 9 сапожников, 1 овчинник, 1 колпачник, 8 хлебников и калачников, 1 горшечник, 4 кузнеца, 1 скоморох и 1 смычник (мастер по изготовлению лучины).

Сколько-нибудь значительного монастырского пашенного хозяйства в сотной не видно, и село Медна более похоже на монастырские слободки на посадах, населенные торговыми и ремесленными людьми, чем на центр пашенного хозяйства. К селу тянуло 4 деревни:

Малитино — 6 дворов пашенных и 1 непашенный,
Алехово — 2 двора,
Речица Большая — 5 дворов и
Оксиньино — 5 дворов.

Сельские торги и промыслы, видимо, привлекали к себе крестьян, и они забрасывали пашенное хозяйство или смотрели на него как на подсобный промысел. В Троицком архиве сохранилась интересная купчая 1546 г. крестьянина Ив. Федорова, который «купил» (арендовал) у монастыря «до своего живота» лавку за 31 алтын, «а покаместа яз жив, и мне в ней торговати, а бог по душу сошлет, или из волости пойду, и та лавка монастырю».[2]

Описания 1588 и 1594 гг. удобнее рассмотреть вместе, так как в первом перечислены лавки в селе, но не указано количество дворов, а во втором нет описания лавок, но зато описаны дворы и указаны профессии дворовладельцев.

По описанию 1588 г. в селе Медне было 29 лавок, «а торгуют в них тутошние меденцы и приезжаючи из деревень». Из списания лавок видно, что владельцами их были и посторонние люди, — так, напр., упомянуты 2 лавки новоторжцев. В с. Медне по описанию 1594 г. были: двор монастырский, 4 двора церковников, 10 келий нищих, 23 двора крестьянских пашенных и 76 дворов непашенных людей, «а оброку с них идет в монастырь по 7 рублев и по 20 алтын на год, с двора по гривне денег, да они ж делают на монастырском дворе всякое дело и в огороде пашут, капусту садят и поливают и пашенным крестьяном на монастырь пособляют сена косить». В перечислении непашенных дворов упоминаются следующие профессии: хлебники и калач-

---

[1] Два списка сотной XVII в. находятся в Архиве Троицы-Сергиевой лавры, кн. 533, по Торжку № 12, и кн. 636, л. 504. Сотная грамота и выписи из писцовых книг 1588 г. кн. Мерк. Щербатого и 1594 г. Ал. Загряжского напечатаны неисправно с плохих списков XVIII в. М. Рубцовым. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв., вып. II, Старица, 1905, изд. Тверской ученой архивной комиссии.

[2] Арх. Троицкой лавры, кн. 533, по Твери, № 82.

ники (7 чел.), пивовар (1 чел.), мясники (2 чел.), солодовник (1 чел.), торговцы солью (2 чел.), рыболовы (2 чел.), портные мастера (5 чел.), сапожники (4 чел.), полстовал (1 чел.), лапотник (1 чел.), овчинник (1 чел.), плотники (7 чел.), кузнецы (2 чел.), седельник (1 чел.), решетник (1 чел.), казаки (3 чел.), скоморох (1 чел.) и пастух.

Описание 1594 г. дает представление о землепользовании меденских сельчан и деревенщиков. У села было 90 десятин монастырской пашни, 15 десятин церковной и 60 десятин крестьянской, да перелога, покосов и леса около 25 десятин, всего около 190 десятин. В дер. Б. Речице было на 8 дворов крестьянских пахотной земли и угодий около 62 десятин, в дер. Оксиньиной на 9 дворов около 60 десятин, в дер. Алехове на 4 двора — 43 десятины и в дер. Машитине на 7 дворов крестьянских и 2 бобыльских немного менее 80 десятин.

В общем по этим описаниям с. Медна представляется крупным торгово-промышленным селом, превосходившим по количеству населения многие городские посады. Интересно отметить, что писцы 1594 г. констатировали значительное увеличение количества дворов и живущей пашни и не нашли никаких следов кризиса, а тем более запустения. Затем следует обратить внимание на факт, отмеченный выше при описании Илемны, — факт сосредоточения монастырской запашки в полях села Медны. У села существовало по старине, как и в 1544 г., 4 деревни, которые монастырские власти не находили нужным ликвидировать.

В 1616 г. вновь назначенный приказчик М. Тутолмин произвел, по распоряжению властей, перепись крестьян и вытей, и, судя по его книгам, Медненское владение мало пострадало и быстро оправилось от разорения. В селе было 23 двора тяглых и 2 бобыльских, «да ново вывезены крестьяне Ф. Андреев да Ал. Иванов, земли за себя не взял». Дер. Машитина запустела в Смутное время, а в прочих деревнях было: в Речице — 7 дворов, в Оксиньине — 4 двора и в Алехове — 4 двора.[1] В переписных книгах указаны еще 4 отъезжие деревни: Красильникова — 3 двора, Искосница — 3 двора, Павловичи — 4 двора и Речица — 2 двора, но, повидимому, они находились не на территории Медны. В сотной 1544 г. они не упоминаются, а про дер. Речицу Малую, существовавшую в XV в., в книгах 1588 г. сказано, что земля ее припущена в пашню к Речице Большой. Вызывают недоумение и деревни Красильникова и Искосница. В данной грамоте 1430 г. душеприказчиков Ивана Михайловича Крюкова эти 2 деревни упоминаются, но непонятно, если это были те же деревни, возникшие перед 1614 г. вновь после долгого запустения, почему они названы отъезжими. Возможно, что это объясняется

[1] Памятники социально-экономической истории, I, стр. 349—350

теми менами на пустоши, которые Троицкий монастырь производил с своими соседями — с Саввиной пустынью и тверским архиепископом.[1]

Радонеж и Переяславский уезд

На север и северо-восток от Московского уезда лежали Дмитровский и Переяславский уезды. Между ними вклинивался Радонеж, в XIV—XV вв. удел Боровско-Серпуховских князей, в XVI в. вошедший в состав Московского уезда. В северной части Радонежа в 30-х гг. XIV в. Сергий положил основание Троицкому монастырю. В нескольких километрах от монастыря с запада находился Инобожский стан Дмитровского уезда. С севера так же близко лежали Мишутинская волость и Верхдубенский стан Переяславского уезда. С востока к Радонежу примыкал (за р. Торгошей) Кинельский стан того же Переяславского уезда. С юга лежали волости Воря и Корзенево Московского уезда. Наконец, на восток от Корзенева находилась Шеренская волость того же Московского уезда. Весь этот район в XII—XIII вв. был окраиной Владимиро-Суздальской земли, а Москва была военным форпостом, обращенным на юг. С востока на запад тянулся, непосредственно за Москвой, целый ряд мелких укреплений, городков: между рр. Шерной и Дубенкой в огромном Шеренском лесу был городок Шеренка, от которого в XV в. не осталось никаких следов, на запад от него лежал городок Корзенев, на месте которого в XV—XVI вв. был Козьмодемьянский погост. Еще западнее, на возвышенном берегу небольшой речки Пажи, был городок Радонеж, ныне село Городок. Как и вышеуказанные городки, Радонеж уже в XIV в. утратил свое военное значение, но еще в середине XV в. в нем были земляные укрепления и сидел наместник Радонежского князя. Следы этих укреплений видны на окраине Городка и в настоящее время. Еще далее на запад, где-то на верховьях р. Яхромы, находился исчезнувший бесследно городок Вышгород.

В первой половине XIV в. весь указанный район был заселен очень слабо. Автор жития Сергия, говоря об основании монастыря, писал: «не бе бо окрест пустыни той близь тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них; ни пути людского ниоткуду же, и не бе мимоходящего, ни посещающего, но округ места того со все страны все лес, все пустыня».[2] Быть может, в этой характеристике есть некоторое преднамеренное преувеличение, но в общем она подтверждается другими источниками. Из духовных грамот вел. князей и других актов мы знаем, что в XIV в. в Радонеже, Воре и Белях, в Инобоже и Корзеневе были большие бортные леса, о которых в XV в. уже нет помина; что

---

[1] См. Рубцов, указ. изд., стр. 30—31 и 45—47.

[2] Житие Сергия, изд. арх. Леонидом. Памятники древней письменности, стр. 41, Спб., 1885.

в р. Воре, тогда богатой рыбой, еще в первой половине XV в. водились бобры.

Усиленная колонизация этого района начинается во второй половине XIV в. То же житие Сергия сообщает, что с начала второй половины века «начаша приходити христиане и обходити сквозе вся лесы оны и возлюбиша жити ту. И множество людий восхотевше, начаша с обаполы места того [т. е. вокруг монастыря] садитися», стали сводить леса и «сотвориша себе различные многие починцы, преждереченную исказиша пустыню и не пощадеша», на расчищенных от леса полях были поставлены «села и дворы многи» и насеян «плод житен».[1] Большие льготы и «ослаба» в податях, которые давали поселенцам князья, с своей стороны способствовали колонизации и «искажению» пустыни.

Процесс несомненно интенсивного заселения, во второй половине XIV в., Замосковья, и в частности Радонежа, Инобожа, Вори, Кинелы, Корзенева и Шеренки, был прерван событиями конца XIV в. и первых двух десятилетий XV. В 1382 г. Тохтамыш, осадивши Москву, «распусти вои по всей земли русской воевати княжение великое». Татарские загоны направились — одни к Владимиру, другие на запад, к Звенигороду, Можайску и Волоку, «а инии к Переяславлю», прямо на север от Москвы, «много людей посекоша и в полон поведоша», и «много зла сотвориша земле русской».[2] Еще большее разоренье принес Замосковью набег Эдигея 1409 г., когда был сожжен Троицкий монастырь, «воинство же татарское, распущенное Эдигеем, воеваша плениша много, взяша же и град Переяславль и огнем сожгоша». Население, искавшее по обыкновенью спасенья от татарских загонов в лесах, погибало от морозов, — «а иное многое множество христиан от зимы изомроша, бяше бо тогда зима тяжка и студена зело, и виалицы [т. е. метели] и ветры велици».[3]

Не успело население оправиться от этих бедствий, как в 1417 г. пришло новое — «великий мор», чума. Местами смертность была так велика, что «не успеваху живые мертвых опрятывати»... «во дворе ином един человек остался, а в ином дворе два, а инде един детищ, и мнози дворы пусты быша».[4] В довершение всего в ближайшие последующие годы было несколько неурожаев и голодовок — «меженина великая».

Без преувеличения можно сказать, что после этих бедствий для многих местностей Замосковья стал вопрос о заселении их вновь. В троицких актах, сохранившихся в большом количестве с первой четверти XV в., мы находим много указаний на недавнее запустение и затем на вторичное заселение окрестностей мона-

---

[1] Указ. соч., стр. 83.
[2] ПСРЛ, XI, 79.
[3] Там же, XI, 208.
[4] ПСРЛ, IV, 2-е изд., 417.

стыря во второй четверти века: везде пустоши, что были села и деревни, пашни и покосы, поросшие лесом, и случаи вымиранья не только семей, но и целых родов, так что многие земли лежали впусте, без хозяев и вотчичей. Преемник Сергия, игумен Никон (умер в 1428 г.), и следовавшие за ним игумены прекрасно использовали это положение, и за XV в. Троицкий монастырь приобрел разными путями и заселил очень большие владения в Радонеже, в Кинельском и Верхдубенском станах Переяславского уезда, в Инобожском и Каменском станах Дмитровского уезда и в Ворской волости Московского.

Сохранившиеся в Троицком архиве описания Радонежа и Ворской волости 1504 г. дают возможность познакомиться с итогами почти столетней деятельности Троицкого монастыря. Эти описания, в связи с большим количеством актового материала, рисуют нам хозяйственную деятельность монастыря в крупном масштабе. Во многих пунктах велось крупное монастырское хозяйство, были налажены пути сообщения с отдаленными местностями тогдашней Руси; на рр. Торгоше и Воре в монастырских владениях было несколько мельниц, обслуживавших не только монастырь, но и крестьян его владений. Ворские владения, измерявшиеся в XV в. несколькими тысячами десятин, а в XVI в. образовавшие массив до 10 000 десятин, находились в цветущем состоянии. В состав их входило 7 сел, крупных по тогдашнему масштабу центров, в которых жили ключник и три посельских старца.

Петровское — 41 двор,
Борково, на р. Воре, 20 дворов (большая мельница),
Путилово — 28 дворов,
Федоровское (ныне деревня) — 14 дворов,
Богородицкое (деревня на р. Оканнице) — 11 дворов,
Михайловское на Пупках — 11 дворов.

Наконец, крупное село Муромцево погорело перед описанием, и в нем было только 3 строящихся вновь двора. Всего в 7 селах было 128 дворов. Затем на той же территории было два приписных к Троице монастырька — Троица на Березнике с 2 дворами (ныне дер. Березник) и св. Илья на Воре с 5 дворами (место неизвестно). К этим селам тянуло 54 деревни с 189 дворами и 16 починков с 19 дворами, вновь поселившимися и не успевшими еще завести пашню. Сколько-нибудь крупные деревни, напр. в 8—10 дворов, были исключением, а подавляющее большинство деревень имело по 2—3 двора.

Хорошей иллюстрацией к образованию этих мелких деревень может быть льготная грамота, которую троицкие власти дали в 1499 г. С. Лукину с 4 сыновьями, — «посадили есмя. . . на лесу на Станище, в сутоках промеж реки Вори и Талицы. Ино им лес сечи и дворы ставити и огороды городити и пожни чистити. А льготы тем крестьяном на 6 лет, а наше им дело монастырское

ненадобе никоторое. А сидят свою льготу 6 лет, ино им потянути со крестьяны с своею братью, как и иные крестьяне дело наше монастырское делают».

В 1520 г. троицкие старцы, в целях увеличения и округления Ворских владений, произвели с вел. князем Васильем Ивановичем крупную мену. Они дали вел. князю 2 отдаленных и потому неудобных для монастыря владения: села Коржень и Губино в Можайском уезде (см. об этих селах выше) и 6 деревень в Саввине стану Ростовского уезда, всего 2 села и 67 деревень, а в обмен получили в Корзеневской волости Козьмодемьянский погост, «что был стан волостелин» (а раньше городок Корзенев), и 71 деревню, которые подробно перечислены в меновной грамоте. Эти деревни примкнули с востока к Ворским троицким владеньям и образовали вместе с ними очень крупный массив в одной меже. И здесь названия деревень красноречиво говорят об их происхождении: Власова, Сидорова, Першина, Максимова и т. п. Напрасно мы стали бы их искать в актах XVI в., а тем более на современных картах, — они запустели в подавляющем большинстве во второй половине XVI в. и никогда не были возобновлены. В писцовых книгах 1592—1593 гг. из числа этих деревень в живущем показано только 3 селения: Козьмодемьянский погост и деревни Балмазово и Демидова.[1] В настоящее время на территории бывших Корзеневских деревень находится 2—3 селения: Костькова, Ряполова и, может быть, Степанкова, и бо́льшая часть территории покрыта большим лесом, западной окраиной огромного лесного массива, который в летописях назывался Шеренским.

По описанию 1584—1585 гг. у Троицкого монастыря в Воре и Корзеневе было 11 сел и селец, 29 деревень живущих, а в них 242 двора крестьянских и бобыльских и 62 деревни пустых.[2] В 1504 г. у монастыря было всего 343 двора, но, сравнивая эти цифры, следует иметь в виду, что к селениям 1504 г. монастырь выменял 71 деревню в Корзеневе, а затем после описания 1504 г. приобрел в Воре несколько небольших владений. Учитывая это, можно сказать, что описание 1585 г. свидетельствует об очень значительной убыли селений и дворов. Тем более знаменательным является значительное укрупнение селений сравнительно с 1504 г. Дальнейшие изменения в составе селений можно проследить по писцовым и переписным книгам XVII в., но я ограничусь замечанием, что и здесь мы можем наблюдать уже знакомую нам картину: сильнейшее разоренье во время осады Троицкого монастыря Сапегой и в первые годы после нее, с 1620 г. хозяйственную реставрацию и, наконец, во второй половине XVII в. при-

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 74, 76, до с. Новленского, которое не принадлежало к выменеенным деревням.

[2] Там же, стр 252. Порознь по селениям дворы не показаны.

близительно тот состав селений, которые существуют в настоящее время.[1]

Очень крупные владения — несколько десятков тысяч десятин — были приобретены в XV—XVI вв. Троицким монастырем в Радонеже и в Кинельском и Верхдубенском станах Переяславского уезда. На этих владениях влияние монастыря, как крупного хозяйственного центра, сказывалось еще сильнее, чем на владениях в Воре и Корзеневе. По описанию 1504 г. мы видим в Радонеже, возле самого монастыря, такие большие села как Клементьево с 134 дворами и Панино с 27 дворами, позже вошедшие в состав Сергиева посада, как с. Зубачево-Юрьевское с 53 дворами (ныне деревня, в 5—6 км от Загорска), как с. Глинково с 29 дворами (в 3 км от Загорска). Однако одновременно продолжали существовать и очень мелкие селения. Так, к селу Зубачеву тянули: 2 однодворные деревни, 2 деревни по 2 двора, 2— по 3 двора и одна деревня в 4 двора. Всего по описанию 1504 г. было 10 сел с 379 дворами и 27 деревень с 91 двором. Как можно видеть, благодаря близости к монастырю, в Радонеже в составе селений преобладали крупные села, а количество деревень относительно очень невелико.

К Радонежу с востока прилегал обширный Кинельский стан Переяславского уезда. В архиве Троицкого монастыря сохранилось очень много актов, с начала XV в., которые свидетельствуют об энергичной деятельности монастырских властей по приобретению здесь владений и устройству в них хозяйства, но цифровые итоговые данные мы имеем, к сожалению, только на 1562 г., для которого имеем сотную грамоту с писцовых книг Услюма Данилова.[2] За предшествовавшие этому описанию 150 лет, судя по сотной и по отдельным актам, Кинельские владения монастыря прошли несколько этапов: этап заселения пустошей и разработки пашенных хозяйств в лесах, этап округления владений и поглощения монастырем множества мелких владений и этап владельческого укрупнения селений. Последний процесс зашел уже далеко: селения приобрели довольно крупные размеры, и писцы отметили только 1 случай соединения селений: к дер. Кокичевой, на р. Вондоге, была припущена дер. Андреева, и образовалось селение в 10 дворов. Всего в Кинельских владениях было 10 сел и селец с 312 дворами, так что на село и сельцо приходилось в среднем немного более 31 двора. К этим селам тянуло 38 деревень с 267 дворами, которые распределялись так:

---

[1] На самой р. Воре: Борково, Михайловское, Никольское и Богородская. Справа от Вори — Муромцево, Лукьянцево и Петровское, а слева — Федоровская, Никулино и Путилово. На р. Соми — Рахманова и на Талице — Никольская, Васюкова, Березник и Болсуново. В бывшей Корзеневской волости — Костькова, Ряполова и, может быть, Степанова. Всего 17—18 селений.

[2] Выдержки из сотной напечатаны С. Шумаковым, Обзор грамот Коллегии экономии, IV, 557—559.

По	3 двора	— 8 деревень		По	10 дворов	— 1 деревня
»	4 »	— 3 деревни		»	11 »	— 2 деревни
»	5 дворов	— 9 деревень		»	12 »	— 1 деревня
»	6 »	— 3 деревни		»	14 »	— 1 «
»	7 »	— 2 »		»	15 »	— 3 деревни
»	8 »	— 2 »		»	17 »	— 1 деревня
»	9 »	— 2 »				

О высокой степени плотности населения Кинельских владений говорит то, что под 48 селениями с 579 дворами было (по писцовым книгам 1592—1593 гг.) около 3678 десятин. Если даже допустить весьма вероятное предположение, что в действительности земли было несколько больше, чем показали писцы, то все-таки можно сказать, что население этой местности в середине XVI в. достигло такой степени плотности, при которой не могло быть места для мелких починков на расчищенных лесах и наступила необходимость образования крупных селений, в целях более рационального и интенсивного использования земли.

Последовавшие после 1562 г. события (для Кинельского стана следует отметить тяжелые чрезвычайные налоги, несколько неурожаев и зачисление Переяславского уезда в опричнину) произвели огромное опустошение. Запустело не только много деревень, но и целый ряд крупных сел: Тарбеево, Бобошино, Плясцево, Слабнево и Чечевкина слободка, и в общем по писцовым книгам 1592—1593 гг. в живущем оказалось только 21 селение с 151 двором. События первого десятилетия XVII в., в особенности осада Троицкого монастыря в 1608—1609 гг. войсками Сапеги, довершили разорение Кинельского стана. Когда в 1627 г. писцы стали описывать Переяславский уезд, то они нашли в Кинельских владениях монастыря множество пустошей, поросших 30—40-летним лесом, сокращение числа селений даже по сравнению с 1593 г. и большие перемены в составе наличного населения. По писцовым книгам 1627—1630 гг. в живущем оказалось только 16 селений, а в них 93 двора, из которых только 29 было населено крестьянами и бобылями, а во всех прочих жили люди, хозяйственно зависимые так или иначе от монастыря: в 23 дворах жили монастырские детеныши, в 23 же дворах жили на пашне и обслуживали монастырь плотники, бочары, колесники, тележники и мельник, в 11 дворах жили представители монастырской администрации: посельские и слуги с своими людьми, наконец, 7 дворов было занято церковными причетниками.

В заключение отмечу, что на той же территории в настоящее время существуют почти те же селения, которые были жилыми во время описания 1627—1630 гг. После этого описания было восстановлено 3 старых селения: Бобошино, Слабнево и Чечевкина слобода, да на месте дер. Ворониной возникла дер. Ильинки. Запустело 3 селения: дер. Новое, в которой в 1627 г.

жили 1 крестьянин и 1 бочар, и деревни Ощеркино и Суконниково, в которых жили монастырские слуги.[1]

С. Бужаниново. На север от Кинельского стана, частью соприкасаясь с Радонежем, лежал Верхдубенский стан того же Переяславского уезда. Здесь, километрах в 16 от Троицкого монастыря, возле полотна железной дороги на Александров, находится с. Бужаниново. В первой четверти XVI в. это была вотчина Ив. Мих. Зворыкина, разделенная в 1543 г. после его смерти пополам его сыновьями, Федором и Юрьем. Федор в 1544 г. продал свою половину боярину Ив. Сем. Воронцову, а Юрий в том же году — Троицкому монастырю. Обе половины пошли за одинаковую цену — по 700 руб. За ту же цену, т. е. за 700 руб., Ив. Сем. Воронцов продал в 1547 г. свою половину Троицкому монастырю, который стал таким образом хозяином всей Зворыкинской вотчины. По позднейшим писцовым книгам размеры этой вотчины определяются приблизительно в 1300—1400 десятин. Перед революцией у с. Бужанинова было 407 десятин, у Дубининского — 899, у Леонова — 325 и у Митина — 225, всего 1846 десятин, но эту цифру надо значительно уменьшить, так как в итог вошло несколько соседних участков, не входивших в XVI в. в состав Зворыкинского, а позже Троицкого владенья. Таким образом показание писцовых книг кажется весьма близким к действительности.

По сохранившимся раздельным грамотам Зворыкиных 1543 г. и по купчим грамотам 1544 и 1547 гг. с. Бужаниново представляется благоустроенной, богатой боярщиной с большим господским хозяйством. В селе было большое количество различных жилых и хозяйственных построек, огороды, хмельники, коноплянники, 2 пруда и озерко. В раздел братьев Зворыкиных пошло 20 дворов деловых холопов, живших частью в селе, частью в деревнях. Вокруг села группировалось 40 деревень. Количество дворов по деревням в раздельных и купчих грамотах не показано, так как крестьяне и их дворы в раздел не шли и не продавались, но, судя по площади всей боярщины (не более 1400 десятин) и по данным описания 1562 г., эти деревни были мелкими поселками по 2—3 двора.

По сотной грамоте с писцовых книг 1562 г. в с. Бужанинове было 13 дворов крестьянских, а к селу тянуло 32 деревни с 96 дворами. Уменьшение количества деревень было следствием владельческого их укрупнения. Перед описанием 1562 г. к с. Бужа-

---

[1] В настоящее время на бывшей Троицкого монастыря территории в Кинельском стану находятся, если не считать Вифании, Параклита и скитов, следующие селения: Глинково, Назарьева, Шарапово, Дерюзино-Михайловское, Ильинки, Абрамово, Шильцы, Ляпино, Бобошино, Слабнево, Салова, Топорково, Козицина, Чечевкина слободка, Березниково. В этот список не входят: с. Воронино, промененное в конце XVI в., и с. Скнятиново, на р. Молокче, с деревнями, находившееся в восточной части Кинельского стана. Выпись из писцовых книг 1627—1630 гг., см. Архив лавры, кн. 626.

нинову было припущено в пашню 3 деревни, затем к 3 деревням было припущено по деревне, а к дер. Савкиной припущены деревня и два починка.

Описание 1592—1593 гг. констатирует очень значительное запустение. Писцы нашли у с. Бужанинова 12 жилых деревень и 19 пустошей, что были деревни.[1] Голод и разорения начала XVII в. и осада монастыря Сапегой вызвали дальнейшее запустение. По писцовым книгам 1627—1630 гг. у с. Бужанинова осталось только 6 деревень: Баулина, Бортниково, Дьяково, Дубининское, Леоново и Ми(ки)тино. В составе населения села и деревень мы видим те же черты, как и в Кинельских владеньях монастыря. В с. Бужанинове были 4 двора церковных причетников, двор монастырский, а в нем жили дворники и монастырские детеныши «для монастырские пашни». У села было 90 десятин монастырской пашни, «что пашут на монастырь детеныши и крестьяне взгоном». В четырех деревнях жили крестьяне и бобыли; всего было 6 дворов крестьянских и 4 бобыльских. Но очевидно, крестьянам и бобылям не жилось, и писцы отметили, что накануне их описания сбежали безвестно 2 крестьянина и 3 бобыля. В двух деревнях жили на пашне монастырские токари и ложечники, «а дана им та пашня из монастыря за годовое денежное и хлебное жалованье».[2] Неизвестно когда, но, повидимому, во второй половине XVII в. были ликвидированы еще 3 деревни, и в настоящее время у с. Бужанинова осталось только 3 селения из числа тянувших к нему в XVI в.: Дубининское, Леоново и Ми(ки)тино.

Владения Благовещенского Киржацкого монастыря

В восточной части Переяславского уезда, на лесистых берегах Большого Киржача, Вакчалы, Шередара и мелких рек этого района в XV—XVI вв. образовалось несколько крупных массивов, — всего около 12 000 десятин — владений Благовещенского монастыря на р. Киржаче. Несколько далее на восток начиналось плодородное Юрьево-Суздальское ополье, где селения имели другой характер (см. об этом ниже), но селения Киржацкого монастыря имели в общем такой же склад, как троицкие селенья в Кинеле, Радонеже и Воре.

Сохранившиеся описания 1562 г. и 1592—1593 гг. дают возможность произвести сравнения и сделать наблюдения, подтверждающие то, что мы видели в троицких владеньях.[3]

---

[1] Писцовые книги Московского государства., I, стр. 816—817.

[2] Архив лавры, кн. 626.

[3] Сотная грамота писцов 1562 г. — Грамоты Коллегии экономии № 8927, по Переяславлю № 203. Выдержки из нее см. Шумаков, Обзор Грамот Коллегии экономии, IV, 567. Полностью, но неисправно сотная напечатана И. Ф. Токмаковым, Историко-статистическое описание г. Киржача, М., 1884, стр. 101—105. Описание 1592—1593 гг. см. Писцовые книги Московского государства, I, стр. 841—850. В сотной количество земли указано только в итогах, а в описании 1592 г. — порознь по селениям.

Судя по сотной грамоте, владенья Киржацкого монастыря в 1562 г. были вполне в благополучном состоянии. Достаточно сказать, что писцы отметили только 1 пустую деревню на 113 жилых и только 18 пустых дворов на 594 жилых двора. С другой стороны, в сотной много указаний на укрупнение селений, произведенное монастырскими властями в небольшой сравнительно отрезок времени, приблизительно в 16—18 лет, после предшествовавшего описания 1544 г. Приведу несколько примеров. Деревни Шуйское-Деево и другое Шуйское «снесены вместо», «да к ним же припущена в пашню треть пустоши Костюнины». Таким образом получился поселок в 3 двора. Деревня Костюнина, пустошь которой была припущена к дер. Шуйской, перенесена по частям к деревням Костяково и Есипово. К дер. Пивнево-Мошок «снесены вместо» 2 починка, и образовалась деревня в 4 двора. К деревне Квашниной «принесены в пашню» деревни Левонцева и Подболотное, и получилось селенье в 6 дворов. Всего писцы отметили 12 таких случаев, не считая нескольких припусков к жилым селениям пустошей. Нет сомнения, что монастырь производил это сдваивание и страивание селений и припуска к ним пустошных участков планомерно и что это было продолжением процесса, начавшегося уже давно.

Всего по описанию 1562 г. было: село, 8 селец, 3 погоста и 113 деревень, а в них 594 двора. Если выключить из последнего итога села (Желдыбино, Тутолмину слободу, Халино, Афремово и Селиванову гору), в которых было 15—20 и более дворов, то деревни по населенности распределяются так:

Дворы по	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Деревни . . .	7	15	30	26	15	12	4	1	3	1	—	1	1

Как можно видеть, преобладающими по размерам были деревни в 2—5 дворов.

По описанию 1592—1593 гг. мы видим в киржацких владеньях такое же катастрофическое запустение, как в кинельских владениях Троицкого монастыря. В живущем оказалось: 7 сел и селец, слободка и 17 деревень, а в них 10 дворов монастырских и служних, 4 двора детенышей, 153 двора крестьянских и 20 бобыльских. Обращает на себя внимание то, что размеры селений, несмотря на очень большое запустение в общем, в большинстве случаев не уменьшились. В с. Селиванове дворе было 43 двора, как в 1562 г. Другие села значительно обезлюдели: в Халине осталось 16 дворов (было 26), в Тутолмине слободе — 10 дворов (было 35), наконец в Желдыбине осталось только 2 двора (было 29). Население большинства прочих селений осталось прежним,

а в некоторых случаях даже увеличилось. Это с несомненностью свидетельствует о том, что монастырские власти сосредоточивали убывающее население в тех деревнях, где им казалось целесообразнее и удобнее поддерживать сложившийся строй хозяйства и землепользования.

События первых двух десятилетий XVII в. довершили разоренье киржацких владений, как и в других местностях Переяславщины, а начавшаяся с 1620 г. хозяйственная реставрация стала выливаться в такие же формы, какие мы наблюдали в троицких владеньях: восстановлены были в большинстве случаев только те селения, которые существовали в 1592 г. и ранее и в первой половине XVIII столетия во владеньях монастыря было всего 27 селений.[1]

Владения митрополитов

В упомянутой выше, давно известной исследователям, но весьма мало использованной книге митрополичьих домовых вотчин находятся описания конца XV в. и начала XVI обширных владений митрополичьего дома в Переяславском уезде. Там же находятся, быть может не случайно, описания некоторых соседних с митрополичьими владеньями поместных и вотчинных земель.

Села Каринское и Романовское. В Великой слободе находились митрополичьи села Каринское и Романовское, а в Опалеве стану — вотчина митрополичьего боярина Сем. Вас. Великого Фомина, описанные в конце XV в. кн. Вас. Голениным.

С. Каринское, на р. Печкуре, в 6—7 км от г. Александрова, было очень крупным, по тогдашнему времени, селением; в нем были: двор митрополичий, несколько дворов служних и большое количество крестьянских, всего 43 двора. К селу тянуло 11 деревень с 31 двором. Среди деревень выделяется существующая ныне дер. Колпаково с 10 дворами (километрах в 6 от Александрова), а все остальные были очень мелкими поселками: 4 однодворных деревни (в одной из них — митрополичий слуга Б. Косагов), 4 деревни по 2 двора, 1 деревня в 3 двора и 1 — в 6 дворов.

В с. Романовском (8 км от Александрова) были двор митрополита и 13 дворов. К селу тянули 41 деревня на р. Малом Киржаче и за р. Шерной. Была и здесь дер. Попова, «во дворе поп Софонтий», т. е. сельский священник получил для пашни хутор, где и жил. Остальные деревни по населенности распределяются так:

---

[1] Список селений см. в жалованной грамоте 1752 г. А. Горский, Историческое описание Троицы-Сергиевской лавры, с приложениями арх. Леонида, М., 1890, II, стр. 138—139, и у Токмакова (указ. соч., стр. 187—233) — данные ревизии 1725 г., где не хватает пяти селений: Туркина-Локтева, Бахтерникова, Храпкова, Кипрея и Окулова.

Дворы по	1	2	3	4	5	6	7	8
Деревни	6	3	11	8	4	1	1	1

Таким образом преобладающим типом селения была здесь деревня в 2—4 двора.

Вотчина С. В. Фомина представляет, как и следовало ожидать, некоторые отличия: селения в ней мельче и население дворов несколько иное. Вотчина состояла из сел Степурина и Лыкова и 9 деревень. В с. Степурине были: двор боярский, 3 двора людских и 6 крестьянских, а в с. Лыкове — двор боярский, 2 двора людских и 6 крестьянских; к этим селам тянуло 9 деревень и починков с 12 дворами.

Владения митрополичьего Борисоглебского монастыря

Борисоглебскому монастырю принадлежало недалеко от г. Переяславля (километрах в 8—10) три села: Никитское, Добрилово и Милятино. По тому же описанию конца XV в. в Никитском было 11 дворов, а в Добрилове — 16. В Милятине по описанию Вас. Гр. Морозова 1519 г. было 11 дворов. Интересно отметить, что к этим селам не тянуло ни одной деревни. Такая собранность населения в сравнительно крупных по тому времени селениях объясняется, быть может, тем, что местность на восток, юго- и северо-восток от Переяславля, где находились указанные села, по своей почве и другим природным условиям (равнинности и безлесности) была как бы началом плодородного Юрьево-Суздальского ополья, в котором мы увидим то же явление, т. е. крупные села и почти полное отсутствие мелких деревень. В бассейне Киржача были другие природные условия, и здесь мы видим опять мелкие деревни. По описанию 1519 г. тому же Борисоглебскому монастырю принадлежало с. Горки, на р. Киржаче (километрах в 16 от Александрова) с 41 двором, к которому тянули 2 деревни по 1 двору и 1 починок в 2 двора. В той же местности митрополичьему Никольскому монастырю принадлежало на р. Бачевке 6 однодворных деревень, а несколько южнее, в Аргуновской волости, 6 деревень с 12 дворами.

Большой интерес представляет описание 1519 г. группы поместий в Великой слободе, которое удобнее изобразить в таблице.

За исключением крупного поместья порохового мастера (зелейника) Клима, все остальные помещики — мелкие великокняжеские слуги: сокольники, псари, бывшие холопы и т. п. Живя на небольших хуторах, некоторые из них обрабатывали землю сами, другие, как братья Струнины и Салманов, при помощи 1—2 холопов, у третьих, кроме холопов, было небольшое количество крестьян.

Помещики	Названия селений	Дворы		
		помещиковы	их людей	крестьянские
Калина и Дмитрий Дашковы	сельцо Калинино	1	6	2
	дер. Васильева	—	1	—
	» Горбунова	—	—	3
	» Мазалово	—	—	7
Башкины	дер. Башкина	2	—	—
Сокольник Кл. Енин	сельцо Воронино	1	—	8
Сокольник Курман	3 деревни	2	—	1
М. Лаптев, холоп вел. княгини	дер. Спасская	1	1	1
Федор и Яков Струнины	дер. Струнина	2	3	—
Лобок Шаблыкин, отпущенный по духовной на свободу холоп кн. Ив. Юр. Патрикеева	дер. Максимова	—	—	2
Т. Салманов	дер. Давидова	1	1	—
Ал. Головачев	дер. Колобинское	1	2	2
4 брата Рязанцевы	сельцо Веска	4	—	—
Зелейник Клим	с. Коведяево	1	3	19
	дер. Лабунино	—	—	12
	7 деревень	—	—	17
	Всего село и 8 деревень	1	3	48

С селениями поместий интересно сопоставить 3 вотчины средних размеров, принадлежавшие представителям московских боярских родов (по описанию 1519 г.)

Ив. Ал. Старкову принадлежало с. Александрово (рядом с великокняжеской слободой того же имени, позже г. Александровым) с 10 деревнями. В селе были двор вотчинника, 9 дворов людских (из них в одном — кузнец, а в двух — повара) и 21 двор крестьянский. К селу тянуло 10 деревень с 27 дворами. В

дер. Машковой жил слуга Ляпун, а с ним 2 крестьянина. В дер. Микульской жили: во дворе слуга Данилка, в другом дворе его человек Илейка и в 3 дворах крестьяне. Затем в нескольких деревнях жили на пашне люди вотчинника: в 3 деревнях по 1 двору, а в одной деревне 2 двора. В общем состав населения дворов был такой: в 1 дворе — вотчинник, в 14 дворах его люди, в 2 дворах — слуги, в 1 дворе холоп слуги и в 26 дворах крестьяне.

По соседству с Александровом, представляя раньше одно с ним владение, находилось с. Соколово, вотчина Анастасии Старковой, вдовы Василья Алексеевича, брата Ивана Старкова. В с. Соколове были: двор вотчинницы, 6 дворов людских и 17 крестьянских. К селу тянуло 5 деревень: в двух однодворных деревнях жили люди вотчинницы, в 2 деревнях было по 2 двора крестьянских; наконец, в дер. Недюреве жили: во дворе слуга Овсяник, в 3 дворах люди вотчинницы и в 2 дворах крестьяне. В общем таким образом было: 1 двор вотчинницы, 11 дворов ее людей, 1 двор слуги и 23 двора крестьянских.

Алексею и Ивану Андреевичам Чулковым принадлежали села Бакино и Бунаково. В с. Бакине были: двор вотчинника, 8 дворов людских и 23 двора крестьянских. У с. Бакина в 2 однодворных деревнях жили люди вотчинника, а в одной деревне жил его слуга Гр. Кошка с крестьянином. Наконец в дер. Дудкиной было 4 двора крестьянских. В с. Бунакове было 4 двора людских и 4 крестьянских. К селу тянуло 3 деревни с 5 крестьянскими дворами. В общем состав дворов был такой: 1 двор вотчинников, 1 служний, 14 дворов людских и 37 крестьянских.[1]

По поводу людских дворов следует заметить, что в некоторых случаях вотчинниковы холопы были дворовыми людьми, имевшими, вероятно, небольшую запашку для себя, в большинстве случаев люди, что называется, сидели на пашне, которую пахали на вотчинника.

Вотчины Старковых и Чулковых представляются вполне типичными для первой половины XVI в. Такой же состав населения вотчины мы видели в с. Бужанинове и увидим еще ниже. О характере землепользования в деревнях этих боярщин красноречиво говорят самые размеры деревень: каждая деревня была самодовлеющим комплексом сельскохозяйственных угодий. Что же касается сел, то следует подчеркнуть присутствие в них значительного количества дворов служних, людских и церковных причетников. Живя в селе, слуги, люди и причетники имели пашню в общих сельских полях, чересполосно с крестьянами, обрабатывая ее в одних случаях на себя, в других — на вотчинника. Сторонникам исконности и универсальности земельной общины следует попробовать продумать эти факты и представить себе, в частности, чем могла быть сельская земельная «община» при описанном выше составе сельского населения.

---

[1] Исторический музей, Синодальн. библ., кн. 276, лл. 34 об., 43 об.

Владимирский и Юрьевский уезды

Владения митрополитов

Между левыми притоками р. Клязьмы, захватывая значительные части б. Владимирского, Суздальского и Юрьевского уездов, находилось Владимиро-Суздальское ополье, которое по своей исключительно плодородной почве и равнинному и сравнительно малолесному характеру уже в XII—XIII вв. было самой населенной во всей северо-восточной Руси местностью и житницей Ростово-Суздальской земли. Здесь находились самые старые и крупные владения митрополичьего дома, полученные митрополитами в XIV в., когда они перенесли свою резиденцию из Киева — сначала во Владимир, а затем в Москву. Таким образом природные условия и давность хозяйства создали здесь в митрополичьих владениях особо благоприятные условия для укрупнения селений. И действительно, уже в конце XV в. мы видим здесь такой характер селений, который значительно отличается от селений Подмосковья и Замосковья. Здесь, в Юрьевском и Владимирском уездах, мы видим крупные села и почти полное отсутствие мелких деревень.

Вокруг г. Юрьева, в Шуткине стану, митрополичьему дому принадлежало 7 сел, в которых по описанию 1498 г. было:

в Ильинском	41 двор
» Поелове	22 двора
» Косинском	35 дворов
» Андреевском-Цвелове	32 двора
» Пьяницыне	25 дворов
» Афинееве	28 дворов

С. Богословское было в поместье за митрополичьим дьяком Левашем Коншиным, и в нем было 2 двора помещика и 25 дворов крестьянских.

Возле этих сел было только 5 деревень: 2 деревни по 1 двору крестьян, одна деревня в 3 двора крестьянских и в двух деревнях сидели на пашне митрополичьи слуги.

В Золотове стану того же уезда находилось с. Добрячево, которое в 1498 г. было в поместье за митрополичьим сыном боярским Ник. Дан. Фоминым. В этом селе было 6 дворов людей помещика и 9 дворов крестьянских.

В Опольском стану Владимирского уезда было 9 сел и 2 сельца, в которых по описанию 1499 г. было:

в Павловском — двор посельского и 27 дворов крестьянских
» Старом Дворе — двор посельского и 37 дворов крестьянских
» Житкове — двор митрополичий и 32 двора крестьянских
» Ярославле — 30 дворов крестьянских
» Всеславле — двор митрополичий и 37 дворов крестьянских
» Богословском — 32 двора крестьянских
» Спасском — 15 дворов крестьянских

В поместьях за митрополичьими детьми боярскими и слугами были:

с. Бухалово — 3 двора людей помещика и 20 дворов крестьянских
» Новое под березами — 3 двора людских и 22 крестьянских
сельцо Телмячево — 2 двора слуг и 7 дворов крестьянских
» Брянцево — 1 двор помещичьего приказчика и 7 дворов крестьянских

Возле этих сел, как исключение и пережиток, находилось 9 деревень: 5 деревень по 1 двору (из них в двух деревнях жили слуги), 3 деревни по 2 двора, и, наконец, в дер. Яновце жил сын боярский С. Косагов, у которого было 2 двора людских и 4 крестьянских.

В Боголюбском стану того же Владимирского уезда было 2 села. В с. Порецком был двор митрополичий и 53 двора крестьянских. С. Кусуново было в поместье за митрополичьим сыном боярским Ив. Патрикеевым, и в нем были: 3 двора помещиковых людей и 5 дворов крестьянских. Возле этих сел было 5 однодворных деревень, из которых в одной жил на пашне слуга.[1]

Теснейшую зависимость характера селений от природных условий, с одной стороны, и от промыслов населения, с другой, можно видеть на юге того же Владимирского уезда, до которого плодородное ополье не доходило. На лесистых и низменных берегах р. Клязьмы, при впадении в нее Колокши, в местности с редким населением, в первой четверти XVI в. была слободка княжеских бобровников (в б. Ильмехотском стану). Хозяйственную основу жившего здесь населения представляли бобровые гоны, рыбные ловли и различные лесные промыслы, а земледелие играло ничтожную роль. В 1537 г. бобровники получили новую уставную грамоту, в которой перечислены по деревням лица, на имя которых была дана грамота.[2] Всего в 24 деревнях жило 56 человек, большею частью отцы с сыновьями или братья. В общем было 2—3 деревни по 2 двора, а все остальные деревни были однодворными лесными поселками. В это время бобровники доживали свои последние времена. Бобры были уже выбиты и стали редкими, а затем в середине XVI в. часть слободки была отдана в поместье турчанину Николаю Янову. Сведений о хозяйничанье помещика мы не имеем, но известно, что в начале 70-х гг. вся слободка была дана в вотчину кн. Дан. Засекину, взамен его ярославской и дмитровской вотчин, отобранных у него незадолго перед тем в опричнину. Кн. Засекин, получивши эту запустошенную вотчину, дал ее в 1574 г. Троицкому монастырю. При других условиях Троицкий монастырь, конечно, завел бы здесь то или иное хозяйство, но времена для этого были неблагоприятные, и, по описанию 1592—1593 гг., бывшая слободка бобровников имела жалкий вид. О бобровниках нет помина, — они

---

[1] Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, л. 197 об. — 202 об.
[2] ААЭ, I, № 183.

давно уже разбежались, — большинство поселков 1537 г. запустело, и в живущем было только 6 деревень с 16 дворами, крестьяне которых имели небольшую запашку — 18 десятин тяглой пашни и 15 десятин наезжей.[1]

Волость Плесцо. Несколько крупнее, чем у ильмехотских бобровников, были деревни в бобровничьей волости Плесце, находившейся между р. Клязьмой и ее притоком Увотью (недалеко от г. Коврова). Здесь для земледелия место было, повидимому, более удобное, но главный промысел черных крестьян Плесца состоял в бобровых гонах и рыбной ловле. По описанию 1544 г. в Плесце было 22 деревни с 76 дворами.[2] На деревню в среднем приходится около 3,5 двора, но эта средняя не дает представления о деревнях, сильно дифференцированных по населению: наряду с 4 однодворными и 7 двухдворными деревнями было: 4 деревни по 3 двора, 2 деревни по 7 дворов и 5 деревень в 4, 5, 6, 8 и 9 дворов.[3]

Владения Владимирского Рождественского монастыря

В крупных владеньях Рождественского монастыря мы можем наблюдать, в зависимости от местных природных условий, самые разнообразные типы поселений. В Опольском и Боголюбском станах мы видим, как в митрополичьих владениях, крупные села и очень небольшое количество деревень. В Ильмехотском и Клекове станах, менее благоприятных для земледелия, селения значительно мельче и приближались по размерам к черным деревням Плесской волости. Наконец, в Яслицах и за Клязьмой преобладают деревни в 2—3 двора. Сохранившаяся сотная грамота 1544 г. представляет ценные данные для наблюдений по времени, к которому она относится.[4]

В Ополье и Боголюбском стану монастырю принадлежало 7 сел на запад и север от Владимира, из которых некоторые (напр., Горицы) лежали смежно с описанными выше митрополичьими селами.

Ковалево — 1 двор монастырский и 21 двор крестьянский,
Горицы — 1 » » » 18 дворов крестьянских,
Семеновское — 1 двор монастырский, 1 поповский и 8 крестьянских,
Ильинское — 19 дворов крестьянских,
Новгородское — 2 монастырских и 13 крестьянских,
Воронцово — 13 дворов крестьянских,
Сынково — 16 » »

К этим селам тянуло всего 6 деревень с 15 дворами крестьянскими и 1 двором монастырским.

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 801—802.

[2] Шумаков, Сотницы, I, стр 62—64. Жалованная оброчная грамота крестьянам 1556 г. — Акты юридического быта, I, № 41, II.

[3] В настоящее время существуют, повидимому, только 3 деревни: Побочнева, Кислякова и Федулова.

[4] Шумаков, Сотницы, I, стр. 57—62.

В Ильмехотском стану монастырю принадлежало 9 деревень с 50 дворами.

Гораздо мельче были деревни за Клязьмой, т. е. по правую сторону от Клязьмы, в низменных местностях, которые и в настоящее время слабо заселены. В Клекове стану в бассейне р. Полы было 8 деревень с 20 дворами. В Яслицах было 45 деревень с 98 дворами, которые распределялись так: по 1 двору — 11 деревень, по 2 двора — 20 деревень, по 3 двора — 10 деревень, по 4 — 3 деревни, в 5 дворов 1 деревня.

Наконец за Клязьмой же монастырю принадлежали 16 деревень с 53 дворами.

С. Алексино в Стародубе Ряполовском. В Ковровском уезде б. Владимирской губернии мы имеем возможность наблюдать одно старое княжеское хозяйство, устраивавшее свои селения в условиях большого земельного простора и природных богатств: рыбных и бобровых ловель, бортных ухожеев, птичьей охоты на низменных берегах Клязьмы и заливных лугов, дававших большие возможности для скотоводства.

В конце XIV в. кн. Андрей Стародубский разделил свое княжество между 4 сыновьями и дал старшему сыну «на старейший путь» Стародуб и Алексинский стан. Здесь в пределах б. Ковровского уезда, между левыми притоками Клязьмы, рр. Тезой и Шишегдой, в первой четверти XVI в. находилась большая вотчина кн. Мих. Ром. Мезецкого, доставшаяся ему, вероятно, по родству с стародубскими князьями. Центром вотчины было с. Алексино, «старейший путь» одного из сыновей кн. Андрея Стародубского. Алексинское владение в южной части переходило за р. Шишегду и простиралось до Клязьмы.

Когда Алексинское владение досталось в 1565 г. Троицкому монастырю, то в нем было не менее 5000 десятин, не считая 16 озер и заливных лугов по берегам указанных рек. В 1572 г. к этому владению примкнуло с запада с. Воскресенское с деревнями, данное монастырю кн. Б. Д. Тулуповым-Стародубским. В этом владении было не менее 975 десятин, так что в общем у Троицкого монастыря образовался массив около 6000 десятин.

Первые сведения о селениях этих владений мы имеем в деловой грамоте 1539 г., по которой половина с. Алексина и всей Алексинской вотчины досталась внучке кн. М. Мезецкого, кн. Евд. Ив. Пронской. В половине села, доставшейся кн. Пронской, были: двор княжой, двор приказчика, 6 дворов беспашенных княжих людей и 20 дворов крестьянских. К половине села кн. Пронская получила 44 деревни. По населенности деревни распределялись так: в 24 деревнях было по 1 двору, 9 — по 2 двора, в 6 — по 3 двора, в 3 — по 4 двора, в одной деревне 5 дворов и в одной — 6 дворов. Всего в 44 деревнях было 83 двора, т. е. в среднем на деревню приходилось менее двух дворов. Отмечу, что в 4 однодворных деревнях жили княжие слуги и люди. Судя по

этой половине вотчины, всего в с. Алексине было дворов 40 крестьянских, а деревень было не менее 80.

Для сравнения этих селений с позднейшими мы имеем интересное описание сел Алексина и Воскресенского в писцовых книгах 1592—1593 гг.[1] Прежде всего бросается в глаза тот факт, что так наз. кризис третьей четверти XVI в. как-будто совсем не задел этих владений. В с. Алексине оказалось 7 дворов церковников, 2 двора монастырских, 12 келий нищих, — «питаются от церкви божьей», — и 57 дворов крестьян и бобылей. Сельчане владели 450 десятинами пахотной земли, 390 десятинами перелога и 150 десятинами лесной поросли. Сверх того, у них было 3 участка отхожих покосов по берегам рр. Клязьмы и Тезы и участок лесного болота, не считая рыбных ловель в озерах. В общем в пользовании сельчан было около $^1/_5$ всего Алексинского владения, что следует признать, имея в виду количество дворов, хорошим земельным обеспечением. Так же хорошо в общем были обеспечены землей и деревенщики. Всего у с. Алексина было 66 деревень с 239 дворами. Так, мы видим, что при значительном увеличении количества дворов, число деревень уменьшилось, и деревни стали крупнее: в 1539 г. на деревню приходилось менее 2 дворов, а в 1592 г. — по 3,62 двора; в 1539 г. более половины деревень были однодворными, а в 1592 г. однодворных деревень было только восемь. Затем следует отметить дифференциацию деревень по размерам. Появились такие крупные сравнительно деревни, как Б. Максимово (13 дворов), Михалева (10 дворов), Ердениха и Пучкова, на р. Тезе (по 9 дворов).

Однако, констатируя несомненное укрупнение селений с 1539 г., нельзя не признать, что оно происходило очень медленно и объяснялось, вероятно, больше естественным ростом населения, чем владельческой политикой монастырских старцев.

Ростовский уезд

Села Новое и Поддубное. На север от Переяславского и Юрьевского уездов, за рекой Нерлью лежал Ростовский уезд, один из древнейших районов поселения славян в северо-восточной Руси. В южной части Ростовского уезда, недалеко от границ Переяславля, у Троицкого монастыря было большое владенье: в 1539 г. кн. Ал. Б. Горбатый дал монастырю с. Поддубное, а в 1543 г. Елена Челяднина дала с. Новое, на р. Саре (ныне Новотроицкое). По описанию 1592—1593 гг. в обеих вотчинах было четвертной и покосной земли, в переводе четей и копен сена на десятины, около 5578 десятин, да поверстного леса по смете писцов (без обмеривания) в длину на 8 верст, а поперек на 2 версты.[2] В общем это был массив не менее 7000 десятин. На этой территории, по

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 865—872.
[2] Там же, II, стр. 14.

данным грамотам кн. Горбатого и Челядиной, было — к с. Поддубному 6 деревень, а к с. Новому 59, всего 65 деревень.

В 1544 г. Ростовский уезд описали писцы Ив. Ал. Плещеев с товарищами. Сотная грамота их на владения Троицкого монастыря[1] констатирует то, что мы уже наблюдали во многих местностях, — энергичное владельческое укрупнение селений. За короткое время после получения вкладов кн. Горбатого и Челядиной троицкие власти ликвидировали на территории с. Нового 6 мелких деревень, припустив их землю к другим деревням.

Следующее сохранившееся описание этих владений относится к 1592—1593 гг. Писцы нашли и отметили в своих книгах запустение целого ряда селений и некоторый общий упадок хозяйства, но далеко не в такой степени, как мы наблюдали в других уездах, напр., в Московском, Звенигородском и Переяславском. Одновременно в их книгах мы находим много указаний на продолжение процесса укрупнения селений, отмеченного писцами 1544 г. Всего, судя по их книгам, было ликвидировано 28 деревень и пустошей, что раньше были деревнями. В общем по описанию 1592 г. к двум селам тянуло 18 деревень, в которых было 134 двора крестьянских и 10 дворов бобыльских. Затем писцы перечисляют 26 пустых селений и 34 пустоши, земля которых была «припущена в пашню» к жилым селениям. Чем объясняется этот несомненный процесс энергичного соединения селений и припуска земли к ним, несмотря на общий экономический упадок владения, сказать трудно. Возможно, что это было непосредственным следствием ведения здесь монастырем крупного хозяйства, на что указания мы увидим ниже. Интересно отметить и стоит подчеркнуть, что в другом троицком владении того же Ростовского уезда, в с. Ивашкове, где монастырь, повидимому, не имел хозяйства, владельческого укрупнения селений не наблюдается.

Начавшиеся вскоре после описания 1592—1593 гг. голод и гражданская война внесли большое разоренье в сс. Поддубное и Новое, о размерах которого можно судить по дозору, который произвели монастырские старцы в 1614—1615 г.[2] Дозор монастырских старцев содержит много таких сведений, которые не попадали в правительственные описания, и в целом дает яркую картину полного экономического упадка владения. В с. Новом мы видим полуразрушенные постройки некогда большого монастырского хозяйства. На монастырском дворе много хозяйственных построек и 2 конюшни; на заднем дворе ветхая изба и «стая животинная», во дворе дворник Филька, «а лошадей и коров и никакие мелкие животины нет».[3] За двором 6 житниц да на

---

[1] Шумаков. Сотницы, I, стр 134—136.

[2] Памятники социально-экономической истории, I, стр. 320—322, М., 1929.

[3] Стая — несколько срубов в одной связи, под одной крышей и с общими сенями и переходами.

гумне 2 овина и мякинница. В описании дворов и повинностей крестьян множество черт разоренья: многие крестьяне сидят на льготе, в крестьянских дворах живут бобыли, из которых одни садятся на тягло вновь, а другие настолько худы, что не могут платить даже бобыльского оброка и «кормятся Христовым именем по миру». Пережившие разоренье крестьяне сокращают запашку, и старцы отмечают во многих местах «пометную», т. е. брошенную тяглецами, землю. В с. Новом в одном дворе живут 3 брата, — «один в тягле, а два ходят по наймам», т. е. стали батраками. В общем по дозору старцев жилых селений оказалось всего 13, а в них 71 двор крестьян и 2 двора бобылей.

Правительственное описание 1629—1631 гг.[1] констатирует очень медленное после дозора 1614 г. оздоровление хозяйства владения и отражает завершение процесса образования селений нового склада. По писцовым книгам в обоих владеньях было в живущем всего 11 селений, а в них 84 двора крестьянских и 21 двор бобыльский, всего 105 дворов, против 94 дворов дозора 1614 г. Из числа селений, существовавших в 1592 г., ни одно не было восстановлено, а 2 деревни (Филимонова и Абросова) запустели вновь.

После описания 1629—1631 гг. в составе селений произошли уже небольшие изменения: была восстановлена дер. Филимонова, запустели или были преднамеренно ликвидированы дер. Листвянка, Ореховка и Гребенка, и образовался наконец тот десяток селений, который существует на этой территории и в настоящее время.[2]

С. Ивашково-Михайловское. Иначе протекал процесс исчезновения мелких селений в другом троицком владении, в с. Ивашкове: здесь владельческого укрупнения селений незаметно и главную роль сыграли события гражданской войны.

Километрах в 22 на север от Ростова, недалеко от полотна железной дороги из Ростова в Ярославль, находится с. Ивашково. Селения этого владения мы можем проследить с третьей четверти XV в., когда оно досталось по семейному разделу Ф. Ив. Пильему Сабурову. Это был крупный участок, около 1430 десятин, на котором по раздельным грамотам к с. Ивашкову тянуло 17 деревень и 3 починка. Некоторые деревни в своих названиях сохранили имена их основателей: Мишкова, Еськина, Назарьева, Григорьева и т. п. Как и во многих других крупных вотчинах, мы видим здесь деревню Поповку, т. е. участок земли, данный вотчинником сельскому священнику.

Переходя по прямой линии в роде Пильемовых-Сабуровых,

---

[1] ГАФКЭ, Писц. кн., № 843, л. 411 и дальше.

[2] Села Новотроицкое и Поддубье и деревни: Чопурова, Перетрясова, Рохова, Нагорье, Никола на Талице, Филимонова, Бологово и Никитина. Быть может, на той же территории находится ныне существующая дер. Губачева.

с. Ивашково досталось его внуку — Юрью Андреевичу, а затем вдове последнего — Домне, которая, не имея детей, дала с. Ивашково в 1563 г. Троицкому монастырю. В данной грамоте Домны Сабуровой подробно перечислены все селения и пустоши. За прошедшие после раздела с. Ивашкова 85—90 лет произошло гораздо меньше перемен, чем можно было бы ожидать: 2 деревни и починок запустели, 2 починка стали деревнями, и возникло вновь 9 деревень, среди которых были такие деревни-хутора, как дер. Мишкиных детей, дер. Антипкиных детей, дер. Андрея Митенина. Всего к с. Ивашкову в данной грамоте перечислено 26 деревень.

Через 30 лет после этого с. Ивашково было описано писцами.[1] Судя по их писцовым книгам (1592—1593 гг.) 30-летнее хозяйничанье монастыря не изменило характера селений, и здесь, в противоположность селам Новому и Поддубью, не было совсем владельческого укрупнения селений. По описанию 1592 г., 6 селений запустело, 6 же селений возникло вновь, и в общем было 26 же селений, как в 1563 г. Да и пресловутый кризис третьей четверти XVI в., если и отразился на с. Ивашкове, то очень слабо. Роль «реорганизатора» селений на новых началах сыграли события первого десятилетия XVII в., отразившиеся на с. Ивашкове огромным опустошением. Когда в 1617 г. монастырские старцы произвели дозор с. Ивашкова, то оно как-будто уже стало оправляться от пронесшейся бури.[2] В селе мы видим 3 двора церковников, 9 дворов крестьянских и монастырский двор с большим количеством возведенных вновь хозяйственных построек.

Совершенно иное впечатление оставляют деревни с. Ивашкова: 16 деревень запустело, и не возникло ни одной новой деревни. В живущем по дозору оказалось: 8 деревень, существовавших в XV в. (Горки, Чеснокова, Мишкова, Поникарово, Селина, Остров и Зевендеева), а в них 19 дворов, одна деревня из числа поставленных в первой половине XVI в. (Староселово Нижнее — 4 двора) и одна, возникшая между 1563 и 1593 гг. (Кошурина — 3 двора), всего 10 деревень с 29 дворами.

Описание 1629—1631 гг. вскрывает явление, уже известное нам по описаниям того же времени в других уездах: несомненное значительное понижение хозяйственного уровня благосостояния населения и некоторый подъем с владельческой точки зрения; роль монастыря как хозяина-капиталиста и организатора заметно увеличивается. К с. Ивашкову тянули те же 10 селений, как в 1617 г., а в селе и деревнях было всего 22 двора крестьянских, 15 дворов бобыльских, 6 дворов монастырских детенышей и 8 дворов мастеровых людей, плотников и токарей, которые не

---

[1] Писцовые книги Московского государства, II, стр. 16—19.
[2] Архив лавры, кн. 573, лл. 75—104.

тянули тягла с крестьянами, а делали на монастырь свое дело и получали за то отсыпной хлеб.[1]

Карашская слобода митрополичьего дома. Интересным предметом наблюдений, заслуживающим детального исследования, является в Ростовском уезде слобода Караш-Святославль. Известно, что Карашская слобода была променена в 1383 г. вел. князем Васильем Дмитриевичем митрополиту Киприану[2] и в течение 350 лет находилась во владении митрополитов, а затем патриархов. При учреждении губерний Караш-Святославль образовала Карашскую волость Ростовского уезда, просуществовавшую до революции почти в тех же границах, в каких слобода Караш принадлежала митрополитам и патриархам. Перед революцией вся Карашская волость, за исключением 3—4 небольших частновладельческих участков, была во владении государственных крестьян. Таким образом, население Караша не знало частновладельческой крепостной зависимости.

Слобода Караш находилась в южной части Ростовского уезда и р. Нерлью была отделена от Переяславского и Юрьевского уездов. В северной части земли Карашской слободы доходили довольно близко до заштатного города Петровска, а в западной — лежали по обеим сторонам полотна железной дороги на Ростов. По писцовым книгам 1629—1631 гг. в слободе числилось за патриархом немного менее 16 000 десятин, не считая поверстного заповедного леса и покосов по низменным местам и болотам.[3] Вся же площадь патриарших земель была не менее 18 000 десятин. Сверх того, среди этих земель было издревле вкраплено несколько частных владений. Отмечу, что в предреволюционной Карашской волости числилось всего земель частных владельцев и государственных крестьян 20 813 десятин.[4]

О природных условиях древней Карашской слободы мы почти ничего не знаем, — можно только отметить, что в XIX в. в Карашской волости, кроме 5 озер, было несколько значительных болот, а по количеству лесов она занимала среди волостей Ростовского уезда одно из первых мест и почти 1/8 часть волости была покрыта лесом.

На этой территории по писцовым книгам 1501 г. В. Заболотского и Дм. Загряжского были следующие селения: села Осник (у озера Караша), Чашницы, Павловское, Синельницы (ныне дер. Синельницы) и Андронеж, 2 монастырька на р. Нерли (ныне

---

[1] ГАФКЭ, Писцовые книги, № 843, лл. 436—451 об. Определить селения, существующие на этой территории в настоящее время, без исследования карт генерального межевания, довольно затруднительно. Повидимому, можно назвать кроме с. Ивашкова 7 селений: Поникарово, Остров, Староселово, Зевендеево, Назарьево, Поддубное и Халдеево.

[2] АИ. I, № 215.

[3] ГАФКЭ, Писцовые книги, № 843.

[4] А. Титов, Ростовский уезд Ярославской губернии, М., 1885. О Карашской волости см. стр. 259—286.

село Пречистое и погост Колягинский возле села того же имени), село Семеновское митрополичьего Воскресенского монастыря (ныне дер. Семенково и погост Воскресенский у озера Чашникова). В этих селах было 80 дворов крестьянских, так что на село приходилось немного более 13 дворов. К этим селам тянуло 227 деревень и починков с 456 дворами, которые по деревням распределялись так:

Дворы по	1	2	3	4	5	6	7	8	9	Итого
Деревни . .	63	92	30	13	1[1]	1	1	1	1	203
Починки . .	16	8	—	—	—	—	—	—	—	24
Всего . .	79	100	30	13	1	1	1	1	1	227

Таким образом преобладающим типом селения была деревня-хутор в 1—2 двора.

Что происходило с этими селеньями в XVI в., мы, к сожалению, не знаем. Судя по троицким селам Новому и Поддубному, которые находились недалеко от Карашской слободы, на запад, и здесь, вероятно, в первые две трети века происходило укрупнение селений, в последней трети века упадок и запустение, завершившиеся катастрофой первых десятилетий XVII в. Как бы то ни было, сохранившееся описание 1629—1631 гг. дает нам на территории Карашской слободы почти тот же состав селений, который существовал в конце XIX в. и существует и ныне.

Ко времени описания 1629—1631 гг. у озера Караша образовался торговый центр — село Караш, в котором, кроме 17 дворов крестьянских и 8 бобыльских, было более 20 полков и шелашей, и по четвергам происходил торжок, пошлины с которого шли в казну патриарха. Село Осник стало деревней, попрежнему довольно крупным селением, — в ней было 14 дворов крестьянских и 4 бобыльских. С. Чашниче и сельцо Синельница стали центрами патриаршего хозяйства: здесь были житницы для хлеба, овины и дворы для скота. С. Павловское осталось попрежнему селом. Всего по итогам писцов было: 3 села, 4 погоста, сельцо и 35 жилых деревень, а в них 20 дворов церковников, двор приказчика, 3 двора скотных, 2 двора деловых людей, 327 дворов крестьянских и 96 бобыльских, всего тяглых 423 двора и нетяглых 26 дворов. Так как деревни уже значительно укрупнились и многие из них превосходили по населению села, то мы можем вывести среднюю для селений вообще, не выключая села В среднем на селение приходилось около $11^1/_2$ двора.

Не везде границы Карашской слободы нам вполне ясны, а

[1] Дер. Заозерье — стан Карашского волостеля.

с другой стороны, некоторые селения, повидимому, изменили названия, но в общем мы можем констатировать: 1) что почти все существующие ныне селения существовали уже в 1501 г., и 2) что ныне на территории б. Карашской слободы, а позже волости, существуют всего 43 селения, — 39 тех селений, которые описаны в писцовых книгах 1629—1631 гг., и еще 4 селения, происхождение которых не удалось выяснить.[1]

Костромской уезд

Огромный Костромской уезд, превосходивший по площади десяток околомосковных уездов, представлял очень большое разнообразие природных условий. Южные станы уезда, как, напр., Сорохта, Емсна и Нерехта, частью смежные с Суздальским уездом, были сравнительно малолесны и удобны для земледелия. По плодородию почвы они местами не уступали Суздальскому ополью. Приволжские станы и волости были менее благоприятны для земледелия, но представляли для поселенцев большие выгоды сообщений по Волге и ее притокам. Но чем далее на север от Волги, тем больше было лесов, болот и неудобных для земледельческой культуры мест и климат был суровее. По нижнему течению правых притоков Костромы: Мезы, Андобы, Шачи, Тебзы и Вексы находились большие леса, низины и болота, которые и в настоящее время заселены слабо. Наконец, север Костромского уезда (позже уезд Соли Галицкой) по климату, почве, обилию лесов и низких сырых мест можно сравнивать с Вологодским, Пошехонским и Белозерским уездами, еще менее благоприятными для земледельческих поселений, чем приволжские станы Костромы и Ярославля.

Селения в Нерехте и Емсне мы можем наблюдать в нескольких крупных владениях Троицкого монастыря.

Села Федоровское, Кувакино, Поемечье и Марьинское Владенья Троицкого монастыря образовались путем нескольких значительных вкладов, к которым монастырь в XV—XVI вв. прикупил и выменял несколько небольших участков, для округления границ главных владений. Основание Нерехотским владениям было положено около 1437 г. вкладами: боярина Зах. Ив. Кошкина на с. Федоровское и соляную варницу в Нерехте и душеприказчиков Вас. Алф. Кучецкого-Станищева на сельцо Юринское. Лет через 10 после этого вел. княгиня Софья Витов-

[1] Невыясненные селения: Булатово, Осьминино, Чистово и Яковково. Селения 1629 г.: Авдеево-Грибакино, Аксеново, Андреевское, Андронеж, Бараново-Еськино, Бродовое (ныне Бордово?), Борушка-Голобилово, Буково, Волосцево, Вязовое, Глухое-Малиново, Григорово-Починок, Горки, Демнево, Еремейцево, Заозерье, Итларь, Караш, Косорезово, Кильгино, Колягино, Корытово, Лазарцево, Лещихино Почепаево (Почепалово), Мартьяново-Фролово, Осник, Павловское, Пирогово, Побычево, Покров у озера, Пореево, Селятино, Синельница, Сорокино, Старая, Токарево, Хмельники-Хмеледубовое и Щипачево-Розлогино.

товна дала монастырю с. Кувакино. В 50-х гг. монастырь получил от вдовы боярина Ром. Ал. Остеева к с. Кувакину 17 пустошей на р. Жаровке, притоке Нерехты. Затем, около 1470 г. боярин Вас. Бор. Тучко-Морозов дал сельцо Поемечье, на р. Емсне. Наконец, в 1510 г. душеприказчики Тим. Ал. Синего Кобылина дали монастырю с. Марьинское, на р. Емспе, на границе Нерехотской волости. Из этого видно, что Нерехта и Емсна в XV в. были районами крупного, по преимуществу боярского, землевладенья. К этим вкладам присоединилось, главным образом в третьей четверти XVI в., еще несколько небольших владений, так что в общем к концу XVI в. у Троицкого монастыря образовалось 3 владенья площадью около 6500 десятин, хозяйственными центрами которых были села Федоровское, Кувакино и Марьинское.

Большое количество актов, поступивших и сохранившихся в монастырском архиве в связи с этими приобретениями, создает определенное впечатление, что в первой половине XV в. весь этот район, позже один из самых населенных во всем Костромском уезде, был довольно пустынным, быть может, запустевшим, и что во второй половине XV в. шло усиленное заселение его: расчищались под пашню леса, возникали новые починки и деревни, и, как полагалось, происходили споры и тяжбы соседей из-за необмежеванных земель.

Первое небольшое столкновение, судя по сохранившимся в Троицком архиве актам, произошло в 70-х гг. Посельский с. Федоровского старец Геронтий судился с нерехотским крестьянином вел. княгини Н. Шубиным из-за участка земли селища Косова: «в яровое, господине, поле впустил четверти на 3, а в паренину на четверть, да огороду, господине, собрал с межи да поставил, господине, огород на монастырской земле». Лет через 10 после этого произошло 4 тяжбы из-за разделанных пустошей. В одном случае дело шло о пустошах Гилевской (позже и ныне дер. Гилево) и Дубовицах. В этой тяжбе интересно отметить, что нерехотский крестьянин Протас Чернобесов разделал пустошь, освоил ее в вотчину и продал в первой половине XV в. крестьянину Ив. Кузьмину, а Ив. Кузьмин дал ее позже Троицкому монастырю. За давностью и смертью старожильцев эти незаконные сделки не были опорочены. Тогда же произошли тяжбы из-за 4 пустошей сельца Юринского и 4 пустошей у с. Федоровского, которые наперебой разделывали и стремились захватить троицкие и княжеские нерехотские крестьяне.

Затем, в тяжбе из-за участка третьего поля с. Поемечья троицкий посельский с. Федоровского жаловался на 3 крестьян, М. Жировкина, Федотка и на сына его Никиту Федотова в том, что они поставили на монастырской земле «3 деревни, а в деревне по двору». Судья спросил княжеского слободчика Аверкия, на каком основании он отвел землю крестьянам. Слободчик сказал, что на спорной земле жил крестьянин Карач, «а сказывал, гос-

подине, мне, кое то земля великого князя. А нынеча Карач изшел, а тому, господине, год минул. А яз, господине, тое земли повода не ведаю, а ведал ее повод Карач». Старожильцы показали в пользу монастыря, и ответчики-крестьяне были обвинены.

Так и здесь, как в Угличе (см. выше), на боевых участках заселяемых территорий, а затем в судебных спорах, в качестве пионеров земледельческой культуры на первом плане и в первых ролях являются не волость, не монастырь и даже не группы и союзы крестьян, а слободчики и отдельные крестьяне, которые селятся на расчищенных от леса участках однодворными деревнями, иногда отец и сын порознь.

Сохранившееся описание сел Федоровского, Кувакина и Поемечья 1536 г. дает итоги почти столетнего хозяйства монастыря. Самые крупные селения мы видим у с. Федоровского, которое находилось в нескольких километрах от Нерехты, где у монастыря были соляные варницы. В с. Федоровском были: двор монастырского посельского, двор страдников и батраков и 27 дворов крестьянских. К селу тянуло 15 деревень со 128 дворами. Среди деревень мы видим такие крупные, как Юринское — с 27 дворами, Баглаеву с 24 дворами, Богдан с 15 дворами и Добрейцево с 12 дворами. Прочие деревни имели такое население: Гилева (в конце XV в. пустошь) — 9 дворов, Холомеева — 8 дворов, затем 2 деревни по 5 дворов, 3 деревни — по 4 двора, 3 — по 3 двора и 1 деревня — 2 двора. В среднем на селение приходилось, если считать и село Федоровское, почти по 10 дворов. Таким образом здесь процесс стягивания и группирования населения в крупные селения зашел довольно далеко, и только в виде пережитка было несколько мелких деревень.

В с. Поемечье было 13 дворов, а к нему тянуло 2 деревни с 4 дворами.

Еще мельче были деревни Кувакинского владения, находившегося на запад от с. Федоровского.

В с. Кувакине были: двор монастырский и 9 дворов крестьянских. К селу тянуло 24 деревни с 95 дворами, которые распределялись по деревням так:

Дворы по	1	2	3	4	5	6	7	8
Деревни	2	6	5	6	1	1	2	1

Таким образом, в селе и 24 деревнях было всего 105 дворов, т. е. немного более 4 дворов на селение в среднем. Если взять одни деревни, то можно сказать, что преобладающим размером деревни была деревня в 2—4 двора.

Волости Емсна и Сорохта были описаны в 1545 г. Поярком Квашниным. Здесь мы видим еще более «первобытную» картину —

множество мелких деревень, большинство которых позже было ликвидировано. Марьинское было сравнительно крупным селом. В нем были: двор приказчика, 13 дворов крестьянских пашенных и 6 дворов непашенных. К селу тянуло 19 деревень с 40 дворами, которые распределялись так: в 4 деревнях по 1 двору, в 9 деревнях по 2 двора и в 6 — по 3 двора.

Таким образом, эти 3 владения, в зависимости от местных хозяйственных и природных условий, представляли градацию в процессе укрупнения селений. Следует заметить, что у монастыря был в Нерехте соляной промысел, который ему приходилось снабжать различными продуктами для рабочих у варниц и большим количеством дров. Самым близким к Нерехте было с. Федоровское, и здесь селения достигали к 1536 г. уже довольно крупных размеров и не было уже места для поселения в лесах, сведенных для снабжения дровами соляных варниц. У с. Марьинского, наиболее удаленного от Нерехты, мы наблюдаем еще процесс расчистки лесов и основание однодворных починков, и в общем здесь преобладали деревни в 2—4 двора, но наряду с ними были и более крупные — от 5 до 8 дворов.

Следующее известное нам описание относится к 1592—1593 годам.[1] Судя по нему, размеры селений с 1536 и 1545 гг., если можно так выразиться, выровнялись. Наибольшие изменения, как можно было ожидать, мы наблюдаем у с. Марьинского. Здесь перед описанием было ликвидировано 7 мелких деревень по 1—2 двора и земля их припущена в пашню к другим селениям. Однодворная дер. Юркина была припущена в поле с. Марьинского, а 6 других — соединены с разными деревнями. Затем было ликвидировано или запустело 8 мелких деревень. Между прочим была ликвидирована дер. Поповская (по описанию 1545 г. — 2 двора), что означает, что священник получил землю в полях с. Марьинского, а его хутор упразднен. С. Марьинское значительно выросло — в нем были 2 двора монастырских и 5 бобыльских, всего 32 двора. К селу тянуло 8 деревень с 78 дворами (вместо 19 деревень описания 1545 г.), т. е. в среднем на деревню приходилось почти 10 дворов, тогда как в 1545 г. средний размер деревни едва превышал 2 двора.

У сс. Федоровского и Поемечья запустело или было ликвидировано 7 деревень, главным образом мелких, а затем было такое население: в с. Федоровском — 2 двора монастырских, 7 дворов церковников, 23 крестьянских пашенных и 4 непашенных, всего 36 дворов, против 29 в 1536 г. К селу тянуло 10 деревень (все существуют и ныне), а в них 161 двор крестьянский и 28 дворов бобыльских, всего 189 дворов, против 128 в 1536 г. В среднем на деревню приходилось почти по 19 дворов против 10 по описанию 1536 г.

Существовавшие в 1536 г. у с. Поемечья 2 деревни с 4 дво-

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 893—903.

рами исчезли, а в самом селе было 7 дворов церковников, 14 крестьянских и 2 бобыльских, всего 23 двора, против 13 по описанию 1536 г.

Тот же процесс укрупнения селений мы видим и в Кувакинском владении. В Кувакине было 6 дворов церковников, 25 крестьянских и 7 бобыльских, всего 38 дворов, против 10 в 1536 г. 15 деревень исчезло совсем. И здесь была ликвидирована дер. Поповская (в 1536 г. — 3 двора), и причт получил землю в полях с. Кувакина. Затем возникло 5 новых селений с 50 дворами, да в старых 8 деревнях был 81 двор. В общем на деревню приходилось по 10 дворов.

Сопоставление данных описаний 1536 и 1545 гг. с описанием 1592—1593 гг. свидетельствует с несомненностью о том, что троицкие владенья в Нерехте и Емсне не переживали в последней трети XVI в. никакого кризиса и развивались вполне нормально. Тем большее значение приобретает факт сокращения количества селений и значительного укрупнения их. Голод начала XVII в. и последовавшее затем Московское разоренье отразились и на Нерехте, но произвели, сравнительно с центральными уездами, небольшие опустошения. Дозор нерехотских владений, произведенный в 1617 г. монастырскими властями, содержит много следов пронесшихся бурь, но в то же время свидетельствует о быстрой реставрации хозяйства.[1]

Население с. Федоровского несколько уменьшилось: в нем было 28 дворов вместо 36 по описанию 1593 г. Одновременно описание монастырских дворов и скота свидетельствует о значительном монастырском хозяйстве. На первом дворе были следующие постройки: горница с комнатою на подклетах, против нее повалуша, изба с клетью, изба плоская, 2 ледника с напогребицами, омшаник, житница с сушилом, рубленая конюшня с сенником, денник для лошадей, 2 житницы и поварня. За двором в ограде стояло 5 житниц да возле пруда находилась поварня. Особо стоял большой конюшенный двор, с рублеными конюшнями, избой для дворника, 2 клетями и животинной стаей. На обоих дворах стояла монастырская скотина: 41 лошадь с 9 жеребятами, 8 голов рогатого скота, 34 овцы, 19 свиней и 14 кур с петухом.

К с. Федоровскому тянули те же 10 деревень, которые были в 1592 г., а в них было 128 тяглых дворов. Сверх того в 23 дворах жили льготчики, новоприхожие крестьяне и бобыли, переходившие из бобыльства в крестьянство. Всего таким образом было 151 двор. Так как описание дер. Молоковой в дозоре старцев утрачено, то этот итог следует увеличить. Если счесть в этой деревне те же 11 дворов, которые были в 1592 г., то всего в 10 деревнях можно счесть 162 двора.

---

[1] Архив Троицкой лавры, кн. 573, лл. 110—111 и 137—138 об.

С. Поемечье пострадало значительно больше — по дозору в нем оказалось только 6 дворов.

С. Кувакино не только не потеряло своего населения, но даже увеличилось, — в нем стало 43 двора, вместе 32 в 1593 г. Повидимому, это произошло за счет 2 деревень, которые были ликвидированы после 1593 г. В живущем осталось 11 деревень со 108 крестьянскими дворами. Наконец, Марьинское владение осталось в общем без изменения.

Для удобства обзора и сравнений привожу сводку данных по указанным выше описаниям.

Описания	Села	Дворы в них	В среднем на село	Деревни	Дворы в них	В среднем на деревню
1536 и 1545 гг. . .	4	62	15,5	60	267	4,45
1592 — 1593 гг. . .	4	129	32	31	398	12,84
1617 г.	4	103	25,75	30	415	почти 14

Наблюдая эволюцию селений в других уездах, напр. в Угличе, Звенигороде, Москве и Переяславле, мы видели, что там естественно протекавший процесс роста населения и укрупнения селений был прерван событиями последней трети XVI в. и начала XVII. В нерехотских владениях Троицкого монастыря, где внешние события играли совершенно второстепенную роль, тот же процесс протекал все время почти нормальным путем и привел приблизительно к тем же результатам, к которым другие местности Московского государства пришли под влиянием целого ряда катастрофических событий.

В заволжских станах Костромского уезда, в зависимости от указанных выше природных условий, селения были мельче и процесс укрупнения их протекал медленнее, чем в южной части уезда. Здесь для наблюдений мы имеем одно владение митрополитов и несколько владений Ипатьева Костромского монастыря.

С. Вятско. На запад от Костромы, в бассейнах рек Касти и Соти, в б. волости Корзле находилась митрополичья волость Вятская. Центром ее было с. Вятско, на р. Вохтоме. По описанию 1502 г. в селе Вятском были двор митрополичий и 11 дворов крестьянских. К селу тянуло 43 деревни с 88 дворами и 2 починка с 3 дворами, всего 45 селений с 91 двором. Преобладающими были селения в 1—2 двора (всего 34 селения), в 6 деревнях было по 3 двора, в четырех по 4 двора и в одной деревне 5 дворов. [1]

Через 60 лет после этого с. Вятско было описано Вас. Ив. Наумовым, сотная грамота которого 1562 г. сохранилась. [2] Описание Наумова констатирует вполне благополучное состояние

[1] Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, лл. 204—207 об.
[2] Шумаков, Костромские сотницы, М., 1903, стр, 7—10.

владения. В селе были двор митрополичьего приказчика, 3 двора церковников и 10 дворов пашенных крестьян. За р. Вохтомой против села образовалась слободка непашенных, торговых и ремесленных людей, в которой было 17 дворов. В селе по четвергам был торжок, а «торгуют хлебом и солью и всяким мелким товаром, а тамги сбирают в год на митрополита по полутора рубли, а иногда больше, а иногда меньше». К селу тянуло 66 деревень с 197 дворами. Так как средний лист сотной грамоты утрачен, то нет возможности дать таблицу распределения дворов по деревням. Видно только, что селения в общем стали крупнее: на деревню приходилось по 3 двора, тогда как в 1502 г. было только по 2 двора. Затем заметна дифференциация деревень по населенности: наряду с мелкими деревнями в 1—2 двора появился целый ряд деревень в 5—7 дворов.

Села Якольское, Бабино, Костенево, Колшево. Для крупных владений Ипатьева монастыря мы имеем, сотные грамоты с писцовых книг 1562 и 1596 гг.[1] Производя сравнение, следует иметь в виду, что Ипатьев монастырь приобрел с 1562 г. много новых владений, которые не всегда удается выключить из сотной 1596 г. Принимая это во внимание, я взял только 4 крупных старых владения: с. Якольское, за р. Костромкой, возле г. Костромы, в б. Мерском стану, с. Бабино, на р. Касти, в волости Корзле, с. Костенево в Андроникове стану и с. Колшево в Дуплехове стану. Селения распределялись в этих владениях так:

	По описанию 1562 г.		По описанию 1596 г.	
с. Якольское	9 деревень	23 двора	14 деревень	100 дворов
» Бабино	26 »	58 »	32 »	109 »
» Костенево	19 »	51 »	15 »	55 »
» Колшево	14 »	21 »	25 »	79 »
Всего . . .	68 деревень	153 двора	86 деревень	343 двора
	На деревню в среднем 2,25 двора.		На деревню в среднем 4 двора	

Читая эту таблицу, мы видим, что за последнюю треть XVI в. во владениях Ипатьева монастыря не только незаметно влияние кризиса, но наблюдается значительное увеличение количества деревень и населения в них, еще большее, чем то, которое мы видим в нерехотских владениях Троицкого монастыря. Эти странные на первый взгляд факты имеют довольно простое объяснение.

Когда в 1567 г. Костромской уезд был взят в опричнину, то все вотчинники и помещики, за исключением зачисленных в опричнину, были выселены, а их земли розданы в поместья опричникам. Эта смена хозяев крайне неблагоприятно отразилась

[1] С. А. Шумаков. Костромские сотницы, стр. 10—19. Выдержки из сотной грамоты 1596 г., — см. его же Обзор грамот Коллегии экономии, IV, стр. 234—240.

на крестьянах и вызвала значительное запустение частновладельческих земель. Крестьяне в большом количестве покидали свои насиженные места и переходили на земли владык и монастырей или в дворцовые и черные волости. Больше всего от этого выиграли крупные монастыри, и этим объясняется, что в монастырских землях тех уездов, где не было других причин разброда и убыли населения вроде неурожев, эпидемий и тяжелых повинностей, не только не было убыли населения, но иногда происходила прибыль. Для нашей темы интересно констатировать, что во владеньях Троицкого и Ипатьева монастырей и в третьей четверти продолжался процесс укрупнения селений.

На самом севере Костромского уезда селения были еще мельче и по своему складу походили на селения уездов Поморских городов. Митрополичьему дому в Ликурге, в Сельцах, принадлежало довольно крупное владение, в котором по описанию 1502 г. было 25 деревень с 37 дворами.[1] У Троицкого монастыря на самом севере Костромского уезда были небольшие владения, назначение которых было снабжать продуктами и дровами соляные варницы у Соли Галицкой, заведенные монастырем еще в начале XV в. В правых грамотах второй половины XV в. мы видим здесь, в бассейне р. Костромы, несколько мелких троицких деревень, по 1—2 двора. Приблизительно такими же эти селения оказываются по описанию 1545 г. Всего в волости Верхнем Березовце у Троицкого монастыря было 11 селений с 14 дворами. Из них ныне существуют: Носково, Стремянниково, Оглоблино, Кашино, Подкосово и Стонилово. По описанию 1592 г. в тех же 11 селениях было 34 двора, а после того прибыла еще одна деревня, и в 1614 г. было в 12 селениях 52 двора.[2] Таким образом здесь не только не было в последней трети XVI в. никакого кризиса, но и разорения начала XVII в. сюда не дошли, и укрупнение селений шло по линии естественного роста населения, а не владельческого соединения селений.

С. Буяково В лесистой части б. Костромского уезда, в Андомской волости, в бассейне р. Шачи, находится с. Буяково. В первой половине XVI в. здесь находились, кроме Буякова, и другие вотчины Лихаревых, старого рода костромских вотчинников средней руки. Первые сведения о с. Буякове мы имеем в духовной грамоте Никифора Федоровича Лихарева 1540 г. В духовной есть несколько фактов, которые стоит отметить, так как они характеризуют не только вотчинника, но и его вотчину. Как полагалось, Н. Лихарев перечисляет в своей духовной свои долги и деньги, розданные им в долг. Задолженность его была невелика: он был должен семи лицам всего 10 руб. с полтиной. Количество денег, розданных им в долг, так значительно, что превышало

---

[1] Исторический музей, Синод. библ., кн. 276, л. 204.

[2] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 921—922. Памятники социально-экономической истории, I, стр. 276—278, М., 1929.

обычные бытовые ссуды родным, соседям и знакомым, и дает право говорить о раздаче денег Н. Лихаревым как о ростовщическом промысле. Лихарев перечисляет в духовной 70 руб. с четвертью денег, розданных им по 26 кабалам, причем одна кабала обеспечена залогом земли. Еще более характерно перечисление в духовной холопов, большею частью отпускаемых на волю. Всего в духовной перечислено до 50 семей холопов, не считая множества отдельных лиц. Среди холопов много военнопленных — несколько семей «татарченков» и литвинов и одна семья «немчина».

Нет никакой возможности допустить, чтобы такое множество холопов работало у Н. Лихарева во дворе и служило в качестве ратных слуг, пахолков. Нет никакого сомненья, что значительная, а может быть и бо́льшая часть этих холопов сидела на пашне.

Всю свою вотчину Н. Лихарев дал своему сыну Павлу Нечаю и перечислил в духовной все селения, — их оказалось при с. Буякове 26 деревень и 10 починков. Большое количество починков свидетельствует о том, что в экономическом отношении вотчина находилась в благополучном состоянии. Количество дворов в селениях нам неизвестно, но несомненно, что все это были очень мелкие селения, так как во всей вотчине было немного более 600 десятин земли.

После смерти Никифора с. Буяково досталось его сыну Павлу Нечаю. Повидимому, он был зачислен в опричники и потому сохранил свою вотчину, когда в 1567 г. Кострома была взята в опричнину. В 1570 г. вдова Павла дала по духовному завещанию с. Буяково Троицкому монастырю. В данной грамоте ее душеприказчика, племянника Павла, Замятни Лихарева, перечислены все селения вотчины. В с. Буякове было 2 церкви, из которых одна теплая, а к селу тянуло 25 деревень и починок «Попова росчисть». По сравнению с 1540 г. мы видим довольно значительное сокращение количества селений, но рискованно сказать, что это было результатом владельческого укрупнения селений. Имея в виду бурные события того времени, в этом следует видеть скорее результат некоторого запустения.

К сожалению, в напечатанном у Калачева (в Писцовых книгах Московского государства) описании костромских владений Троицкого монастыря с. Буякова по неизвестой причине нет. Следующий момент, когда мы можем наблюдать это владение, есть дозор 1617 г., произведенный троицкими властями.[1] По дозору старцев владение представляется значительно оправившимся от разорения.

В с. Буякове был монастырский двор с большим количеством построек, а на рр. Шаче и Андобе 2 монастырских мельницы, на оброке за крестьянами. В селе же было 18 дворов крестьянских,

---

[1] Архив Троицы-Сергиевой лавры, кн, 573, лл. 271—300.

а людей в них 26 человек. «А пашни за ними 4 выти без чети, да во льготе четверть выти без полполтрети». К селу тянуло 21 деревня с 94 дворами и 4 починка с 8 дворами, всего 25 селений с 102 дворами. Только в одной деревне—Петровской — было 16 дворов, все же остальные деревни и починки были мелкими поселками в 3—4 двора, редко больше, а чаще — меньше. Сверх того дозор старцев отмечает восстановление двух старых селений новопорядными крестьянами. В дер. Юрилове сели на льготу 2 крестьянина, а в дер. Дергайцове — один. Льгота им дана «в монастырском оброке и во всяком монастырском изделье» с 1616 г. на 4 года, «и в те им льготные годы дворы устроити и озаборить, а на дворах поставить по избе да по клети да по бане, и поля огородить».

Таким образом, приходится сказать, что в с. Буякове владельческое укрупнение селений, если и имело место, то во всяком случае играло ничтожную роль, и исчезновение многих селений, которые были жилыми в 1617 г., относится к более позднему времени — ко второй половине XVII в. и к XVIII в.

Ярославский уезд

С. Коприно. Обширный Ярославский уезд по своим природным условиям, подобно Костромскому, представлял значительное разнообразие. Восточные станы и волости его, по обоим берегам Волги, примыкали к Костромскому уезду и по своим селениям походили на приволжские станы Костромского уезда. Западные станы Ярославского уезда, судя по тому, что о них известно, представляли некоторые особенности, сущность которых предстоит выяснить. Для этого мы имеем исключительный по ценности и еще не введенный в научный оборот источник в писцовых книгах Вас. Фомина и Григ. Сукина 1568—1569 гг., бо́льшая часть которых сохранилась.[1] Описание Вас. Фомина особенно ценно тем, то дает представление об Ярославском уезде до опричнины, голодовок и разоренья 80-х гг. С другой стороны, сохранившиеся описание 1627—1641 гг. и переписи 1646 и 1678 гг. открывают широкий простор для сравнений.[2]

В северо-западной части Ярославского уезда мы имеем для наблюдений с. Коприно, крупное владение Троицкого монастыря. С. Коприно на Волге находится километрах в 20 от г. Мологи. В XV в. село было частью удела ярославских князей Шумаровских (с. Шумарово находится на левой стороне Волги, против с. Коприна). В 1545 г. кн. Ив. Вас. Ушатой Шумаровский дал с.

---

[1] Книги эти не попали в описание Писцовых книг б. архива Министерства юстиции и указаны мною в 1916 г., но никем еще не использованы. С. Веселовский, Сошное письмо, II, стр. 641—642.

[2] Выписи из писцовых книг 1627 г. и из переписных книг 1646 г. по крупным владениям Ярославского Спасского монастыря напечатаны в Исторических актах Ярославского Спасского монастыря, изд. И. Вахромеевым, т. III, М., 1896.

Коприно Троицкому монастырю. В его данной грамоте к селу Коприну перечислено 23 деревни и 5 починков. Размеры этого владения можно определить только приблизительно. По описанию Вас. Фомина во всем владении числилось 2500 десятин четвертной земли и покосов, да поверстного леса — в длину на 6 верст, а поперек на $2^3/_4$ версты.[1] Писцы 1592—1593 гг. насчитали четвертями и десятинами около 2000 десятин, да поверстного леса по смете показали на 6 × 9 верст, т. е. 54 кв. версты.[2] Как можно видеть, разница в поверстном лесе, определенном и теми, и другими писцами на-глаз, «по смете», настолько велика, что вызывает очень большие сомнения. Учитывая это, можно сказать, что в Копринском владенье было до 5 000 десятин.

Население с. Коприна и его деревень находилось в очень благоприятных условиях. С одной стороны, большой земельный простор и лес на много верст, а с другой стороны — на протяжении нескольких верст — берег Волги.

Описание 1568—1569 гг. свидетельствует о процветании Копринского владения: к селу тянуло 36 деревень и 25 починков. Большое количество последних, само по себе, говорит о полном благополучии владения. К сожалению, писцы не показывают населения деревень, но судя по небольшим размерам пашни — в починках от 3 до 9 десятин — можно заключить, что это были очень мелкие селения, в 1—2 двора. В деревнях запашка несколько больше, но по размерам соответствует тоже небольшим селениям в 2—3 двора. Для сравнения приведу один пример. В самой крупной деревне, в Петраковой, по письму 1568 г. было 60 десятин пашни. В 1592 г. в дер. Петраковой числились те же 60 десятин, а дворов было — 7 крестьянских и 1 бобыльский.

События 70-х гг. не отразились на Копринском владении. Писцы 1592—1593 гг. отметили небольшое уменьшение запашки (тяглой живущей пашни), что может быть отчасти объяснено и условностями сошного оклада, отметили запустение 5 починков, но в общем мы не видим никаких следов катастрофических событий. В с. Коприне были: 2 двора монастырских, 4 двора церковников, 5 дворов крестьянских пашенных и 3 двора — непашенных. К селу тянуло 46 деревень с 167 дворами и 14 починков с 20 дворами, всего 60 селений с 187 дворами.

Во время гражданской войны с. Коприно сильно пострадало, но благодаря выгодному положенью на Волге и многоземелью быстро оправилось от разоренья. По описанию, произведенному в 1623 г. троицкими властями, с. Коприно представляется зажиточным торговым селом. По вторникам в нем бывал торжок, доход с которого поступал в монастырь; затем в селе было несколько постоянных лавок и 13 крестьянских дворов, не считая дворов монастырских и церковных. К селу тянуло 55 деревень, да

---

[1] ГАФКЭ, Писц. кн., № 7785, лл. 211—222.
[2] Писцовые книги Московского государства, II, стр. 1—7.

3 пустоши были даны на льготу вновь поселившимся крестьянам.[1] В размерах селений можно наблюдать очень небольшое укрупнение: в 1592 г. в 60 деревнях и починках было 187 дворов., т. е. по 3 двора на селение, а в 1623 г. — в 58 селениях 199 дворов, несколько менее $3^1/_2$ дворов на селение.

Судя по Копринскому владению, эволюция селений в западных частях Ярославского уезда весьма значительно отличалась от других районов Московского государства. Мы видим здесь устойчивый тип селений в 2—3 двора, растущих медленно, естественным путем и не за счет количества селений. Укрупнение селений за счет количества для Копринского владения относится к более позднему времени — ко второй половине XVII в. и к XVIII.[2]

---

[1] Архив Троицкой лавры, кн. 604, л. 165 и дальше.

[2] В настоящее время у села Коприна находится 28—29 селений: Баранова, Барвино, Ворошилово-Федорово, Выдра-Лютнова, Горели, Горки-Осипово, Гришина, Большое Займище, Заречье, Истомино, Калита, Крутец, Ларионова, Левкова, Лисина, Мухина, Овинище, Палкина, Петракова, Погорелка, Починок-Букино, Притыкино, Селино Большое и Меньшое, Стригина, Тебениха, Узкое и Ясенево. Вероятно, под другим названием существовала в XVI в. и деревня Мешкова.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Главные этапы эволюции типов селений. Общая характеристика селений до середины XV в. Рост населения и владельческое укрупнение селений в последней четверти XV в. и в первой половине XVI в. Приостановка этого процесса во второй половине XVI в. Войны, опричнина, неурожаи и голодовки, эпидемии. Главные этапы кризиса. Владельческое укрупнение селений и вопрос о владельческой запашке. Голод и разорение первых двух десятилетий XVII в. Хозяйственная реставрация с 1620 г. в условиях разорения закрепощенного крестьянства.

Описанные выше владения взяты для исследования не по выбору с какой-нибудь предвзятой точки зрения, а подобраны в зависимости от наличия сохранившихся и известных мне источников. Они охватывают довольно значительную территорию и для моей темы представляются достаточными. Бесспорно, что исследованию о типах селений и их эволюции было бы очень желательно дать более широкий объем как по территории, так и по времени, но я не располагал для этого необходимым временем и средствами. Проблемы, поставленные мною в настоящей работе, нуждаются в целом ряде местных исследований, не ограничиваясь XVII в., а расширив поле исследования на XVII—XIX вв. Последнее, в отношении сохранившихся источников, представляется более легким, чем исследование XIV—XVI вв. Помимо множества разнородных источников, мы имеем для XVII в. большое количество писцовых и переписных книг, а для XVIII—XIX вв. ревизские сказки. Для последнего периода мы имеем еще такой ценнейший и почти совершенно неисследованный материал как карты генерального и специальных межеваний.

Для постановки основных вопросов исследования и предварительного их освещения достаточно изложенных выше фактов. На первый взгляд они могут создать представление такого разнообразия местных особенностей в строе и эволюции селений, что необходимо большее количество фактов и наблюдений, но при более внимательном исследовании выясняется, что основные этапы эволюции могут быть намечены довольно уверенно. Что же касается факторов и всех главных условий эволюции, то эти вопросы, при наличии собранных мною фактов, могут быть освещены только типотетически, временно, до более углубленного и обширного исследования предмета в целом.

Если мы возьмем, как отправной пункт, селения середины XV в., то увидим приблизительно следующее. Села невелики и имеют характер владельческо-административных центров. Они повсеместно уже являются центрами церковно-приходской жизни, но с сельскохозяйственной точки зрения мало чем отличаются от окружающих их деревень, в которых живет большинство населения боярщин и монастырщин. Крестьяне и сельский причт, а также часть слуг и холопов, живут в мелких деревнях в 1—3 двора. Барщинная запашка уже практикуется, но занимает среди повинностей крестьян небольшое место. В животноводстве господствует режим содержания скота на воле, без пастуха. Система наделов еще совершенно неизвестна, да и раскладочно-окладные нормы находятся в зародыше. Крестьяне сидят либо на индивидуальных, разномерных участках, либо являются, если в деревне несколько дворов, долевыми совладельцами деревенских участков. Только при исключительно благоприятных обстоятельствах, как, напр., в Суздальском ополье, существуют более крупные селения, с общими полями и содержанием скотины за пастухом. Здесь зарождаются нормы раскладки и оклада повинностей и правильный трехпольный севооборот.

Со второй половины XV в. становится заметным, а с течением времени несомненным и повсеместным укрупнение селений. В этом явлении надо различать две стороны: укрупнение селений вследствие естественного роста населения и укрупнение за счет количества селений, когда 2—3 селения по воле землевладельца были соединяемы в одно и земли их образовывали одно сельскохозяйственное целое. Владельческое укрупнение селений за всю первую половину XVI в. идет одновременно и на почве естественного роста населения. Позже оно становится самостоятельным явлением, и укрупнение селений становится политикой землевладельческого класса, независимо от прироста населения, а иногда даже при уменьшении населения.

За последнюю четверть XV в. и первую половину XVI имеется много прямых и косвенных указаний на значительный хозяйственный подъем всего Замосковья. Возле сел Пушкина, Петровского и Козодавлева-Траханеева Московского уезда, в Жабенском стану Кашинского и в Городском стану Углицкого, в Нерехотском стану Костромского разделываются новые земли, сводятся леса и возникают новые селения. Очень быстро растут, особенно в первой трети XVI в., цены на землю. Учащаются ссоры из-за необмежеванных земель и производится большое количество межеваний, полюбовных и судебных. Землевладельцы все чаще и чаще предпринимают борьбу против исконного обычая пользования лесом, не считаясь с тем, кому он принадлежит, и добиваются у власти жалованных охранных на свои леса грамот. Еще одно явление того же порядка — множество княжеских пустырей, разбросанных клоками разной величины черес-

полосно с частновладельческими землями и ранее не находивших людей, которые взяли бы их из тягла или из оброка, теперь, т. е. в первой половине XVI в., охотно разбираются служилыми людьми в поместья.

Укрупнение селений за это время наблюдается очень часто и во многих местностях: у с. Петровского в Московском уезде, у Дмитриевского-Гузеева — в Звенигородском, в Илемне и у с. Дикого — в Верейском, в Переяславле у с. Бужанинова и в обширных владеньях Киржацкого монастыря, у сел Нового и Поддубья — в Ростовском уезде. Иногда укрупнение носит весьма интенсивный характер. Так, у с. Петровского перед описанием 1537 г. сразу было ликвидировано 4 деревни. У с. Дмитриевского из 26 деревень в промежуток времени с 1532 г. по 1538 г. было ликвидировано тоже 4 деревни. В Илемне, где, повидимому, уже в XV в. было большое монастырское хозяйство и селения, сравнительно с другими местностями, были крупными, за десяток лет перед описанием 1544 г. из 60 деревень были ликвидированы 21 жилая деревня. Об энергичности — на этот раз несомненно владельческого — укрупнения говорит такой факт как присоединение к дер. Филатовой 3 жилых деревень и образование таким путем крупного селения в 27 дворов. У с. Бужанинова в промежуток времени с 1543 г. по 1562 г. из 40 деревень было ликвидировано 9. Не менее интенсивное укрупнение селений происходит в те же годы во владеньях Киржацкого Благовещенского монастыря. Возле сел Нового и Поддубья в Ростовском уезде Троицкий монастырь за 5 лет хозяйства ликвидировал 6 деревень из 65.

Было бы преждевременным однако обобщить эти факты и сказать, что укрупнение селений в первой половине XVI в. было явлением общим. В зависимости от местных условий были такие владения, где в это время не только не наблюдается процесс укрупнения, но и продолжается возникновение деревень-хуторов старого типа. Иногда, как, напр., у с. Дикого Верейского уезда, одновременно с укрупнением одних деревень возникают вновь деревни-хутора. У с. Ивашкова в том же Ростовском уезде, где Троицкий монастырь так энергично укрупнял свои деревни, тип селений не изменяется за сотню лет, когда им владели Сабуровы, и после 1563 г., когда оно от Сабуровых досталось Троицкому монастырю. В третьей четверти XV в. к с. Ивашкову тянуло 17 деревень и 3 починка. К 1563 г. 2 деревни и починок запустели, 2 починка стали деревнями и возникло вновь 9 деревень-хуторов вроде: деревни Мишкиных детей, дер. Антипиных детей, деревни Андрея Митенина.

Нет, конечно, никакой возможности сказать, как протекал бы в дальнейшем этот процесс при нормальных условиях, если бы он не был дважды прерван — сначала событиями третьей четверти XVI в., а затем первых двух десятилетий XVII в. То, что в литературе называется кризисом третьей четверти XVI в., было

очень сложным явлением или, лучше сказать, цепью явлений, то имеющих общий характер, то местных, то связанных одно с другим, то совершенно независимых. Так как эти явления не были изучены монографически, то предпочитали объединять их в одно, назвав довольно неопределенно кризисом, и приписывать, более или менее по своему усмотрению, те или иные следствия, действительные или воображаемые.

Оставаясь в пределах своей темы, отмечу главные события этого времени.

На первом плане, конечно, следует поставить тяжелую борьбу на 3 фронта, почти непрерывную в течение 30 лет и потребовавшую огромного напряжения всех сил. Ряд походов против Казанского царства, завершившихся в 1552 г. взятием Казани, потребовал больших материальных и личных жертв. Занятие Казани только наполовину разрешило задачу овладения Волжским путем и через 2 года, после больших приготовлений, вызвало поход на Астрахань. Завоевание Казани и Астрахани повлекло за собой целый ряд осложнений и тяжелых последствий. Народы среднего Поволжья: мордва, черемисы и чуваши, освободившиеся от ига казанских татар, не имели, конечно, никаких оснований приветствовать победителей и в 1554—1555 гг. и не раз позже отвечали на новое порабощение восстаниями. Завоевание Астрахани создало новый фронт — ногайский. Правда, здесь отношения складывались для московского правительства довольно благоприятно, но потребовали тем не менее от него постоянного внимания и готовности ко всяким неожиданностям.

Еще более тяжелым следствием завоевания Казани было ухудшение отношений с Крымским ханатом. До этого московскому правительству путем ловкой политики и подкупов удавалось так или иначе поддерживать с крымскими татарами сносные отношения. В падении Казани и Астрахани крымские татары видели свое дело и не могли не заступиться за своих единоплеменников и единоверцев. После больших приготовлений с обеих сторон, в 1555 г. произошло большое столкновение. Диверсии московских войск на Днепре и на Дону не удержали нападения крымского хана. С большими силами он дошел почти до Оки, и здесь на Судбищах произошло кровопролитное сраженье. Нападение было отбито, но очень дорогой ценой.

Не прослеживая всех осложнений и столкновений с Крымом, отмечу нашествие Девлета Гирея в 1571 г. Почти беспрепятственно Девлет дошел до Москвы, сжег ее посады, причем в пожаре погибли десятки тысяч людей, и распустил свои загоны по подмосковным, а частью и замосковным уездам. Разорение, произведенное этим набегом, было так велико, что может итти в сравнение только с нашествием Тохтамыша в 1382 г. и набегом Эдигея в 1409 г.

Еще большего напряжения сил потребовал западный фронт. В московском правительстве после завоевания Казани по вопросу

о внешней политике образовались две феодальные партии. Первая, предвидя столкновение с Крымом, стояла за сосредоточение всех сил на южном фронте, за наступательную политику против крымцев и пассивную политику на Западе, а следовательно и за отказ от открывавшегося «ливонского наследства», так как вмешательство в дела Ливонии должно было неизбежно вызвать столкновения с Швецией и Польско-Литовским государством. Противная партия игнорировала то, что победы на волжском фронте не были закреплены, что для этого необходимо было еще много сил, и полагала, что с Крымом можно будет вести старую политику подарков и подкупов, непрочных союзов и пассивного сопротивления, а отказ от вмешательства в ливонские дела повлечет такое усиление Польши и Швеции за счет Ливонии, что борьба с ними станет невозможной. Царь Иван принял сторону последней партии, и так началась продолжительная и тяжелая борьба на западном фронте.

Первый ливонский поход, 1558 г., в военном отношении был удачным, но вызвал в следующем же году вмешательство Польши, а затем Швеции. Так начался семилетний период первой кровопролитной и тяжелой войны за Ливонию. Благоприятное международное положение и внутренний кризис в Польско-Литовском государстве дали Московскому государству большую передышку, прерываемую столкновениями с Крымом и такими бедствиями как майский набег Девлета 1571 г., о котором было упомянутого выше, но с 1577 г. война за Ливонию вспыхнула снова и превратилась в почти непрерывную цепь неудач и тяжелых поражений, длившихся четыре года и закончившихся перемириями — 6 января 1582 г. с Польшей и 26 мая 1583 г. со Швецией.

Длительный период тяжелой борьбы на 3 фронта не мог не вызвать целого ряда внутренних осложнений и отрицательных последствий. К таким осложнениям принадлежит учреждение в 1565 г. опричнины. Было бы неуместно здесь подымать вновь этот вопрос, по которому в литературе высказано так много верных мнений, а еще более того ошибочных и даже фантастических. Отмечу только те ближайшие социально-экономические последствия опричнины, которые в литературе остались не освещенными.

Учреждая опричнину, царь Иван имел в виду прежде всего «людишек перебрать, бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишек», неугодных «отослать», а нужных ему «принять».[1] Это было необходимо ему, чтобы получить независимость и усилить свою власть в борьбе с сопротивлением окружавшей его боярской среды, где власть его была связана исконными обычаями и сложившимися отношениями. Для экономической незави-

---

[1] Это — собственные выражения царя Ивана в известной челобитной его к царю Симеону Бекбулатовичу 1575 г. РИБ, XXII, 76.

симости от этой среды и содержания новых, покорных ему «людишек» необходимы были средства и земля.[1] Владения, взятые Иваном первоначально (в 1565 г.) в опричнину, по своим размерам и составу (кроме целых уездов Иван взял в опричнину несколько волостей и даже отдельных сел)[2] не превышали, по сравнению со всей территорией Московского государства, обычной «опричнины» великокняжеских вдов. С течением времени он стал забирать в опричнину один город за другим, так что накануне отмены опричнины (в 1572 г.) территория ее охватила не менее $^2/_3$ государства.

Пересмотр и перебиранье «людишек» вылились в такую форму. Все помещики и вотчинники территории, взятой в опричнину, за исключением тех, которые персонально были приняты на службу в опричном дворе, должны были срочно «всем городом, а не в опале», покинуть свои владения. При этом им было дано право подыскивать и получить взамен отобранных земель такое же количество земли, четверть за четверть, и на том же праве владения, т. е. вместо поместья — поместье, а за вотчину — вотчину, в любом уезде Земщины. На освободившиеся таким образом земли царь Иван сажал своих новых «людишек», но только на поместном праве, т. е. давал их во владение, обусловленное службой в опричнине.

Нетрудно представить себе ближайшие экономические последствия такой крупной и быстрой ломки сложившихся хозяйств. Следует сказать, что отобранные земли далеко не тотчас поступали во владение новых помещиков. Между выездом старых хозяев и вводом во владение новых иногда проходил довольно значительный промежуток времени, в течение которого владение оставалось бесхозяйным, так как правительство не имело ни времени, ни средств организовать охрану и поддержание хозяйств. Неизвестность положения, бесхозяйность, притеснения соседей и злоупотребления сборщиков тяжелых чрезвычайных налогов приводили к тому, что крестьяне массами бросали свое хозяй-

---

[1] Опричниной называлось в быту князей и бояр такое имущество, в котором владелец ее был полным хозяином, не связанным нормами родового права. Так называлось, напр., то имущество, которое получала по завещанию мужа вдова, сверх доли в родовом имуществе. На последнюю вдова имела только право пожизненного пользования, а в опричнине была полной хозяйкой. Свою опричнину вдова имела право, как выражаются духовные грамоты, даром дать, продать и по душе в монастырь отдать. Таким образом, не случайно и не произвольно царь Иван и современники назвали его учреждение опричниной, т. е. областью, в которой он не был связан сложившимися отношениями и общепризнанными старыми обычаями.

[2] Отмечу факт, неизвестный в литературе, что царь Иван незадолго до учреждения опричнины стал отбирать к своей будущей резиденции — Александровой слободе — земли у соседних владельцев. Так у Троицкого Сергиева монастыря он отобрал села Бакино и Новоселку (быть может, не безвозмездно), находившиеся недалеко от слободы. Публ. библ. имени В. И. Ленина, Архив Троицы-Сергиевой лавры, кн. 658, л. 85 об. — 86 об.

ство и разбегались в соседние монастырские и церковные владения, в дворцовые села или уходили из уезда совсем.

Есть много указаний и на то, что новые владельцы не имели охоты вести сколько-нибудь нормальное хозяйство: «не проча» нового поместья себе, т. е. не рассчитывая им долго владеть, они разоряли крестьян всевозможными поборами и часто бросали свое поместье «в пусте». «Не проча» его себе и своим детям, они тем менее дорожили им, что в земских городах у многих из них были вотчины, за которые они не беспокоились.

Принудительно выселенные из опричных городов землевладельцы, если у них не было, в виде исключения, поместья или вотчины в земских городах, попадали в очень тяжелое положение. Прежде всего они с трудом и обычно несполна могли получить эквивалент отобранных у них земель. Дворцовых и черных владений в земских городах было далеко недостаточно, чтобы удовлетворить всех, да и не все подобные земли пошли в раздачу. В большинстве случаев выселенцам приходилось довольствоваться пустыми или недавно запустевшими землями. Заводить на таких землях хозяйство, в условиях почти непрерывных служб и походов, при отсутствии капиталов, при разоренье и разброде тяглого населения, было весьма трудно. Это вызвало очень большие и, можно уверенно сказать, совершенно неожиданные для учредителя опричнины побочные последствия.

Служилые землевладельцы стали тяготиться землей и проявили тенденцию так или иначе отделаться от нее. Это выразилось в усиленной мобилизации земель и в массовых вкладах монастырям.

Приведу два случая, которые мне представляются для того времени заурядными.

Ф. Гр. Желтухин владел в Гуслицкой волости Коломенского уезда небольшой вотчиной — дер. Гостневой — и служил кн. Владимиру Андреевичу Старицкому. Неизвестно, почему кн. Владимир Андреевич взял у него эту деревню к дворцовому с. Богородицкому и 26 марта 1562 г. дал ему вместо нее сельцо Алымово в Вышгороде (позже Верейского уезда). В самом начале опричнины царь Иван распустил двор кн. Владимира, назначил к нему своих бояр, дворян и дьяков, а его дворян, «которые при нем близко жили, взял государь в свое имя». В ноябре 1563 г. царь Иван произвел с кн. Владимиром мену землями (едва ли добровольную) и взял у него Вышгород.[1] Таким образом, Ф. Желтухин оказался на земле у царя Ивана, а когда Вышгород в числе первых городов был взят в опричнину, то Желтухин был выселен из своей новой вотчины. В марте 1566 г. ему удалось, наконец, получить эквивалент отобранной вотчины — он получил 4 деревни в Вохне и Раменейце, в Московском уезде. Повидимому, эти деревни были жилыми, тем не менее Ф. Желтухин

[1] РИБ, III, 182, 193.

пожелал разделаться с ними и в 1572 г. продал их Бор. Беклемишеву.[1]

Второй, не менее характерный случай.

У кн. Ром. Ив. Гундорова Стародубского была отобрана вотчина в Стародубе и вместо нее дана вотчина во Владимире. Когда Владимир был взят в опричнину, то кн. Гундоров был выселен в Земщину и 29 марта 1567 г. получил вместо владимирской вотчины 13 деревень черных, бортных, псарских и конюшенных в Пехорском и Васильцове станах Московского уезда, которые незадолго перед тем были отобраны у Ивана Федоровича Воронцова.[2] Вотчина была жилая, но тем не менее кн. Гундоров провладел ею не более трех лет и в 7078 г. (1569—1570 гг.) продал ее за 500 руб. выезжему греку Константину Юрьеву, который в следующем же году часть этой вотчины продал, а другую часть дал по духовной грамоте Троицкому монастырю.[3]

Старый обычай тратить значительные средства на «устроенье душ» в загробном мире путем денежных и земельных вкладов монастырям на поминальные кормы и вечное поминание в синодиках во вторую половину царствования Ивана принял катастрофический характер. Так как денег было мало, то стали давать монастырям преимущественно вотчины. Для разбития вкладов теперь были особые причины: и материальные затруднения вообще и большое количество смертей в походах, и опричный террор и больше всего трудности ведения хозяйства в условиях постоянных служб и разброда и разорения крестьян.

Для проверки этого наблюдения я взял несколько крупных монастырей, выбирая такие, по которым мы имеем не случайно сохранившиеся данные грамоты, а полные списки их земельных приобретений, и произвел подсчет вкладов. Для подсчета были взяты крупные монастыри: Троицкий-Сергиев, Макарьев Колязин, Иосифов Волоколамский, Ипатьев Костромской, Симонов, Кириллов-Белозерский и несколько менее значительных. Подсчет дал такие выводы. Повышение количества крупных, средних и мелких вкладов начинает становиться заметным в последние годы первой Ливонской войны. За следующее десятилетие, приблизительно до 1570 г., рост вкладов неуклонно продолжается, а с 1570 г. по 1580 принимает совершенно катастрофический характер, причем очень значительную часть вкладов, быть может даже подавляющую, составляют те пустыри и неустроенные владения, которые только-что перед тем были получены выселенцами из опричных уездов. Нередки вклады родственников

---

[1] Публ. библ. имени В. И. Ленина, Архив Троицы-Сергиевой лавры, кн. 530, №№ 76, 78 и 136.

[2] О казни его отца, боярина Федора Семеновича и о последующей казни его самого см. РИБ, XXXI, СПб., 1914, Сочинения, кн. Курбского, стр. 304.

[3] Архив Троице-Сергиевой лавры, кн. 527, лл. 476 об. — 477, кн. 520, 196 об. — 199, 204—205 об., 199—202 об. Подобный случай с вотчиной кн. Засекина см. выше стр. 109.

лиц, казненных во время опричнины (если их вотчины не были конфискованы в опале). И в условиях вкладов наблюдается любопытная особенность. И раньше бывало, что вкладчик, давая вотчину, оставлял за собой или за своей женой и детьми право пожизненного владения всем вкладом или частью его, но это были исключения, которые теперь становятся очень частым явлением. Такие вклады по существу были отказом от хозяйственной самостоятельности и от своего хозяйства и передачей своей жены и детей под опеку и на содержание монастыря ценой вклада.

О размерах катастрофы говорит то, что за 10 лет до соборного приговора 1580 г., положившего предел этому массовому обезземелению служилого класса, указанные выше монастыри получили не меньше, а иногда больше вкладов, чем за целое столетие, предшествовавшее этому отрезку времени, т. е. 1570—1580 гг. При свете этих фактов становится понятным целый ряд крупнейших фактов последних лет царствования Ивана IV: и соборные приговора 1580 и 1582 гг. об отмене тарханных монастырских грамот и о непринятии и неприобретении монастырями земель, и запрещение крестьянского отказа и выхода, и быть может, и сама «отставка» опричнины и последовавший за этим возврат земель прежним вотчинникам, поскольку их вотчины были брошены опричниками и не были никому отданы.

Таким образом, пересмотр «людишек» в опричнине вызвал огромную перетасовку земельных отношений и разорение вотчинного землевладенья, а вместе с тем очень тяжело отразился на крестьянстве.

В заключение, для характеристики того же периода времени, т. е. 1552—1582 гг., следует сказать несколько слов о неурожаях, голодовках и эпидемиях этого времени. Бедствия этого рода посещали Русь давно и нередко, и если в этом периоде о них следует сказать, то только потому, что они совпали по времени с другими бедствиями, описанными выше, и в связи с ними оказали гибельное влияние.

Следует напомнить, что упомянутые выше войны, помимо тяжелых чрезвычайных налогов и службы самих землевладельцев, не раз потребовали «посохи», т. е. призывов в армию для службы в обозе и для разных работ военного назначения тяглых людей, в первую очередь крестьян. Посоха, тяжелые налоги, опричная перетасовка земельных отношений и разброд крестьян вызвали повсеместно значительный недосев полей. При таких условиях неурожаи от климатических причин принимали характер больших бедствий. В 1557 г. во многих местах хлеба были побиты весенними заморозками, а затем наступило дождливое лето и «бысть глад на земли по всем московским городам и по всей земле, а больше в Заволжье»... «и множество народа изомроша по всем градам.» [1] В 1561 г. большой местный неурожай случился

[1] Русский летописец, 68, изд. Общ. ист. и др. Рос.

в уездах, лежавших на запад от Москвы: «был град велик в Можайске да на Волоке и в иных во многих городах. Много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в понизовые городы, в Нижний Новгород».[1] Приблизительно с 1570 г., в самый разгар опричного террора, недороды и неурожаи местного характера становятся хроническим явлением, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы по разным случаям и из разных слоев населения.

В довершение всего Московское государство дважды пострадало от чумы. В первый раз эпидемия локализировалась на Западе. Занесенная в 1551 г. из Прибалтики в Псковскую область чума быстро перекинулась в Великий Новгород и продолжалась до декабря 1552 г. Русский летописец определяет количество умерших в Пскове и Новгороде в полмиллиона человек. Новгородские летописи, сообщая только о Новгороде, дают цифру умерших, имеющую видимость точности — 279 594 человека.[2] В действительности оба показания страдают несомненным преувеличением, но дают представление об огромных размерах смертности.

Вторая эпидемия была менее бурной, но распространилась на бо́льшую территорию. И на этот раз она была занесена с Запада и началась в Великом Новгороде с весны 1571 г., почти непосредственно после знаменитого разгрома Новгорода царем Иваном. Несмотря на все меры предосторожности, войска, сопровождавшие царя Ивана, при возвращении занесли заразу в центр государства. Впрочем на этот раз эпидемия не имела бурного течения, и смертность ограничилась местными очагами — в Угличе, Ярославле, Ростове и некоторых других уездах.

После заключения перемирий с Польшей и Швецией наступил период до 1600 г. относительного спокойствия и неустойчивого равновесия, период, прерываемый восстаниями недавно покоренных народов Среднего Поволжья, набегами крымских татар и столкновениями со шведами. На южном фронте почти все время было тревожно, и здесь были предприняты различные меры обороны и построено много городов-укреплений. В связи с этим произведены большие работы по укреплению Москвы: в 1586—1587 гг. Белый город был обнесен каменной оградой с башнями, а в 1591—1592 гг. вокруг посадов возведена деревянная стена. Несмотря на все предосторожности и меры, в 1592 г. Рязанский, Каширский и Тульский уезды подверглись такому разоренью и так много людей было уведено крымцами в плен, «яко и старые люди не помнят такие войны от поганых».[3]

Судя по сохранившимся писцовым книгам и другим источникам, можно установить приблизительно такие вехи кризиса.

---

[1] Русский летописец, 146.
[2] Там же, стр. 1, и Новгородские летописи, стр. 332—333, СПб., 1879.
[3] ПСРЛ, XIII, 45.

Жалобы на тяжесть чрезвычайных налогов и повинностей начинаются с казанских походов, и в 50-х гг. становится заметной то здесь, то там остановка в росте населения. В начале 60-х гг., т. е. в разгар первой войны за Ливонию, появляются первые несомненные признаки общего тяжелого экономического кризиса, который вскоре приобретает характер кризиса политического и выливается в форму опричнины, с описанной выше перетасовкой земельных отношений. Не одновременно и не все местности были задеты опричниной и вовлечены в кризис, но к концу 60-х гг. разорение и разброд населения охватили за исключением поморских уездов все государство. Если казанские походы остановили рост населения, то теперь наблюдается повсеместная убыль.

До конца царствования царя Ивана IV кризис неуклонно нарастает.

С 1583—1584 гг. наступает период относительного спокойствия и медленного оздоровления. Однако описания и дозоры, произведенные во всех городах в последующие годы, дают яркую картину глубокого разорения и большой убыли населения. Местности, в которых указанные события отразились слабо, представляли исключение.

При таком экономическом положении, конечно, не могло быть речи о возникновении новых селений и росте старых. В общем процесс укрупнения селений, который мы наблюдаем повсеместно в первой половине XVI в., во многих местах остановился совсем, а в большинстве местностей очень значительно замедлился.

Тем более интересным представляется то, что в некоторых монастырских владеньях мы можем наблюдать в это время и продолжающийся, хотя и замедленным темпом, процесс укрупнения селений, и факты определенной владельческой политики сосредоточения крестьян из пустевших деревень в остававшиеся жилые.

При описании владений Троицкого и Ипатьева монастырей в Костромском уезде мною было отмечено, что здесь опричнина послужила монастырям отчасти на пользу. Крестьяне, разбегавшиеся из поместий и вотчин, взятых в опричнину, приходили в монастырские владения и возмещали убыль населения от кризиса и тяжелых налогов. Таким образом, здесь монастыри имели возможность поддерживать старые селения, а иногда даже увеличивать их.

Были, однако, местности, подвергшиеся исключительно сильному разоренью, в которых владельческое укрупнение селений происходило, несмотря на значительную убыль населения. К таким, напр., местностям принадлежал Переяславский уезд, разоренный в сильной степени еще до зачисления его в опричнину. Здесь в обширных владеньях Киржацкого монастыря между описаниями 1563 и 1595 гг. мы наблюдаем несомненно последовательную политику перевода крестьян из пустеющих деревень в жилые. Таким образом монастырю удавалось, несмотря на убыль населения вообще, в одних случаях поддерживать в селениях

прежнее количество тяглецов и прежний строй землепользования, а в других — даже укрупнять селения.

Иногда мы можем наблюдать еще более энергичную меру — соединение двух жилых селений. Так, напр., в одном владении Троицкого монастыря в бассейне р. Киржача, а именно в с. Мячкове и дер. Бункове, по описанию 1563 г. было — в с. Мячкове 9 дворов крестьянских, а в дер. Бункове — 4 двора крестьянских. В писцовых книгах 1593 г. дер. Бункова показана пустой, а в с. Мячкове оказалось 13 дворов крестьянских.[1] Таким образом, с. Мячково увеличилось за счет населения дер. Бунковой, и в нем с 1593 г. было 30 четвертей (15 десятин) монастырской запашки.

Нет сомнения, что во всех подобных случаях сосредоточение крестьян в более крупных селениях было результатом владельческой политики. Весь вопрос только в том, каковы были мотивы этой политики.

Наблюдая рост владельческой запашки в течение всего XVI в., и в особенности во второй половине века, а также тот факт, что эта запашка, как правило, находилась обыкновенно в сельских полях, мы склонны были бы видеть в этом явлении главную причину укрупнения селений. Хозяйство многочисленных вотчин Троицкого монастыря в разных уездах как-будто подтверждает это предположение.

В писцовых книгах конца XVI в.[2] мы видим следующее. Повсеместно, пахали ли крестьяне пашню на монастырь повытно (так наз. десятинная пашня) или взтоном, т. е. коллективно, монастырская запашка всегда сосредоточена в сельских полях. Большинство крестьян, живущее в деревнях, отбывает эту повинность «наездом», т. е. приезжая на работы из своих деревень. Второе наблюдение: во многих владениях, преимущественно небольших, монастырской пашни и вообще монастырского хозяйства нет, но в крупных владениях, в особенности в старых, т. е. принадлежавших монастырю еще в XV в., мы видим значительную запашку. Таковы, напр., владения: Илемна в Верейском уезде, села Федоровское, Марьинское, Поемечье и Кувакино — в Костромском, Шухобалово и Никульское — в Ополье Юрьевского уезда, Синково, Ведерниче и Кончинино — в Дмитровском, Бужаниново и Глинково — в Переяславском.

Однако следует признать, что сосредоточение запашки в сельских полях было больше всего вопросом технических удобств обработки земли и само по себе вовсе не предрешало вопроса об укрупнении селений. В описанных выше владеньях мы видим, что для образования сельского поля владельцы ликвидируют близлежащие деревни и «припускают» их землю в сельское поле, но одновременно, и, быть может, более интенсивно, сдваиваются

---

[1] Писцовые книги Московского государства, I, стр. 834.
[2] Писцовые книги Московского государства, изд. под ред. Калачева.

и страиваются мелкие деревни, что не имело никакого отношения к образованию сельского поля. Затем мы видим, что и в XV в., и позже проживанье большинства крестьян в деревнях вовсе не исключало возможности владельческой запашки в селе. Очевидно, развитие владельческой запашки было одним из мотивов укрупнения селений, но никак не единственным и даже, быть может, не самым главным.

Мне представляется, что в основе указанной политики монастырей и боярства лежало изменение отношения землевладельца к своей земле, изменение характера частновладельческого хозяйства вообще, причем вопрос о запашке был вопросом частным. В XIV—XV вв. владельческое хозяйство носило характер кормлений, в том смысле, что землевладельцы получали готовые доходы деньгами и натурой, были «государями» земли и сидевших на ней людей, и мало интересовались тем, как подвластные им люди вели хозяйство. Если землевладелец заводил при помощи рабов собственное земледельческое хозяйство, то такое производство было рассчитано на домашнее потребленье, а не на рынок. Следует еще отметить, что в бюджете землевладельца в это время видное место занимала эксплуатация природных богатств: пушного и другого зверя, рыбных ловель и т. п. Давая ссуду, землевладелец заботился только о том, чтобы обеспечить себе возврат ссуды, а не о том, как используют ее закабаленные ею люди, т. е. перелагал риск и страх хозяйства на зависимое от него население боярщины.

Со второй половины XV в. кормления, как способ обеспечения служилых людей, начинают перерождаться в поместья. Уже древнейшие известные нам поместные грамоты (конца XV в.) дают помещику право и предусматривают заведение им собственной пашни и вообще хозяйства, но первоначально поместья сохраняют еще много черт кормлений, и только в XVI в. центр тяжести поместного владенья переносится с готовых доходов (с бывших доходов наместников и волостелей) на собственное хозяйство помещика. Аналогичное, с экономической точки зрения, явление наблюдается и в частновладельческих землях вообще.

В источниках XVI в. разбросано много указаний на то, что землевладельцы заводят собственное земледельческое хозяйство и в частности запашку трудом крестьян. Поскольку труд рабов выходил из употребления, вопрос об организации труда крестьян приобретал первостепенное значение. В этом процессе монастырские и церковные владения, в которых уже в XV в. рабский труд не применялся совсем, естественно заняли первое место. В деле организации и более интенсивной эксплуатации крестьянского труда на первом месте стояло изменение характера землепользования. Проживание крестьян в мелких разномерных деревнях было на этом пути большим препятствием. Режим содержания скота на воле, беспорядочное пользование лесами и угодьями, хищническое отношение к природным богатствам вообще — все это

становилось нерациональным и убыточным по мере роста населения и вздорожания земли. Вторым, не менее отрицательным с владельческой точки зрения следствием господства мелких деревень было отсутствие норм оклада и надела. Эти нормы, как было показано выше, возникли и раньше развились в крупных владениях, в дворцовых, затем в монастырских и церковных, и наконец в частных, и в пределах этих владений раньше были применены в крупных селениях.

Учитывая указанные факты и явления, приходится признать, что мотивами владельческой тенденции укрупнять селения были: более рациональное использование земли, введение норм оклада повинностями, а затем надельных норм и, наконец, нужды владельческого собственного хозяйства, в частности пашни.

Развитие частновладельческого хозяйства в свою очередь вызывалось и обусловливалось развитием рынков сбыта и развитием денежного и товарного обращения. Не касаясь этого важного вопроса в целом, отмечу важнейшие факты. Огромный сдвиг в этом отношении произошел в последней четверти XV в. в связи с ликвидацией уделов и независимости Великого Новгорода и с объединением северо-восточной Руси под властью московских великих князей. В первой четверти XVI в. в том же направлении стал действовать наплыв драгоценных металлов из Америки в Западную Европу, а затем и в Московское государство. Это дало огромный стимул для развития сельскохозяйственного производства на сбыт и вызвало, как было упомянуто выше, быстрый рост цен на землю.

Во второй половине XVI века в том же направлении оказали огромное влияние два факта: завоевание Волжского пути после падения Казанского и Астраханского царств и открытие англичанами в 1555 г. Беломорского пути. Волжский и Беломорский пути, несравненно более удобные, чем старые пути на Запад через Прибалтику, не только выводили торговый капитал Московского государства на международный рынок, но создавали то, в чем остро нуждался тогда торговый капитал Западной Европы, — путь из Западной Европы на Восток. Открытие Беломорского и Волжского путей вызвало в самом непродолжительном времени перестановку всех внутренних путей и рынков сбыта.

От развития и перестановки торговых путей больше всего выиграли — Москва, как центр государства, и поволжские города и уезды, лежавшие на северо-восток от Москвы: Ярославль, Кострома, Нижний и Казань. Благодаря этому развитие владельческого хозяйства с производством на сбыт получило сильнейший толчок и сказалось в частности в развитии владельческой запашки и в тенденции «организовать» труд крестьян в укрупненных селениях.

В переживаемых тогда народным хозяйством событиях были особые условия, которые настоятельно требовали от владельцев активного вмешательства в организацию крестьянского хозяй-

ства. Разоренное в массе крестьянство в лучшем случае едва поддерживало свое хозяйство, а то так просто бросало его и разбредалось розно, как тогда говорили. Выше было показано, как землевладельцы добивались независимости своих владений от княжеской администрации и приняли на себя небезвыгодную податную ответственность за население своих вотчин. Теперь в условиях кризиса и тяжелых чрезвычайных налогов землевладельческий класс имел возможность познакомиться с оборотной стороной этих привилегий. Особенно тяжелой и подчас несовместимой со службой податная ответственность стала для рядовых и мелких служилых землевладельцев. И можно думать, что именно в этой среде прежде всего зародилась идея лишить крестьян права отказа и выхода, прикрепить их к тяглу и таким образом оградить свои поместья и вотчины от конкуренции в борьбе за рабочие руки крупного служилого землевладенья, монастырей и князей церкви.

Этой борьбой в среде землевладельческого класса, очевидно, объясняется компромиссный характер указов о «заповедных летах», т. е. временный запрет — «до государева указа» — крестьянского выхода.

В такой сложной обстановке происходили развитие владельческого хозяйства и связанное с ним укрупнение селений. Этим, очевидно, объясняются какая-то неуверенность и разнобой в политике землевладельцев в этом вопросе, которые мы наблюдаем во второй половине XVI в.: в одних случаях мы видим интенсивное укрупнение селений и развитие владельческой запашки, а в других случаях, в зависимости от местных условий, сохранение селений старого типа и даже возникновение новых мелких деревень.

Следует еще заметить, что указанные явления наблюдаются только в крупных владениях, боярских, монастырских и церковных. Огромное же большинство рядовых служилых землевладельцев, сидевшее в своих небольших поместьях и вотчинах, было слишком слабо экономически, чтобы заводить производство на сбыт и заниматься реорганизацией селений. Их очередь принять участие в этом процессе пришла много позже, в XVII в., в условиях полного закрепощения крестьян и сравнительного подъема народного хозяйства.

Период относительного спокойствия, наступивший после 1583 г., был прерван событиями первых двух десятилетий XVII в. Этот второй период больших разорений хорошо известен в литературе, не раз был описан и иллюстрирован статистическим материалом, и я могу ограничиться только некоторыми дополнительными замечаниями.[1]

Крестьянской войне почти непосредственно предшествовал со-

---

[1] См., напр., Ю. В. Готье, Замосковный край в XVII в., М., 1906, глава III, Влияние Смутного времени, стр. 208—256. Несколько ярких фактов см. выше в описании владений.

вершенно исключительный трехлетний голод 1600—1602 гг. Дождливое и холодное лето 1600 г. задержало созревание хлебов, которые были побиты необычайно ранним морозом 15 августа. В этом году, как говорит Новый летописец, люди еще питались «с нужею» старыми запасами и новым хлебом, но озимые и весенние посевы, произведенные недозрелыми семенами, дали полный неурожай: «ничто не взошло, все погибе в земле» и «бысть глад велий, яко и купить не добыть».[1]

По свидетельству современников, от голода умирало больше людей, чем от «поветрия морового». Ближайшими следствиями голода были: разброд голодающих, огромная смертность и развитие разбоев и грабежей.

Появление и воцарение Димитрия I обошлось без больших разорений. Началом кризиса можно считать гражданскую войну, вспыхнувшую на юге в 1607 г. Разгром восстания Ив. Болотникова сопровождался сильнейшим разореньем «украинных», т. е. южных городов. Образование в Тушине центра армии Димитрия II распространило кризис на запад и север от Москвы, которое затем захватило почти все замосковные города. В 1610 г. после свержения царя Василья Шуйского, с началом польско-литовской и шведской интервенции, центральное правительство в Москве фактически перестало существовать. С 1612 г. к неоднократным разореньям присоединились тяжелые чрезвычайные налоги, связанные с реставрацией власти, и так продолжалось до 1619 г., до заключения мира с Польшей. В общем период кризиса продолжался почти 20 лет и по интенсивности и по территории не уступал периоду с 1552 г. по 1582 г.

С 1620 г. прекратился сбор чрезвычайных налогов, постоянные прямые налоги были значительно понижены, даны большие льготы особо разоренным местностям, и повсеместно началась хозяйственная реставрация. Последующее время выходит за пределы моей темы, и я ограничусь тем, что укажу основные черты восстановления владельческого хозяйства и селений.

События 1552—1582 гг. уничтожили огромное количество селений, преимущественно мелких. Немногие из них были восстановлены в последовавшие годы относительного спокойствия. Еще большее количество селений было разорено и сожжено во время гражданской войны и польско-литовской интервенции. Эти периоды разорений были настолько длительны, что пашенные и покосные земли исчезнувших селений поросли лесом, где «в жердь и в кол», а где и в «бревно». Таким образом деревенские участки утратили свой комплексный сельскохозяйственный характер и превратились в пустоши, на которых надо было вновь расчищать землю под пашню и покосы. Так была расчищена почва для устройства новых селений и новых хозяйств.

Наблюдая хозяйственную реставрацию, начавшуюся с 1620 г.,

---

[1] ПСРЛ, XIII, 55.

мы видим, что землевладельцы в первую очередь восстанавливают хозяйство и сажают крестьян в уцелевших селениях, а затем в тех, которые запустели недавно, где разработанные земли не успели еще порасти большим лесом. При других условиях и в другое время, напр. во второй половине XV в., землевладельцы предоставляли крестьянам селиться мелкими деревнями и «рассекать» и «поджигать» леса под пашню своими силами. Теперь условия жизни во многом и очень существенно изменились, и землевладельцы стали относиться совершенно иначе к расселению крестьян в своих владеньях.

На первом месте, конечно, следует поставить значительное понижение уровня благосостояния сельского населения вообще. Объективным признаком этого несомненного факта является рост бобыльства в составе тяглого населения, хорошо освещенный в литературе.

При всех разногласиях историков относительно бобылей, разногласиях, проистекающих главным образом из того, что они пытались подогнать под одно определение различные виды бобыльства, бесспорным остается то, что бобыль — маломощный человек, по праву такой же крепостной, как крестьянин. В одних случаях он сидел на оброчном тягле, в других нес тягло меньшее, чем крестьяне, и при помощи владельческой ссуды мог перейти из бобыльства на крестьянское тягло. Во всяком же случае — это человек экономически очень слабый и более зависимый от землевладельца, чем крестьянин. Под этим углом зрения и следует рассматривать рост бобыльства после крестьянской войны.

В монастырских вотчинах в первые десятилетия XVII в. появляется еще одна категория зависимых людей, известных и в XVI в., но теперь ставших многочисленными, это — монастырские детеныши. Детеныш — батрак в подлинном смысле слова. Если бобыль мог иметь свой двор и свое хозяйство, то детеныш не имел ни того, ни другого. Он получал месячный «отсыпной хлеб», обувь, одежду и помещенье и по усмотрению монастырских властей делал в монастыре любую работу, ухаживал за скотом или обрабатывал под присмотром монастырских приказчиков землю (см. выше стр. 91). Детеныши были настолько придавлены экономически и беспомощны, что вопрос относительно юридического закрепления их никогда не поднимался.

О низком уровне благосостояния крестьян и бобылей вообще говорит развитие в это время владельческой ссуды. Совершенно неправильно представлять себе, будто землевладелец давал крестьянину ссуду с целью закрепостить его, — в этом теперь уже не было никакой надобности, так как крестьяне были лишены права отказа и выхода, — ссуду приходилось давать по необходимости, так как без нее, в виде общего правила, крестьянин не мог порядиться вновь и завести хозяйство, если он сидел уже на земле. В 1631 г., в связи с новыми описаниями, зубцовские

землевладельцы жаловались: «А которые, государи, у нас, холопей твоих, остались от разоренья бобылишка, и те кормятся Христовым именем, а иных мы, холопи ваши, тем же вашим государским жалованьем денежным делимся и подмогаем». Торопчане тогда же говорили, что к ним из разных городов сходятся разбежавшиеся крестьяне «на старые свои печища»... «и те крестьяне ныне живут за ними на льготе, а помогают их они государевым денежным жалованьем.»[1]

В этих заявлениях невидно преувеличения, по крайней мере для времени с 1620 г. и для мелких поместий и вотчин. Нет надобности говорить, что эти ссуды обходились крестьянам дорого и держали их в постоянной зависимости от землевладельца.

Второй важный факт периода перестройки хозяйства и селений есть то, что она происходила в условиях полного закрепощения крестьян, т. е. отсутствия у них права покинуть легально тягло, на котором они были записаны. Обычно принято относить время полного закрепощения крестьянства к отмене так наз. урочных лет для сыска и возврата беглых, т. е. ко времени подворной переписи 1646 г. и Соборного уложенья 1649 г. Это недоразумение основано на незнании процессуального права, в частности норм «суда во крестьянстве».

По существовавшим в приказном суде правилам было необходимо, чтобы предъявить иск, указать место, где скрывается бежавший крестьянин, и лицо, к которому предъявляется иск, т. е. землевладельца, к которому он бежал. Простые заявки о побеге не имели никакого юридического значения. Этим обстоятельством пользовались землевладельцы, имевшие поместья и вотчины в нескольких уездах, т. е. преимущественно крупные землевладельцы. Они подговаривали крестьян своих соседей к побегу и увозили их в свои отдаленные владения. Проходило много лет, пока потерпевшему удавалось «проведать», куда и к кому бежал его крестьянин, и предъявить иск. Такие запоздалые иски представляли для судов большие затруднения и вызывали неудобства с государственной точки зрения: бежавший за эти годы успевал завести хозяйство и мог быть записан в тягло на своем новом месте в писцовые книги. Этими обстоятельствами и были вызваны указы об урочных летах для предъявления исков, начиная с первого указа 1597 г. В дальнейшем мы видим, что требования отмены урочных лет шли всегда от рядовых служилых землевладельцев, которые жаловались, что крупные землевладельцы и монастыри скрывают беглецов в своих отдаленных владеньях, где беглые «заживают урочные лета», «выходят из урочных лет», и что они таким образом теряют право иска и вместе с тем тяглеца. Ясно, что вопрос об урочных летах для сыска беглых, решенный окончательно Соборным уложеньем 1649 г., был вопросом борьбы разных слоев землевладельческого класса из-за крестьянских рук.

[1] Акты писцового дела, II, стр. 180 и 188.

и крестьянин не становился «свободнее» от того, что мог иногда перейти на новое место закрепощения, с большим риском быть наказанным и возвращенным на старое.

В порядных крестьянских записях XVII в. мы находим много указаний на бесправное положенье крестьянина. В некоторых порядных указывается, в какое селение и на какое тягло рядится крестьянин, так что может создаться впечатление, что у него была возможность выбора, но в большинстве порядных этого нет, и крестьянин обязывается жить там и на таком тягле, «где государь укажет», «где государь посадит».

Мне казалось необходимым сделать это отступление, чтобы показать, что в рассматриваемом периоде землевладельцы были вполне свободны сажать крестьян и устраивать в такие селения, как им казалось наиболее целесообразным, и не только в пределах владения, но и переводить их в свои владения в других уездах.

В такой обстановке происходили восстановление владельческих хозяйств и реконструкция селений на новых началах. Впереди в этом деле шли, конечно, крупные землевладельцы: верхи служилого класса, монастыри и князи церкви. Далеко от них отставая, делали то же мелкие землевладельцы. В хвосте движенья тянулись низы служилого класса, сидевшие на мелких поместьях. Таким образом, в одних уездах и в одних владениях, где раньше, а где позже, в зависимости от местных условий, приблизительно с 30-х гг. XVII в. складывался тот состав селений, которые существовали затем в XVIII—XIX вв. и в большинстве случаев простояли до наших дней. В дальнейшем по мере роста населения происходило естественное укрупнение селений, местами в виде исключения ликвидировались мелкие селения, но в основном процесс уничтожения деревень-хуторов, начатый владельцами в конце XV в., был завершен разореньями первых двух десятилетий XVII в.

Указатель географических имен

Сокращения: дрв. = деревня, г. = город, поч. = починок, пуст. = пустошь, р. = река, с. = село, сц. = сельцо, сщ. = селище, у. = уезд.

Абрамова, дрв. Переяславск. у. 101.
Абросова. дрв. Ростовск. у. 114
Авдеево-Грибакино, дрв. Ростовск. у. 118.
Аксеново, дрв. Ростовск. у. 118.
Алабышево, с. Московск. у. 76
Александров, г. б. Владимирск. губ. 101, 104.
Александрова слобода, Переяславск. у. 135
Александрово, с. Переяславск. у. 23, 106, 107
Алексейкова, дрв. Переяславск. у. 64, 65
Алексино, дрв. у с. Медны, Новоторжск. у. 92
Алексино, с. в Стародубе Ряполовском 23, 111, 112
Алексинский стан, в Стародубе Ряполовском 111
Алехово, дрв. у с. Медны 92, 93, 94
Алымово, сц. в Вышгороде Верейск. у. 136
Америка 143
Ананьина, дрв. под Москвой 70
Андоба, приток Костромы 118
Андома. р. 126
Андомская волость, Костромск. у. 125
Андреева, дрв. Переяславск. у. 99
Андреевская, дрв. Рузск. у. 73, 74
Андреевское, дрв. Ростовск. у. 118
Андреевское-Цвелово, с. Юрьевск. у. 108
Андреевское, с. Звенигородск. у. 79, 80
Андрея Митенина. дрв. Ростовск. у. 114, 132
Андронеж, с. Ростовск. у. 116, 118
Андроников стан, Костромск. у. 124
Аносова, дрв. Углицк. у. 90
Антиппина, дрв. Московск. у. 75
Антипкиных детей, дрв. Ростовского у. 115, 132
Аргуновская волость Переяславск. у. 105
Арефина, дрв. Московск. у. 76
Арзамасский у. 39
Архимарича, дрв. Московск. у. 75
Астраханское царство 133, 143
Афанасова, дрв. Звенигородск. у 79; дрв. под Московой, 70
Афишеево, с. Юрьевск. у. 108
Афремово, дрв. Переяславск. у. 103
Ашелаева, дрв. Углицк. у. 92

Бабино, с. Костромск. у. 124
Баглаева, дрв. Костромск. у. 120
Бакино, с. Переяславск. у. 23, 107, 135
Балмазово, дрв. Московск. у. 98
Банька, приток Москвы 71
Баранова, дрв. Можайск. у. 81; дрв. Ярославск. у. 129
Баранова-Еськина, дрв. Ростовск. у. 118
Барвино, дрв. Ярославск. у. 129
Басово, дрв. Переяславск. у. 64
Баулина, дрв. Переяславск. у. 102
Бахтерникова, дрв. Переяславск. у. 104
Бачевка, р. в Переяславск. у. 105
Баткина, дрв. Переяславск. у. 106
Башмаково, сц. Тверск. у. 24
Бебяково, с. Дмитровск. у. 29, 30
Бедарев поч., в Московск. у. 75
Бежецкая пятина В. Новгорода 31
Бежецкий уезд 18, 27
Беклемишево, с. Переяславск. у. 22
Белгино, с. Звенигородск. у. 81
Белград, городок и стан Кашинск. у. 17
Бели, волость Московск. у. 95
Белково, дрв. села Петровского 73

Белозерово. дрв. Звенигородск. у. 81
Белозерский удел 41, 67
Белозерский у. 118
Беломорский путь 143
Белоозеро 23, 26, 41, 48, 51, 52. 56, 65, 67, 73
Белый город 139
Березник (Троица на Березнике) дрв. Московск. у. 97, 99
Березниково, дрв. Переяславск. у. 101
Березно, дрв. Бежецкой пятины 31
Березовец Верхний, волость Костромск. у. 125
Берендеев стан, Дмитровск. у. 17
Берново, с. Тверск. у. 25
Бобошино, с. Переяславск. у. 100, 101
Бобровники 85
Богдан, дрв. Костромск. у. 120
Боголюбский стан, Владимирск. у. 109, 110
Богородица на Исакове озере, погост в Вохне Московск. у. 21
Богородицкое. с. Коломенск. у. 136; с. Московск. у. 97, 99
Богородский у. Московской губ. 20
Богородская, дрв. Московск. у. 99
Богословское, с. Владимирск. у. 108; с. Юрьевск. у. 108
Болобаново. дрв. Можайск. у. 81
Бологово. дрв. Ростовск. у. 114
Болсуново, дрв. Московск. у. 99
Борково, с. Московск. у. 97, 99
Бортниково, дрв. Переяславск. у. 102
Бортный стан Дмитровск. у. 17
Боршевское городище 8
Борушка-Голобилово, дрв. Ростовск. у. 118
Брашев стан, Коломенск. у. 20
Бродовое, дрв. Ростовск. у. 118
Бронницкий у. Московск. губернии, 20
Брюхово, дрв. Верейск. у. 82
Брянцево, сц. Владимирск. у. 109
Бужаниново. с. Переяславск. у. 101, 102, 107, 132, 141
Букино-Починок, дрв. Ярославск. у. 129
Буково. дрв. Ростовск. у. 118
Булатово, дрв. Ростовск. у. 118
Бунакова, дрв. Звенигородск. у. 80
Бунаково, с. Переяславск. у. 23, 107
Бунково, дрв. Переяславск. у. 141
Бухалово, с. Владимирск. у. 109
Буяково, с. Костромск. у. 125, 126, 127
Быковка, р. в Ильмне 81

Вавулино, дрв. Кашинск. у. 62
Вакчала приток Киржача 102
Вантесво-Галино, дрв. Переяславск. у. 64
Васильева, дрв. Переяславск. у. 106; дрв. Углицк у. 92
Васильево, сц. Тверск. у. 24
Васильевское, с. в Стародубе 112; с. Углуцк. у. 91
Васильцов стан, Московск. у. 137
Васюкова. дрв. Московск. у. 99
Васюкова-Телибанова, дрв. Белозерск. у. 67
Ведерниче, с. Дмитровск. у. 141
Векса, приток Костромы 118
Великая слобода, Переяславск. у. 104—105
Веля, приток Дубны 27, 29
Верейский уезд 81, 82, 83, 132, 136, 141
Верхдубенский стан, Переяславск. у. 64. 95, 97, 99, 101
Веска, сц. Переяславск. у. 106
Вески-Коржавина. дрв. Кашинск. у. 60
Вифания, скит Тр.-Сергиевой лавры. 101
Владимир, г. 54, 96, 108, 110
Владимиро-Суздальское ополье см. Суздальское Ополье
Владимиро-Суздальская земля 95
Владимирский уезд 27, 47, 108, 109, 137
Власова, дрв. Московск. у. 98
Внуково, дрв. Углицк. у. 92
Водрино, дрв. Верейск. у. 82
Воздвиженское, с. Углицк. у. 89
Волга, р. 19. 61, 84, 85, 89, 118, 127, 128
Волжский путь 17, 133, 134, 143
Вологда, г. 51, 118
Вологодский у. 118
Володарева, дрв. Кашинск. у. 62 63
Волок Ламский 75, 96, 139
Волок Словинский 68
Волосцево, дрв. Ростовск. у. 118
Волоцкая дорога 70
Вондога, приток Молокчи 18, 99
Воробьево, с. под Москвой 69
Ворожина, дрв. Галицк. у. 92
Воронина, дрв. Переяславск. у. 101
Воронино, с. Переяславск. у. 101; сц. того же уезда 106
Воронцово, с. Владимирск. у. 110
Ворошилово, дрв. Ярославск. у. 129
Воря, волость Московск. у. 32, 64, 95, 96, 97, 98, 99, 102
Воря, приток Клязьмы 27 96, 97, 99
Воскресенск, г. 72

Воскресенский погост у озера Чашникова, Ростовск. у. 117
Воскресенское, с. в Стародубе, 111, 112; сц. Переяславск. у. 64
Восток (Ближняя Азия) 143
Вохна. волость Московск. у. 21, 136
Вохонка, приток Клязьмы 21
Вохтома, р. 24, 123
Вощилово, дрв. Кашинск. у. 59
Всесвятское (Святые Отцы), с. под Москвой 70
Всеславль, с. Владимирск. у. 108
Всходня, приток Москвы 76
Выдра-Лютново, дрв. Ярославск. у. 129
Высоцкая, волость Коломенск у. 20, 21, 47
Вышгород, Верейск. у. 82, 95, 136
Вышегородский стан, Дмитровск. у. 17, 95
Вязовое. дрв. Ростовск. у. 118
Вятка, 39
Вятско, с. Костромск. у. 24, 123
Вяхорева, дрв. Переяславск. у. 22

Георгия Великого погост, ныне Новогеоргиевский в б. Высоцкой волости 20
Гилево, дрв. Костромск. у. 119, 120
Глинково, дрв. Рузск. у. 73; с. Переяславск. у. 99, 101, 141
Глухое-Малиново, дрв. Ростовск. у. 118
Голенищево-Троицкое, с. под Москвой 69, 70
Голышкин поч., Кашинск. у. 63
Горбунова, дрв. Переяславск. у. 106
Горели, дрв. Ярославск. у. 129
Горетов стан. Московск. у. 71, 75, 76, 77
Горицы, с. Владимирск. у. 110
Горки, дрв. Ростовск. у. 115, 118,; с. Переяславск. у. 105
Горки-Осипово, дрв. Ярославск. у. 129
Горнева, дрв. Звенигородск. у. 80
Городок (Радонеж), с. Московск. у. 95
Городской стан Углицк. у. 131
Гостнева, дрв. Коломенск. у. 136
Гостунский стан. Кашинск. у. 17
Гребенка, дрв. Ростовск. у. 114
Гребнева, дрв. Углицк, у. 92
Грибановская, дрв. Кашинск. у. 62
Григорово-Починок, дрв. Ростовск. у. 118
Григорьево, дрв. Ростовск. у. 114
Гридина, дрв. Переяславск. у. 29
Гридинская слободка. Кашинск. у. 86
Гришина, дрв. Ярославск. у. 129
Грязовица, приток Нахабинки 77
Губачева, дрв. Ростовск. у. 114
Губино, с. Можайск. у. 81, 98
Гуслицкая волость, Московск. у. 136

Давыдкова, дрв. под Москвой 70
Давыдова, дрв. Переяславск. у. 106
Дебола, с. Ростовск. у. 27
Демидова, дрв. Московск. у. 98
Демидова Поляна, поч. Московск. у. 76
Демнево, дрв. Ростовск. у. 118
Дергайцево, дрв. Костромск. у. 127
Дерюзино-Михайловское, с. Переяславск. у. 18, 101
Дикое, с. Верейск. у. 83, 84, 132
Дмитриевское Гузеево. с. Звенигородск. у. 78, 79, 80, 132
Дмитровский погост, Вохонской волости 21
Дмитров, г. и уед 17. 22, 27, 29, 47, 60, 72, 73, 74, 78, 84, 87, 95, 97, 141
Днепр, р. 133
Добрейцево, дрв. Костромск. у. 120
Добрилово, с. Переяславск. у. 105
Доброе, с. Владимирск. у. 53, 54
Добрячево, с. Юрьевск. у. 108
Доманово, дрв. Кашинск. у. 61, 62
Дон, р. 133
Дорогомиловская застава 69
Доронина, дрв. Углицк. у. 89
Дрозна, р. 21
Дубацино, с. Звенигородск. у. 81
Дубенка, приток Шерны 95
Дубенский стан, Кашинск. у. 17
Дубининское, дрв. Переяславск. у. 101, 102
Дубна, приток Волги 17
Дубовицы, пуст. Костромск. у. 119
Дуброва, дрв. села Медны 92
Дуганово, дрв. Углицк, у. 89
Дудкина, дрв. Переяславск. у. 107
Дуплехов стан, Костромск. у. 124
Дуракова, дрв. Верейск. у. 82
Дьяково, дрв. Переяславск. у. 102
Дьяконов поч., Московск. у. 75
Дьяконова, дрв. под Москвой 70
Дьяконово, сц. Тверск. у. 24
Дютково, с. Звенигородск. у. 81

Европа Западная 134, 139, 143
Егорьевск, г. Рязанской губернии 20
Егорьевское, с. Верейск. у. 82
Елино, дрв. Московск. у. 77
Елдегино, с. Московск. у. 71
Емсна (Емецкая) волость, Костромск. у. 118, 119, 120, 122

Емсна, приток Солоницы 119
Ерденика, дрв. в Стародубе 112
Еремейцево, дрв. Ростовск. у. 118
Есипова, дрв. Переяславск. у. 103
Еськина, дрв. Ростовск. у. 114; дрв. Углицк. у. 91, 92

Жабенская слобода, Кашинск. у. 86
Жабенский стан, Кашинск. у. 17, 19, 60, 63, 84, 85, 87, 131
Жабин поч., Углицк. у. 90
Жабна, приток Волги, 62, 85
Жарки, дрв. Кашинск. у. 61
Жаровка, приток Нерехты 118
Желдыбино, с. Переяславск. у. 103
Желябино, дрв. Московск. у. 77
Житково, с. Владимирск. у. 108
Жуйково, дрв. Рузск. у. 73

Заволжье 138
Завостинская слобода, Кашинск. у. 17
Загорск, б. Сергиев посад, 25, 99
Загорье, с. Тверск. у. 25
Задубровские слободы, Большая и Малая, Кашинск. у. 18
Займище Большое, дрв. Ярославск. у. 129
Закхеино, дрв. Углицк, у. 91, 92
Залужье, дрв. у с. Медны 92
Замосковный край 18, 144, 145
Замосковье 96, 108, 131, 133
Заозерский рубеж, Кашинск. у. 86
Заозерье, дрв. Ростовск. у. 117, 118
Заонежские погосты 39
Зарадомский стан, Дмитровск. у. 17
Заречье, дрв. Ярославск. у. 129
Захарова, дрв. под Москвой 70
Звенигородский уезд 78, 79, 80, 96, 113, 123, 132
Зверева, дрв. Кашинск. у. 62, 63
Зевендеева, дрв. Ростовск. у. 115, 116
Зеленцыно, с. Переяславск. у. 29
Золотов стан, Юрьевск. у. 108
Зубачево-Юрьевское, с. в Радонеже 99
Зубцов, г. 146

Ивакино, дрв. Московск. у. 74, 75
Ивакино-Покровское, с. Московск. у. 74
Иванов бор, волость Белозерск. у. 52
Ивашково, дрв. у с. Петровского 73
Ивашково, с. Ростовск. у. 113, 114, 115, 116, 132; с. Тверск. у. 25
Игнатово, дрв. Московск. у. 75; с. Тверск. у. 23
Иевле, с. Московск. у. 23
Ижва, Ижевский стан Дмитровск. у. 17, 72, 73, 74

Илемна, волость Верейск. у. 81, 82, 83, 94, 132, 141
Ильинки, дрв. Переяславск. у. 101
Ильино, дрв. Углицк. у. 92
Ильинский бор, в Углицк. уезде 89
Ильинское, с. Владимирск. у. 110 с. Тверск. у. 25; с. Юрьевск. у. 108
Ильмехотский стан Владимирск. у. 109, 110, 111
Инарева, дрв. Углицк. у. 89
Инобожский стан, Дмитровск. у. 17, 64, 95, 96, 97
Исаково озеро 21
Искосница, дрв. у с. Медны 92, 94
Истомина, дрв. Ярославск. у. 129
Истра, приток Москвы 78
Итларь, дрв. Ростовск. у. 118

Казань, г. 133, 143
Казанский край 59
Казанское царство 133, 143
Калинино, дрв. Переяславск. у. 106
Калита, дрв. Ярославск. у. 129
Каменский стан Дмитровск. у. 17, 27, 97
Каплино, дрв. у с. Петровского 73
Карабузинский ручей, приток Нерехты 59
Караулово, сц. Московск. у. 75, 76
Караш, озеро в Ростовск. у. 116, 117
Караш-Святославль, слобода Ростовск. у. 24, 25, 32, 116, 117, 118
Карашская волость Ростовск. у. 116, 118
Каргополь, г. 39
Каринское, с. Звенигородск. у. 81; с. Переяславск. у. 104
Касть, р. в Костромск. у. 123, 124
Катавасьева, дрв. Переяславск. у. 64
Катлышкина, дрв. Углицк. у. 92
Кашин, г. 59, 60, 65, 84, 86
Кашина, приток Волги 59
Кашино, дрв. у Соли Галицкой 125
Кашинский удел 17, 84
Кашинский уезд 12, 32, 65, 85, 90, 131
Кашира 41
Каширский уезд 139
Квашнина, дрв. Переяславск. у. 103
Кездру, озеро в Бежецкой пятине 31
Киверичи, дрв. Рузск. у. 73
Киев, г. 12, 16, 108
Кильгино, дрв. Ростовск. у. 118
Кинельский стан, Переяславск. у. 18, 22, 64, 96, 97, 99, 100, 101, 102
Кинельский (Городской) стан, Углицк. у. 18, 84, 85, 131

Кипрей, дрв. Переяславск. у. 104
Киржач, г. 102
Киржач Большой, приток Клязьмы 102, 105, 141
Киржач Малый, приток Б. Киржача 104
Киселево, с. Тверск. у. 23
Кисляково, дрв. Владимирск. у. 110
Киснема, волость Белозерск. у. 67
Клеков стан, Владимирск. у. 110, 111
Клементьево, с. в Радонеже 25, 26, 99
Климово, с. Тверск. у. 23
Климятино, дрв. у с. Медны 92
Клобуковская землица в Кашинск. у. 60
Клязьма, приток Оки 21, 27, 74, 75, 108, 109, 110, 111, 112
Ковалево, с. Владимирск. у. 110
Коведяево, с. Переяславск. у. 106
Ковров, г. Владимирск. губернии 110
Ковровский у. Владимирск. губ. 111
Козино, с. Московск. у. 77
Козихин переулок, в Москве 70
Козицино, дрв. Переяславск. у. 101
Козодавлево-Траанеево-Успенское, с Московск. у. 23, 74, 75, 131
Козье болото, с. под Москвой 70
Козьмодемьянский стан и погост — см. Кузьмодемьянский стан и погост.
Кокичева, дрв. Переяславск. у. 99
Колкач, дрв. Белозерск. у. 68
Колобинское, дрв. Переяславск. у. 106
Колокша, приток Клязьмы 109
Коломенский уезд 20, 47, 78, 136
Коломна, г. 82
Колосова, дрв. Углицк. у. 90
Колошино, с. Тверск. у. 24
Колпаково, дрв. Переяславск. у. 104
Колшево, с. Костромск. у. 124
Кольцовское, сц. Тверск. у. 24
Колягино, с. и погост в Ростовск. у. 117, 118
Комарев стан Коломенск. у. 20
Константиново, дрв. Углицк. у. 92
Кончинино, с. Дмитровск. у. 141
Коприно, с. Ярославск. у. 127, 128, 129
Кореньки, дрв. Дмитровск. у. 72, 74
Коржень, с. Можайск. у. 81, 98
Корзенев городок, в Московск. у. 95, 98
Корзенев стан, Московск. у. 18, 64, 98, 99
Корзеневская волость Моск. г. 81, 95
Корзла, волость Костромск. у. 123, 124
Коробчеево, с. Звенигородск. у. 81
Коростели, поч. Углицк. у. 90
Корытово, дрв. Ростовск. у. 118
Косинское, с. Юрьевск. у. 108
Косово, сц. Костромск. у. 119
Косорезово, дрв. Ростовск. у. 118
Костенево, с. Костромск. у. 124
Кострома, г. 118, 123, 124, 126, 143
Кострома, приток Волги 118, 124, 125
Костромской уезд 24, 41, 118, 119, 123, 124, 124, 127, 131, 140
Костькова, дрв. Московск. у. 98, 99
Костюнина, дрв. Переяславск. у. 103
Костякова, дрв. Переяславск. у. 103
Кочемль городок, стан Кашинск. у. 17
Кошелево, дрв. Рузск. у. 73
Кошурина, дрв. Ростовск. у. 115
Красильникова, дрв. у с. Медны 92, 94
Красная, дрв. Углицк. у. 92
Красникова, дрв. Кашинск. у. 63
Красное, с. Владимирск. у. 54; с. Кашинск. у. 62 с. Углицк. у. 85
Круглое, земля в Переяславск. у. 22
Крутец, дрв. Ярославск. у. 129
Крымское царство 133, 134
Кувакино, с. Костромск. у. 118, 119, 120, 122, 123, 141
Кудрино, с. под Москвой 70
Кузнецово, дрв. Верейск. у. 83
Кузьмодемьянский погост в Корзеневе Московск. у. 18, 95, 98
Кузьмодемьянский стан Дмитровск. у. 17, 18
Куначево, дрв. Углицк. у. 89
Курышинский рубеж Кашинск. у. 86
Кусуново, с. Владимирск. у. 109

Лабунино, дрв. Переяславск. у. 106
Лазарцево, дрв. Ростовск. у. 118
Лаптево сц. Переяславск. у. 29
Ларионова, дрв. Ярославск. у. 129
Левин поч. Рузск. у. 73
Левина, дрв. Верейск. у. 82
Левкова, дрв. Ярославск. у. 129
Левонцево, дрв. Переяславск. у. 103
Левушина, дрв. Московск. у. 75
Леоново, дрв. Переяславск. у. 101, 102
Лещихино-Почепаево, дрв. Ростовск. у. 118
Ливония 43, 134, 137, 140
Ликург, волость Костромск. у. 125
Лисина, дрв. Ярославск. у. 129
Листвянка, дрв. Ростовск. у. 114
Листвянок, земля в Кашинск. у. 63

Литовское государство 56, 92, 134
Локотня, с. Звенигородск. у. 81
Лопарево, дрв. Рузск. у. 73
Луга, р. 15
Лукьянцево, дрв. Московск. у. 99
Лутосенский стан, Дмитровск. у. 17
Лутосня, р. 22
Луцино, с. Звенигородск. у. 81
Лучкина, дрв. Углицк. у. 89
Лыково, с. Переяславск. у. 23, 105
Ляпина, дрв. Переяславск. у. 101

Маглуша (Мологоща), приток Истры 72, 74
Мазалово, дрв. Переяславск. у. 106
Маймерево, дрв. Углицк. у. 92
Максимова, дрв. Кашинск. у. 63; дрв. Московск. у. 98; дрв. Переяславск. у. 106; дрв. Углицк. у. 90
Максимово Большое, дрв. в Стародубе 112
Маланьина, дрв. Можайск. у. 81
Малина, дрв. Углицк. у. 91
Малоярославецкий у. 82
Мартьяново-Фролово, дрв. Ростовск. у. 118
Марьевка, р. в Белозерск. у. 66
Марьинское, с. Костромск. у. 118, 119, 121, 123, 141
Машитино, дрв. у с. Медны 92, 93, 94
Машкова, дрв. Переяславск. у. 107
Медна, с Новоторжск. у. 25, 92, 93, 94
Меза, приток Костромы 118
Мерский стан Кашинск. у. 17, 59; стан Костромск. у. 124
Мешкова, дрв. Ярославск. у. 129
Мещера, Мещерская земля 139
Мизиново, дрв. Московск. у. 77
Микитино, дрв. Переяславск. у. 101, 102
Микулин Большой стан Коломенск. у. 20
Микулкино, дрв. у с. Петровского 73; пуст. Рузск. у. 73
Микульское дрв. Переяславск. у. 107
Милобудь Белозерск. у. 67
Милятино. с. Переяславск. у. 105
Митино, дрв. Кашинск. у. 61; дрв. Переяславск. у. 101
Михайловское на Пупках, с. Московск. у. 97, 99
Михалева. дрв. в Стародубе 112
Мишкиных детей, дрв. Ростовск. у. 115, 132
Мишкова, дрв. Ростовск. у. 114, 115
Мишутинская волость, Переяславск. у. 29, 95
Можайск, г. 69, 96, 139
Можайская дорога из Москвы 70
Можайский уезд 81, 98, 139
Молдино, погост Бежецкой пятины 31
Молитвинский лес в Переяславск. у. 22
Молога, г. 127
Молога, приток Волги 27
Мологоща (Маглуша), приток Истры 72
Молодильня, р. 79
Молокова, дрв. Костромск. у. 122
Молокча, р. 101
Монастыри: Благовещенский Киржацкий 102, 103, 132, 140; Борисоглебский митрополич. в Переяславск. уезде 105; Ильинский на р. Воре 97; Иосифов Волоколамский 137; Ипатьев Костромской 123, 125, 137, 140; Кириллов Белозерский 22, 34, 42, 43, 48, 56, 65, 66, 137; Константино-Еленский во Владимирск. уезде 53; Макарьев Колязин 9, 19, 32, 56, 59, 60, 61, 62, 63. 84, 85, 87, 137; Махрищский Стефанов 29; Николы на Песноше 17; Николы на Улейме в Углицк. у. 85; Никольский митрополичий 105; Новинский на Пресне в Москве 70; Новодевичий в Москве 77; Покровский в Угличе 85; Рождественский во Владимире 110; Саввина пустынь в Тверск. у. 94; Саввы-Сторожевский 80; Симонов в Москве 83, 137; Спасский Ярославский 19, 127; Троицкий Сергиев, в Радонеже 9, 18, 22, 25, 29, 32. 41, 63, 64, 65, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 109, 111, 112, 113, 115, 118, 119, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 132, 135. 137, 140, 141; Троица на Березнике, Московск. у. 97; Чудов в Москве 21
Мордвиново, земля в Кашинск. у. 63
Москва, г. 18, 25, 32, 46, 70, 71, 74, 75, 78, 81, 82, 95, 96, 108, 133, 139, 143, 145.
Москва, приток Оки 69, 70, 76, 78, 81, 82
Московская губ. 14, 20
Московский у. 41, 69, 78, 80, 83, 95, 113, 123
Московское великое княжество 41, 46, 69, 84
Московское государство 13, 14, 36,

123, 126, 129, 133, 134, 135, 139, 143
Мста, р. 15
Мужилово, дрв. у с. Петровского 73
Муромцево, с. Московск. у. 97, 99
Мухина, дрв. Ярославск. у. 129
Мушкова гора, урочище 17
Мушков погост и стан Дмитровск. у. 17
Мышкина, дрв. Кашинск. у. 61
Мячково, с. Переяславск. у. 141

Нагорье, дрв. Ростовск. у. 114
Надпорожский стан Белозерск. у. 53
Назарьева, дрв. Переяславск. у. 22, 101; дрв. Ростовск. у. 114, 116
Назарьево, сц. Московск. у. 77
Назарьевская, дрв. Переяславск. у. 22
Напругово, дрв. у с. Медны 92
Нахабинка, приток Москвы 75, 77
Нахабино, с. Московск. у. 75, 76, 77
Недюрево, дрв. Переяславск. у. 107
Нерехта р. 59, 119
Нерехотский стан и волость Кашинск. у. 17, 59, 84, 85; Костромск. у. 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 131
Нерль, приток Клязьмы 60, 112, 116
Неронова, дрв. Верейск. у. 82
Нефедьево, дрв. Московск. у. 77
Нехтино, дрв. Углицк. у. 92
Нижний Новгород 139, 143
Никитина, дрв. Ростовск. у. 114
Никитинская, дрв. Верейск. у. 82
Никитинский погост на Дрозне в Вохонской волости 21
Никитское, с. Переяславск. у. 105
Никола на Талице, погост Ростовск. у. 99, 114
Никольское, с. Тверск. у. 24
Никольское-Никоново, сц. Московск. у. 77, 99
Никоново, с. Московск. у. 76, 77
Никулино, дрв. Московск. у. 99
Никульское, с. Юрьевск. у. 141
Новая, дрв. Верейск. у. 82; дрв. Углицк. у. 89, 90, 92
Новгород Великий 11, 13, 16, 25, 26, 36, 46, 50, 51, 65, 92, 139, 143
Новгородская земля 15, 16, 32, 35
Новгородские владения 27
Новгородские пятины 41
Новгородское, с. Владимирск. у. 110
Новленское, с. Московск. у. 98
Новое, дрв. Переяславск. у. 132
Новое, ныне Новотроицкое, с. Ростовск. у. 112, 113, 114, 115, 117, 132
Новое под березами, с. Владимирск. у. 109
Новоселка, дрв. Кашинск. у. 63; с. Переяславск. у. 135
Новосельская, дрв. Белозерск. у. 48
Новоторжский уезд 92—94
Новотроицкое — см. Новое, с. Ростовск. у.
Ногаи, ногайская орда 133
Носково, дрв. Дмитровск. у. 72, 74; дрв. у Соли Галицкой 125
Няткина земля в Кашинск. у. 63; дрв. Кашинск. у. 63

Овинище, дрв. Ярославск. у. 129
Оглоблино, дрв. у Соли Галицкой 125
Ока, р. 82, 133
Оканница, приток Вори 97
Оксиньино, дрв. у с. Медны 92, 93, 94
Окулова, дрв. Звенигородск. у. 81; дрв. Переяславск. у. 66, 104
Олехово, дрв. у с. Медны 92
Ольховка, дрв. Верейск. у. 82
Опалев стан, Переяславск. у. 104
Ополье Суздальское 54, 108, 131
Опольский стан Владимирск. у. 108, 110
Орда Золотая 46, 50
Оренбургская губерния 13
Ореховка, дрв. Ростовск. у. 114
Осенево, дрв. Углицк. у. 91, 92
Осник, с. Ростовск. у. 116, 117, 118
Остречина, приток Мологи 27
Остров, дрв. Ростовск. у. 115, 116
Островна, приток 81
Осьминино, дрв. Ростовск. у. 118
Отесово, дрв. Тверск. у. 24
Ощеркино, дрв. Переяславск. у. 101

Павлецова, дрв. Московск. у., ныне с. Павлики-Спасское 74, 75
Павлищева, дрв. Верейск. у. 82
Павлова, дрв. Московск. у. 75; дрв. у. с. Медны 92
Павлово, сц., ныне Павлов посад 21
Павловичи, дрв. у с. Медны 94
Павловское, с. Владимирск. у. 108; с. Ростовского у. 116, 117, 118; с. Углицк. у. 88, 89
Пажа, приток Вори 95
Палкина, дрв. Ярославск. у. 129
Панина, дрв. Можайск. у. 81
Панино, с. в Радонеже 99
Параклит, скит Тр. Сергиева монастыря 101
Пахрянский стан Коломенск. у. 20
Пашковское селище Верейск. у. 84

Пенье, дрв. с. Петровского 73
Передол, волость Малоярославск. у. 82
Перепечина, дрв. под Москвой 70
Перетрясова, дрв. Ростовск. у. 114
Переяславль Залесский 18, 29, 81, 96
Переяславский уезд 27, 29, 41, 47, 78, 84, 85, 95, 100, 102, 104, 105, 112, 113, 116, 123, 132, 140, 141
Переяславско-Владимирское княжение 65
Переяславское озеро (Плещеево) 105
Перфурково, дрв. Рузск. у. 73
Перхурово, дрв. Углицк. у. 92
Першина, дрв. Московск. у. 98
Пески, дрв. Углицк. у. 89
Пестово, дрв. Углицк. у. 92
Пестрое, дрв. Звенигородск. у. 81
Песья лука, дрв. Рузск. у. 73
Петракова, дрв. Ярославск. у. 128, 129
Петровск, заштатный город Ростовск. у. 116
Петровская, дрв. Костромск. у. 127
Петровское, с. Дмитровск. у. 72, 73, 74, 76, 131; с. Московск. у. 97, 99, 132
Пехорский стан, Московск. у. 137
Печкура, р. 104
Пивнево-Мошок, дрв. Переяславск. у. 103
Пирогово, дрв. Ростовск. у. 118
Плесцо, волость Владимирск. у. 110
Плясцево, сц. Переяславск. у. 100
Побочнева, дрв. Владимирск. у. 110
Побычево, дрв. Ростовск. у. 118
Повельский стан Дмитровск. у. 17, 27, 64
Поволжье среднее 133, 139
Погорелка, дрв. Кашинск. у. 62; дрв. Ярославск. у. 129
Подболотное, дрв. Переяславск. у. 103
Поддубное (Поддубье), с. Ростовск. у. 112, 113, 114, 115, 116, 117, 132
Подкосово, дрв. у Соли Галицкой 125
Подмосковье 108, 133
Подмохово, землица в Кашинск. уезде 63
Поелово, с. Юрьевск. у. 108
Поемечье, с. Костромск. у. 118, 119, 120, 121, 123, 141
Покров у озера, погост Ростовск. у. 118
Покровское, с. Звенигородск. у. 81; сц. Белозерск. у. 23
Пола, приток Клязьмы 111
Полахма, дрв. Углицк. у. 89
Полужье, дрв. Углицк. у. 89
Польша 90, 134, 139, 145
Полянка, дрв. Московск. у. 76
Поморье, Поморские города 65, 125, 140
Поникарово, дрв. Ростовск. у. 115, 116
Попова, дрв. Переяславск. у. 104
Попова росчисть, пог. Костромск у. 126
Поповка, дрв. Ростовск. у. 114
Поповкино, дрв. Московск. у. 77
Попово селище, дрв. Московск. у. 75
Поповская, дрв. у с. Марьинского 121; дрв. у с. Кувакина 122
Пореево, дрв. Ростовск. у. 118
Порецкое, с. Владимирск. у. 109
Порплино, дрв. Углицк. у. 92
Потылиха, предместье г. Москвы 69
Почап, волость Малоярославецк. у. 82
Пошехонье, г. и у. 51, 118
Пресненская застава г. Москвы 71
Пресня, предместье г. Москвы 70
Пречистое на Нерли, с. Ростовск. у. 117
Прибалтика 139, 143
Прилук (прежде Удинское) с. Углицк. у. 89, 90, 91, 92
Притыкино, дрв. Ярославск. у. 129
Прокшина, дрв. Углицк. у. 92
Протва, приток Оки 81, 82
Прямиково, дрв. Углицк. у. 89, 92
Псков 35, 36, 39, 139
Пудицкий стан, Кашинск. у. 17
Пукша, приток Волги 89
Пупок, дрв. у с. Медны 92
Путилово, с. Московск. у. 97, 99
Пучкова, дрв. в Стародубе 112
Пушкино, с. Московск. у. 32, 71, 131
Пьяницыно, с. Юрьевск. у. 108
Пятницкий, пог. Вохонской волости 21

Радонеж, ныне с. Городок 19, 26, 81, 95, 96, 97, 99, 101, 102
Радонежский удел Серпуховских князей 19
Райково, дрв. Углицк. у. 89
Рамена, приток Сетуни 69
Раменейце, волость Московск. у. 136
Раменка, дрв. под Москвой 69
Раменский стан, Дмитровск. у. 17
Раменье, дрв. у с. Медны 92
Рахманова, дрв. Московск. у. 99
Рахмелево, дрв. Углицк. у. 92

Ребятинцево Малое и Большое, деревни Дмитровск. у. 73
Решикова. дрв. Можайск. у. 81
Речица Б. и М., деревни с. Медны 92, 93, 94
Решетниково. дрв. Дмитровск. у. 73
Родионова, дрв. Углицк. у. 89, 92
Родионовка, приток Волги 89
Романова, дрв. Верейск. у. 82
Романовский поч. Верейск. у. 83
Романовское, с. Переяславск. у. 104
Россоха, р. 72, 74
Ростов, г. и уезд 24, 27, 32, 85, 112, 113, 114, 116, 132, 139
Ростовское княжество 84
Ростовское озеро 27
Ростовско-Суздальская земля 108
Рохова, дрв. Ростовск. у. 114
Рудлева, дрв. Кашинск. у. 59, 60
Рудь, приток Протвы 81
Рузский уезд 73
Русь Киевская 11, 13, 14, 15, 21, 51
Русь княжеская 51
Русь северо-восточная 11, 12, 14, 16, 26, 27, 41, 51, 54, 108, 112, 141
Русь Суздальская 16, 21
Русь феодальная 8, 33
Рыбушкино, дрв. Дмитровск. у. 74
Рыскуново, дрв. с. Медны 92
Ряжск, г. 43
Рязанская губерния 21
Рязанский уезд 20, 139
Рязань, г. 139
Ряполово, дрв. Московск. у. 98, 99

Сабурово, с. Московск. у. 71, 72, 77 80
Саввин стан, Ростовск. у. 98
Савкина, дрв. Переяславск. у. 102
Савкина-Исакова, дрв. Звенигородск. у. 79
Салова, дрв. Переяславск. у. 101
Сара, р. в Ростовском уезде 112
Сарычкина, дрв. Переяславск. у. 29
Сахарникова, дер. Московск. у. 70
Святые отцы, с. под Москвой (ныне Всесвятское) 70
Селиванова гора, с. Переяславск. у. 103
Селина, дрв. Ростовск. у. 115; Селино Б. и М., деревни Ярославск. у. 129
Сельцы, волость Костромск. у. 125
Селюхино, дрв. Углицк. у. 92
Селятино, дрв. Ростовск. у. 118; с. под Москвой 69, 70
Семеновское, с. Владимирск. у. 110; с. Ростовского у. (ныне дрв. Семенкова) 117
Сергиев посад 25, 99
Сергиевское, дрв. Звенигородск. у 81; с. Углицк. у. 92
Середицкий стан Кашинск. у. 17
Серпуховская застава г. Москвы 69
Сетунь, приток Москвы 69
Сетунский стан. Московск. у. 69
Сидорова, дрв. Московск. у. 98
Сизьма, р. в Вологодском уезде 67
Синельницы, с. Ростовск. у. 116, 117, 118
Синково, с. Дмитровск. у. 141
Скворцова. дрв. Переяславск. у. 64
Скирманов стан. Рузск. у. 72, 73, 74
Скнятиново, с. Переяславск. у. 101
Скульнев стан Коломенск. у. 20
Слабнево, с. Переяславск. у. 100, 101
Смоленская губ. 13
Соболы, с. Колязинск. у. 85
Соколово, с. Переяславск. у. 23, 107
Соль Галицкая 118, 125
Сомь, Сумерь, Сумрак, приток Талицы 99
Сорокино, дрв. Ростовск. у. 118
Сорохта, волость Костромск. у. 118, 120
Сотниково, дрв. Вышегородск. у. 83, 84
Соть, приток Костромы 123
Софьино, с. Звенигородск. у. 81
Спасская, дрв. Звенигородск. у. 81; дрв. Переяславск. у. 106
Спасское, с. Владимирск. у. 108; с. Колязинск. у. 87, 88
Спицин поч., Вышегородск. у. 83
Стан, дрв. Кашинск. у. 19
Станище, урочище в Моск. у. 97
Старая, дрв. Ростовск. у. 118
Старица 93
Стародуб Ряполовский 23, 111, 137
Староселово Нижнее, дрв. Ростовск. у. 115, 116
Старый двор, с. Владимирск. у. 108
Степанкова, дрв. Московск. у. 98
Степанкова, дрв. Московск. 99
Степаново, дрв. Углицк. у. 92
Степурино, с. Переяславск. у. 23, 105
Стонилово, дрв. у Соли Галицкой 125
Стремянникова, дрв. у Соли Галицкой 125
Стремково, дрв. Дмитровск. у. 73
Стригина, дрв. Ярославск. у. 129
Строева, дрв. Московск. у. 75
Струково, дрв. Углицк. у. 92
Струнина, дрв. Переяславск. у. 106
Судбищи, место боя в Тульск. у. 133

Суздальский у. 108, 118
Суздальское ополье — см. Юрьево Суздальское ополье
Суконниково, дрв. Переяславск. у. 101
Сураломы, с. Владимирск. у. 53, 54
Сурожский стан, Московск. у. 72, 73, 74
Суходольский стан, Кашинск. у. 17
Сущево, дрв. Белозерск. у. 68
Сынково, с. Владимирск. у. 110

Талица, дрв. Белозерск. у. 67, 68
Талица, приток Вори 66, 97, 99
Тарбеево, с. Переяславск. у. 100
Татариново-Копытово в Чисцах (ныне дрв. Татарка), Звенигородск. у. 81
Тверитиново, дрв. Рузск. у. 73
Тверская дорога из Москвы 70
Тверская губерния 14, 92
Тверское вел. княжество 17, 41, 65, 84
Тверской у. 23, 41, 58
Тверца, приток Волги 92
Тверь (Калинин) г. 25, 72, 92
Тебениха, дрв. Ярославск. у. 129
Тебза, приток Костромы 118
Теза, приток Клязьмы 111, 112
Телмячево, дрв. Владимирск. у. 109
Тимошкина, дрв. под Москвой 70
Тимошкино, сц. Звенигородск. у. 79
Титляково, сц. Белозерск. у. 23
Гишинино, дрв. Звенигородск. у. 79
Товские пустоши в Белозерском уезде 42, 48
Токарево, дрв. Ростовск. у. 118
Толдаково, дрв. Звенигородск. у. 79
Топорково, дрв. Переяславск. у. 101
Торгоша, приток Вори 64, 95, 97
Торжок Новый, г. 25, 92, 93
Торопецкий уезд 52, 70, 147
Три горы под Москвой 70
Троицкий стан Дмитровск. у. 17
Троицкое, с. Верейск. у. 82, 83
Труфанов поч. Московск. у. 76
Тульский уезд 139
Тумохта, приток Жабны 62
Туркина-Локтева, дрв. Переяславск. у. 104
Турчасов посад 39
Тутолмина слобода, с. Переяславск. у. 103
Тушино, с. под Москвой 72, 76, 77, 145

Увоть, приток Клязьмы 110
Угла, волость Белозерск. у. 48
Углицкий уезд 32, 84, 85, 86, 87, 90, 120, 123, 131, 139
Удинское (ныне Прилук), с. Углицк. у. 85, 86
Удомля слободка Бежецкой пятины 31
Уполозы, Богородицкий погост на Клязьме 21
Урал 13
Уское, дрв. Ярославск. у. 129
Устиновка, дрв. Дмитровск. у. 74
Усть-Мерский стан, Коломенск. у. 20
Устьянские волости 47.
Устюг, г. 39
Уча, приток Клязьмы 71

Фаустова, пуст. Переяславск. у. 22
Феденина, дрв. Переяславск. у. 29
Федоровское, с. Костромск. у. 118, 119, 120, 121, 122, 141; с. Московск. у. 97, 99
Федосова, дрв. Верейск. у. 82
Федотова, дрв. Верейск. у. 82
Федулова, дрв. Владимирск. у. 110
Филатова, дрв. Верейск. у. 82
Филимонова, дрв. Ростовск. у. 114
Фомина, дрв. Переяславск. у. 64
Фомкина, дрв. Звенигородск. у. 79
Фроликова, дрв. Кашинск. у. 60

Халдеево, дрв. Ростовск. у. 116
Халино, с. Переяславск. у. 103
Хамина, дрв. Углицк. у. 92
Харламовская дрв. 66
Хмельники (Хмеледубовое), дрв. Ростовск. у. 118
Ходческий стан, Кашинск. у. 17
Ходынка, приток Москвы 70
Холм, дрв. Дмитровск. у. 73
Холомеева, дрв. Костромск. у. 120
Храпково, дрв. Переяславск. у. 104

Цвелово, с. Юрьевск. у. 108

Часцы, дрв. Звенигородск. у. 81
Чашниково озеро в Ростовск. у. 118
Чашницы (Чашниче), с. Ростовск. у. 116, 117
Чепринское (ныне дрв. Чеприна), с. Дмитровск. у. 22
Чепрякова, дрв. Звенигородск. у. 81
Чернятина, дрв. Углицк. у. 89
Чеснокова, дрв. Ростовск. у. 115
Чечевкина слободка, Переяславск. у. 100
Чистово, дрв. Ростовск. у. 118
Чопурово, дрв. Ростовск. у. 114
Чудский стан, Кашинск. у. 59, 60

Шарапово, с. Звенигородск. у. 81; с. Переяславск. у. 101
Шача, приток Костромы 118, 125, 126
Швеция 134, 139, 145
Шексна, р. 34, 66, 67
Шеренская волость Московск. у. 95
Шеренский городок 95, 96
Шеренский лес 95, 98
Шередар, приток Киржача 102
Шерна, приток Клязьмы 95, 104
Шешарино, дрв. Звенигородск. у. 81
Шильцы, дрв. Переяславск. у. 101
Шихова, дрв. Звенигородск. у. 81
Шишегда, приток Костромы 111
Шохово, дрв. Можайск. у. 81
Шуйское-Деево, дрв. Переяславск. у. 103
Шуйское Другое. дрв. Переяславск. у. 103
Шуклино, дрв. Переяславск. у. 29, 30
Шумарово, с. Ярославск. у. 127
Шуткин стан Юрьевск. у. 108
Шухобалово, с. Юрьевск. у. 141

Щелково-Яковля, дрв. Белозерск. у. 67
Щипачево-Розлогино, дрв. Ростовск. у. 118

Юлка, стан Дмитровск. у. 17
Юрилово, дрв. Костромск. у. 127
Юринское, сц. Костромск. у. 119, 120
Юркина, дрв. Костромск. у. 121
Юрьев Польский, г. и уезд 43, 108, 112, 116, 141
Юрьево-Суздальское ополье 54, 102, 105, 118, 131, 141

Яковково, дрв. Ростовск. у. 118
Яковлево, дрв. Московск. у. 74, 75
Якольское, с. Костромск. у. 124
Якоть, приток Дубны 27
Яновец, дрв. Владимирск. у. 109
Ярогомж, с. Белозерск. у. 26
Ярославле, с. Владимирск. у. 108
Ярославская губ. 14, 20
Ярославль, г. и уезд 51, 114, 118, 127, 129, 139, 143
Ясенево дрв. Ярославск. у. 129
Яслицы, с. Владимирск. у. 110, 111
Яхрома, приток Сестры 17, 27, 95

Указатель личных имен

Аверкий, княжеский слободчик в Нерехте 119
Аксенов Ив., крестьянин 21
Алабыш Фед., кн. Ярославский, писец 41
Алексеевы, переяславск. вотчинники 64
Амвросий, архим., историк церкви 19
Андреев А. Иг. 35
Андреев Ф., крест. 94
Андрей Васильевич, кн. Углицкий 89
Андрей Владимирович, кн. Радонежский 25, 86
Андрей Дмитриевич, кн. Белозерский 66, 67
Арсений, троицкий иеромонах 25
Арсений, чернец Кириллова монастыря 67
Артемьев А., статистик 14, 20
Астафьев Павел, слуга Колязина монастыря 62
Астафьевы, кашинские вотчинники 59
Афанасьевы-Галины переяславск. вотчинники 64
Афонин Евд., крест. 88

Башкины, переяславск. вотчинники 106
Беклемиш Федор, переяславск. вотчинник 22
Беклемишев Борис 137
Бельский Ив. Дм., кн. 77
Беляев Ив. Дм., проф. 53, 69
Бессоньевы. переяславск. вотчинники 64, 65
Болотников Ив., предводитель повстанцев 145
Борис Александрович, вел. кн. Тверской 60
Борисов-Бороздин, Вас. Петр., окольничий 63
Бородатой Сем., княжеский слободчик в Угличе 89
Ботвиньевы, кашинск. вотчинники 59
Буженина, крест. 29
Быков Иван, княжеский слободчик в В. Новгороде 31

Вадин Максим, крест. 35, 36
Василий Васильевич Темный, вел. кн. 50, 64
Василий Дмитриевич, вел. кн. 48, 116
Василий Иванович, вел. кн. 41, 98
Василий Иванович Шуйский, царь 145
Василий Ярославич, вел. кн. 46
Вахромеев Ив., издатель актов 127
Вильсон Ив., статистик 14
Владимир Андреевич Храбрый, кн. Серпуховской 70
Владимир Андреевич, кн. Старицкий 21, 136
Владислав, польский королевич 79, 90.
Волуев Матв. Ив., писец 41
Волынский Мих. Бор., писец 41
Воробьев Макс., крест. 29
Воронцов Ив. Сем., боярин 101
Воронцов Ив. Фед., боярин 137
Воронцов Фед. Сем., боярин 137
Вострой Арт., крест. 88

Геронтий, троиц. посельский в Нерехте 119
Голенин Вас. Ив., кн., писец 41, 104
Головачев Ал., переяславск. помещик 106
Горский А., проф. 104
Горбатой Суздальский, Ал. Бор., кн. 112, 113
Готье Юр. Влад., проф. 18, 144
Гундоров Стародубский Ром. Ив., кн. 137

Давидов Северьян, писец 90
Данилов Услюм, писец 99

Дашковы Калина и Дм., переяславск. помещики 106
Дебольский, археограф 42, 66, 67
Девлет Гирей, крымский хан 71, 83, 133, 134
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 46
Дмитрий Иванович Жилка, кн. Углицкий 89
Дмитрий Юрьевич Красной, кн. 86
Дьяконов Мих. Ал., академик 36, 43

Евагрий, чернец 67
Евфросинья, кн. Дмитровская 81
Елена Ольгердовна, жена кн. Влад. Андреевича 70
Енин Кл., сокольник 106
Есипов Богдан, новгородск. посадник 31
Еська 29
Ефименко Ал. Як., историк 7, 8, 26, 27

Желтухин Ф. Гр., вотчинник 106
Жеребцов Клим, крест. 66
Жировкин М., крест. 119
Жуков Ив. П., слуга Колязина монастыря 60
Жуковы, кашинск. вотчинники 59, 60, 61

Заболотский Вас. Мих. Чертенок, писец 41
Заболотский Вл., писец 116
Заболотский Григ. Вас., боярин 64, 65
Заболотский Конст. Григ., писец 41, 65
Заболотский Петр Григ. Лобан, писец 41
Загряжский Ал., писец 93
Загряжский Вл., сборщик служилых людей 43
Загряжский Дм., писец 116
Засекин Дан., кн. 109, 137
Захаров Пашка, крест. 89
Зворыкины, Ив. Мих. и его сыновья Федор и Юрий, переяславск. вотчинники 101
Зосима, митрополит 70

Иван Васильевич III, вел. князь 46, 57, 67, 70, 74
Иван Васильевич IV, царь 25, 79, 134, 135, 136, 137, 139, 140
Иван Данилович Калита, вел. кн. 21
Иванов Ал., крест. 94
Игнатьев Григорий Багоня, слуга Колязина монастыря 63
Игнатьев Захар, слуга Коляз. монастыря 63
Игнатьев Кузьма, тоже 63
Игнатьев Семен Яман, тоже 63
Игнатьев Сувор, слуга Колязина монастыря 63
Игнатьевы, кашинск. вотчинники 59, 61

Кабачины Иван и Панкрат, белозерцы 66
Калачев Н., проф., издатель Писцовых книг Московск. государства 74, 126
Камчатой Никита, игумен Воскресенск. монастыря 64
Карабузин Черемисин, слуга Колязина монастыря 61
Карабузины, кашинск. вотчинники 59, 60
Карач, нерехотск. крестьянин 119, 120
Кассиан, игумен Кириллова монастыря, 67
Катавасьевы, переяславск. вотчинники 64
Каутский 8
Квашнин Поярок, писец 120
Кемские-Нащокины Андрей и Семен, князья, 23
Киприан, митрополит 69, 116
Кирилл, основатель Кириллова монастыря 66, 67
Китаев Новосильцев Дм. Вас., писец 41
Клим, зелейник, переяславск. помещик, 105, 106
Клобурников Гавриил, старец Колязина монастыря 62
Клобурников Ив. Назаров, слуга Колязина монастыря 62
Клобурников Назар Винков, тоже 62
Клобурников Нефед Винков, тоже 63
Клобурников Поветко Сытков, слуга окольн. В. П. Борисова 63
Клобурников Федор Винков, слуга Колязина монастыря 62
Клобурниковы, кашинские вотчинники 59, 61
Клочков Мих. Вас., проф., 33
Кобцов Игн., крест., 29
Кобылин Тим. Ал. Синяго, вотчинник 119
Козодавль Яков, московск. вотчинник 74, 75
Колтовский Арт., писец. 82
Коншин Леваш, митрополичий дьяк, 108
Копнин Вас. Бор., радонежск. боярин 29

Корабль Ст., княжеск. слободчик 31
Коржавин Дан., кашинск. вотчинник 60
Косагов С., митрополичий сын боярский 104, 109
Кошка Гр., слуга Чулковых 107
Кошкин Зах. Ив., боярин 118
Крюк Мих. Фед., московск. боярин 92
Крюков Ив. Мих., вотчинник в П. Торжке 92, 94
Кузьмин Ив., нерехотск. крест. 119
Куначин Ст., мишутинск. дворский 29
Курбский Андр. Мих., кн. 59, 137
Курман, сокольник 106
Кутузов Борис, писец 41
Кутузов Дан. Фед., московск. вотчинник 77
Кучецкий-Станищев Вас. Алф., костромск. вотчинник 118

Лапоть Ив., крест. 29
Лаппо-Данилевский Ал. Сер., академик 40
Лаптев М., холоп вел. княгини 106
Ларин Ф., переяславск. вотчинник 65
Ленин, 8, 10
Леонид, архим., историк 95, 104
Лихарев Замятня 126
Лихарев Никифор Федоров и его сын Павел Нечай, костромские вотчинники 125, 126
Лубнин Прок., белозерец 67
Лукин С., троицкий крест. 97
Лыков Александр Владимирович, воевода 29
Ляпун, слуга Ив. Старкова 107

Макарий Кожин, основатель Колязина монастыря 59, 63, 85, 88
Максимов Клим, княжеск. слободчик 31
Мамай 46
Маркс Карл, 8, 11
Масленицкий Юр., митрополичий посельский 53
Махонины, кашинск. вотчинники 59, 61
Мезецкий Мих. Ром., кн. 111
Мейчик, архивист 66, 67
Мерлины, кашинские вотчинники 59
Миклашевский Ив. Н., историк 40
Милюков Пав. Н., историк 40, 53, 74
Михаил Андреевич, кн. Белозерский 67
Михаил Андреевич, кн. Верейский 34, 42, 48
Михаил Борисович, вел. кн. Тверской 19, 85, 88
Михеевы, крестьяне 35
Монастырев Гр. Ив., белозерск. боярин 67
Монастыревы, белозерск. вотчинники 34
Морозов Вас. Бор. Тучко, боярин 119
Морозов Вас. Григ. Поплевин, писец 41, 105
Морозов Ив. Григ., боярин 71

Нагово Ив. Григ., вотчинник 43
Напольские, переяславск. вотчинники 64
Наумов Вас. Ив., писец 123
Никон, игумен Троицы-Сергиева монастыря 97
Носов Ив., слуга Гр. В. Заболотского 64, 65

Обухов Лука, крест. 89
Огородников Е., статистик 14
Окул, белозерск. поп 66
Окулов Семен, его сын 66
Окулов Филя, княжеск. слободчик 31
Ольга, вел. княгиня 15
Онисифор Лукич, новгородск. посадник 92
Остеев Ром. Ал., боярин 119

Папков, историк 16
Патрикеев Гридя, крест. 29
Патрикеев Ив. Юрьевич, кн., боярин 70, 106
Патрикеев Иван, митрополичий сын боярский 109
Пахомов Михаил, кузнец 67
Перхур 29
Пивовы, кашинск. вотчинники 59
Пикины, слуги белозерских князей 67
Плещеев Вас. Петрович 75
Плещеев Ив. Ал., писец 113
Плещеев Ив. Вас. 79
Плещеев Ив. Мих. 75
Плещеев Петр Мих. 75
Поповка Иван, дьяк вел. князя 22
Пронская Евд. Ив., кн. 111

Раменьев Дуброва, переяславец 22
Ростовский Ив. Б., кн., писец 79, 80
Рубцов М., краевед 93, 95
Рыкуля Гридя с детьми, крестьяне 29

Рязанцев Гридя, крест. 89
Рязанцевы, переяславск. помещики 106

Сабуров Дм. Сем. Пешков, писец 41
Сабуров Сем. Фед., писец 82
Сабуров Фед. Ив. Пильем 114. 132
Сабуров Юр. Андр. Пильемов и жена Домна 115, 132
Сабуров Юр. Конст., боярин, писец 41
Салманов Т., переяславск. помещик 105, 106
Самозванцы первый и второй 145
Самоквасов Дм. Як., проф. 31, 43
Сапега, литовск. гетман 98, 100, 102
Сарычка Сем., крест. 29
Селята, митрополичий коровник 69
Сергеевич Вас. Ив., проф. 7, 16, 18, 26, 27
Сергий Радонежский, основатель Троиц. монастыря 95, 96, 97
Серко, крест. 66
Симеон Бекбулатович, царь 134
Симон, митрополит 53
Скворцовы, переяславск. вотчинники 64
Собина Куземка, колязинск. слободчик 85, 86
Соколовский П. А. 7
Софонов Ив., крест. 89
Софья Витовтовна, вел. княгиня 118
Старкова Анастасия 107
Старков Вас. Ал., переяславск. вотчинник 107
Старков Ив. Ал., тоже 106, 107
Стародубский Андр. Фед., кн. 111
Стародубский Бор. Дан. Тулупов, кн. 111
Сторожев Вас. Ник., археограф 60
Строков Фед., колязинск. данный пристав 86
Струнины, переяславск. помещики 105, 106
Сукин Григ., писец 127
Сурмин Ив. Фед., писец 93

Татищев Вас. Н., историк 46
Тимофеев Ив., крест. 35
Титов Ал., издатель 116
Токмаков Ив. Ф., архивист 102, 104
Тохтамыш, хан 46, 96, 133
Траханиотов Вас. Юр., боярин 75
Трифон, игумен Кириллова монастыря 66
Тропыня, жабенск. дворский 88
Трусановы. кашинск. крестьяне 88
Тутолмин М., троиц. приказчик 94

Ушатой Шумаровский Ив. Вас., кн. 127

Феденя, крест. 29
Федор Иванович, царь 26, 34, 35
Федоров Ив., крест. 93
Федоров Ив. Петр., боярин 53
Федотов Никита, крест. 119
Федотов-Чеховский, проф. 66, 67
Феогност, митрополит 69
Филимонов Морга, колязинск. слуга 61
Фомин Вас. Гр. (Квашнин), писец 127, 128
Фомин, Ник. Дан., митрополичий боярин 108
Фомин Сем. Вас. Великого, то же 104, 105
Фотий, митрополит 70

Хлусова Анюша, холопка 61
Холмогоровы, Вас. и Гр., архивисты 21, 71, 75, 76, 77, 79, 80
Холмский Вас. Дан., кн., боярин 72
Холмский Дан. Дм., кн., боярин и жена Василиса 72
Холмский Сем. Дан., кн., боярин 72
Христофор, игумен Кириллова монастыря 66, 67
Хромой Дав. Дан., кн. Ярославский, писец 41

Челяднина Елена, вдова боярина 112, 113
Чернобесов Протас, крест. 119
Чечулин Н. Дм., историк 40
Чичерин Бор. Н., проф. 7, 53
Чулковы Алексей и Иван Андреевичи, переяславск. вотчинники 107

Шаблыкин Лобок, вольноотпущенный холоп 106
Шапкин Мих. Дм. Заболотский, писец 41, 67.
Шеин Дм. Вас., боярин 71
Шубин Н., нерехотский крестьянин вел. княгини 119
Шукля Ал., крест. 29
Шумаков Сер. Ал., археограф 21, 23, 26, 66, 67, 68, 73, 79, 80, 82, 89, 99, 102, 110, 113, 123, 124

Щербатого Меркурий, кн., писец 93
Щетинины, кн., московск. вотчинники 77

Эдигей 29, 96, 133
Энгельс Фридрих, 8, 11

Юрий Владимирович кн. 17
Юрий Иванович Московский, кн. 79, 88
Юрий Онисифорович, новгородск. посадник 92
Юрьев Конст., выезжий грек 137
Юшков Ал., издатель актов 43
Янов Николай, турчанин 109

ОТДЕЛЬСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. Ленина
ИНВ. №

Resumé

Aux XIV—XVI-e siècles les agglomérations villageoises du nord-est de la Russie se réduisaient à quatre types: pogost, sélo, seltzo et village (dérévnia). Les pogosts représentaient des survivances d'un passé lointain à diverses étapes de transformation et de disparition. D'une manière générale, le pogost de cette époque était un cimetière, avec une église sans paroisse, où habitait un prêtre. Le sélo était à l'origine une maison seigneuriale avec les serviteurs et les esclaves qui y étaient attachés. La majorité de la population des seigneuries ou des possessions des monastères demeurait dans des hameaux à 1—3 maisons, disséminés autour des sélos. Dans le courant des XIV—XVI-e siècles les sélos deviennent des centres de paroisse. Le prêtre de l'église, qui habitait jadis dans un hameau à part, vient s'y installer. La population taillable des petits villages au sein de laquelle apparaissent plus tard les artisans et les marchands, s'y concentre aussi peu à peu. Dans le courant du XVI-e siècle le sélo prend l'aspect du gros village qu'il présente aux XVII—XIX-e siècles.

On nommait seltzo une résidence seigneuriale sans église ou bien avec une église sans paroisse (église de domaine).

Le village proprement dit (dérévnia) constituait une exploitation agricole autonome complète et représentait un ensemble de terres: terres occupées par les habitations et leurs dépendances, labours, prairies, forêts, etc. La forme d'exploitation dominante était un assolement triennal irrégulier, avec jachère et défrichement. Le bétail paissait en liberté, sans berger. Les champs communs et la réunion du bétail en troupeau sous la garde d'un berger apparaissent au XV-e siècle, tout d'abord dans les gros villages.

La classe nombreuse des petits propriétaires fonciers (votchinniki) non privilégiés, qui pour la plupart travaillaient eux-mêmes la terre, habitait dans ses propres fermes - hameaux. Au XVI-e siècle cette classe disparait graduellement.

Le régime de la taille au profit du prince et du seigneur correspondait entièrement à la prédominance des petites agglomérations rurales. Pour l'époque la plus reculée on peut admettre la responsabilité individuelle des contribuables. En tout cas, la contrainte solidaire est un phénomène postérieur et n'a reçu sa forme complète qu'après la suppression du droit de déplacement et de désaveu des paysans. Un autre trait essentiel de l'époque des petites agglomérations est l'absence de règles de lotissement et d'imposition, la taille et toutes les redevances étant déterminées par contrat et par les coutumes locales.

L'agrandissement des villages se présente sous deux aspects différents: agrandissement par suite de l'accroissement naturel de la population et agrandissement

par réunion de plusieurs petits villages en un seul par la volonté du seigneur. L'agrandissement par la volonté du seigneur, appréciable déjà dans la seconde moitié du XV-e siècle, devient au XVI-e siècle une tendence de politique de classe des propriétaires fonciers. Malgré les événements du troisième quart du XVI-e siècle et des vingt premières années du XVII-e siècle, qui ont amené la dévastation du pays et réduit sensiblement la population, l'agrandissement, tout en se ralentissant, continua. La restauration économique qui commença après 1619 (conclusion de la paix avec la Pologne) se fit dans les conditions d'asservissement complet des paysans, ruinés par les évènements précédents. La classe des propriétaires fonciers, dans l'intérêt d'une exploitation plus intense des paysans, cherche à les grouper en gros villages, où chacun d'eux reçoit un lot de terre dans les champs communs et s'acquitte de toutes les redevances au profit de l'état et du propriétaire suivant les règles d'imposition basées sur ce lot et sur le régime de la contrainte solidaire.